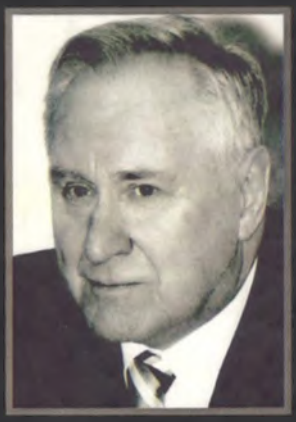
Р2Яр
С37

Альфред
Симонов

Музыка в пустом доме



Альфред Николаевич СИМОНОВ
родился в 1947 году в г. Рыбинске.

После окончания института служил на различных должностях в органах госбезопасности СССР и ФСБ России, в налоговой полиции, в административных органах. В 90-х годах активно участвовал в политической жизни страны. В настоящее время – Руководитель общественной приемной в Ярославской области полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе.

Печататься начал с 17 лет. Возобновил литературную деятельность в 2004 году, опубликовав в журнале «Русский путь» повести «Светлое прошлое» и «Фаэтон». Затем в течение нескольких лет в различных издательствах вышли его книги «Орбита осколка – из записной книжки полковника контрразведки», роман «Имя на запотевшем стекле», мемуары «Искусствовед в штатском», книга повестей «Подсказка ангела».

В настоящее время автор заканчивает работу над новым романом «Отель у озера».

Р2 9р
С 37

Альфред СИМОНОВ

МУЗЫКА В ПУСТОМ ДОМЕ

РОМАН

- 173707 -

ИПК «ИНДИГО»
Ярославль
2010

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система
города Ярославля»

УДК 351.746.1(47+57)
ББК 67.401.132(2)
С37

Автор благодарит братьев Честных –
Игоря и Сергея
за помощь в издании этой книги

Симонов А. Н.
С37 Музыка в пустом доме. Роман. – Ярославль: ИПК «Индиго», 2010. – 168 стр.

«Музыка в пустом доме» – пятая книга Альфреда Симонова. В жанре научно-фантастического детектива автор пытается показать, что есть в мире людей некие Запреты, которые человечество, несмотря на открывшиеся технические возможности, ни в коем случае не должно нарушать.

В центре романа – девушка-студентка, оказавшаяся на острие интересов Российской Федеральной службы безопасности, американских спецслужб, а также комитета государственной безопасности СССР.

На фоне развивающейся любовной интриги автор пытается, перефразируя Грибоедова, «...сравнить век нынешний и век минувший».

ББК 67.401.132(2)

ISBN 978-5-91722-032-1

© Симонов А.Н.,2010
© ИПК «Индиго», 2010

Часть I
КОЛЬЦО С ИЗУМРУДОМ

Глава I

– Алёнка сходи в магазин, хлеба дома нет. Алёнка слышишь? – недовольно заворчала мать, заглянув в полутёмную комнату дочери. Дочь лежала на диване в слабом облачке света от настольной лампы. – Видишь же, не успеваю ничего. Еще морковь со свеклой не доварилась... Да не читай при таком свете, глаза испортишь.

– Слышу я, слышу, сейчас, погоди минутку, только страницу закончу. У меня же семинар завтра, а ты со своим хлебом да свеклой пристала, – буркнула девушка, не меняя положения тела. – Позаниматься спокойно не дадут!

– Да некогда годить-то, отец сейчас со службы придёт. Он человек не современный, без хлеба ужинать не будет, рассердится. Сама знаешь...

– Иду, иду. А что на ужин? Будет что-нибудь вкусненькое?

– Котлетки паровые с отварными овощами.

– Господи, вот наказание – родители диетики. Как же невкусно мы живем!

– Ну, что делать. А ты купи себе чего-нибудь. Чего тебе хочется?

Алёнка не ответила. Спугнув спящего в ногах котенка, она нехотя поднялась с дивана и, отложив учебник, лениво поплелась в переднюю, на ходу поправляя выбившуюся из-под джинсов рубашку. Идти ей никуда не хотелось, и это отчетливо было видно по недовольному выражению её лица, лица человека, которого оторвали от серьезных дел и заставляют заниматься ерундой. Она боязливо взглянула в окно: осенняя улица показалась ей одной большой рекой темной холодной воды, на которой медленно покачивались, как желтые кувшинки, огоньки фонарей.

– Холодно и сыро. Фу ты, а придется нырять туда, – подумала девушка. Она надела новенькие, красные, только вчера подаренные ей на день рождения сапожки, натянула свою любимую синюю ветровку, красиво облегавшую фигуру, и подошла к старинному зеркалу. Зеркало равнодушно отразило Аленку. На своем длинном веку оно видело немало юных женщин, которые затем стали мамами, бабушками, а потом и сгинули вовсе, оставив после себя лишь пачки никому не нужных фотографий, где они совсем молоденькие позировали в целомудренных купальниках на фоне Ялты или Сочи.

– Да, мам, а деньги? У меня нет ничего.

– Бедненькая моя, до чего дожила, даже на хлеб нет, – засмеялась мать и, покопавшись в бисерном кошельке, протянула ей деньги. Радуйся, глупенькая, что дома живешь. Что бы ты делала в другом городе, если б уехала. Хорошо, что я тебя тогда удержала. Художники народ небогатый, уж я-то знаю.

– Чего уж хорошего, – хмыкнула девушка, разглядывая себя в зеркале и попутно решая: накинуть капюшон или идти так, с распущенными волосами. – Сейчас бы в Питере жила..., своей жизнью, без опеки. И за хлебом бы не бегала в дождь. Так бы обошлась.

Огромная «барская» квартира в старинном, украшенном львиными головами питерском особняке на улице Марата ей иногда даже снилась. Особенно часто она снилась в это унылое, нелюбимое ею время, длинными, черными ночами, которым, казалось, нет конца-края. Уходишь из дома – еще темно, приходишь – уже темно. В той квартире, где на старинном паркете, как коврики, лежали квадратики из солнечного света, она побывала всего один раз, почти год назад, летом, теплым июльским днем.

Да, прошлым летом, прошлым летом...

Прежде чем выйти, Алёнка еще раз придирчиво оглядела себя в зеркале и осталась довольна: шведская курточка по цвету гармонировала с её длинными, чуть вьющимися льняными волосами. Некоторые подружки изводили на себя бочки снадобий с красивыми английскими названиями, чтобы добиться такого цвета волос, а ей – щедрый подарок от матушки-природы. Да, скорее, не от природы даже, а от прабабки, которая на старинных, картонных, пожелтевших фотографиях, что её мать бережно хранила в специальном альбомчике, выглядела настоящей

русской красавицей, с крупными ясными глазами и длинными светлыми косами. Порода там чувствовалась, та самая истинно славянская, которая почти исчезла в больших городах, где все давно перемешалось. И только где-нибудь в глубинке можно неожиданно встретить такое чудо природы – и обомлеть. Надо же, вот она – настоящая русская красавица, которую видишь – секунду, а помнишь – всю жизнь.

Услышав, как девушка открывает входную дверь, мать крикнула вдогонку:

– Смотри, недолго, никаких дополнительных шопингов.

– Какой шопинг в такую холодину и дождь, – пробормотала Алёнка и проворно выскочила за дверь...

Прошлым летом они с Ольгой, близкой подружкой, после выпускного бала купили недорогой тур в Питер, чтобы как-то отметить окончание школы. Впереди были экзамены в университет, а поездки в Париж и Вену они приберегли на будущее, тем более что таких денег в их типичных офицерских семьях и не водилось. Но подружки не слишком печалились, поскольку были уверены: впереди вся жизнь – съездят ещё. И поэтому плацкартный вагон поезда показался им вполне удобным для путешествия в бывшую столицу Империи.

На второй день своей питерской экскурсии они, нагулявшись по Эрмитажу так, что ноги стали ватными, а в головах образовался настоящий винегрет из картин великих, присели отдохнуть в огромном зале со сверкавшим паркетным полом. Зал этот помнил, наверное, еще прикосновение маленьких туфелек Натальи Николаевны Пушкиной. В этом помещении размещалось всего несколько больших полотен на библейские сюжеты, которые, конечно, стоили того, чтобы постоять перед ними хотя бы четверть часа. Но уставшим от впечатлений девчонкам было уже не до мучеников и героев, живших почти две тысячи лет назад. Тем более что Библию ни та, ни другая никогда не читали, поэтому понять, кто эти люди в красных и голубых одеждах, и почему они так задумчиво смотрят на окружающий их мир, им было не дано. Живопись и все, что с ней связано, существовало где-то в иной цивилизации, отдельно от них, родившихся в смутное и нервное время последнего десятилетия двадцатого века, когда хлеб духовный резко упал в цене по причине малого спроса. А сколько стоит настоящий хлеб, им еще только предстояло узнать, если не повезет.

Девушки вытянули свои стройные ножки, чтобы те хоть чуть отдохнули и, наконец-то, на минутку приумолкли, хотя перед этим все время, пока ходили по бесконечным залам Зимнего дворца, постоянно разговаривали друг с другом. И самое удивительное – темы не иссякли, хотя, по сути, они не имели никакого отношения к сокровищам мирового искусства, с которыми они соприкоснулись во время экскурсии. Вы спросите, что же это за темы такие? Да какое это имеет значение! Спросите их, спустя десять минут, о чем они только что разговаривали – сами не вспомнят.

Когда юные провинциалки чуть отдохнули и у них опять пробудился интерес к жизни, обе одновременно обратили внимание на статного молодого мужчину с красным шейным платком. Платок делал его удивительно похожим на пионервожатого со старинного плаката. Мужчина старательно копировал на своем холсте картину великого мастера эпохи Возрождения. Казалось, сейчас художник оторвется от работы, строго взглянет на окружающих его зевак, и, сделав «салют» рукой, в которой держал кисть, крикнет: «Будьте готовы!». Но нет, не крикнул, а продолжал работать очень сосредоточенно, никого вокруг не замечая. Как видно, его не интересовало ничего, что находилось за пределами холста. Как же девочки могли пропустить такое зрелище? Они и не пропустили, а пошептавшись, решили подойти поближе и понаблюдать за рождением шедевра. Им еще никогда не доводилось видеть вживую настоящего художника, да и парень был хорош собой, из той породы, что сразу нравятся женщинам – молодым и не очень, незамужним и разведенным, богатым и – хочется сказать – бедным, но я поостерегусь. Вряд ли бедной девушке или женщине здесь было что ловить.

Что-то в парне было такое, что говорило: сам он не прост и не беден. К примеру, прямая осанка, которая особенно бросалась в глаза, когда он отрывался от картины. Такую часто можно наблюдать у людей свободных и независимых, не привыкших кланяться и прогибаться. Девчонки тихонько встали за спиной художника так, чтобы не мешать ему творить свой шедевр, вернее – копию шедевра, и посчитали, что мужчина их не видит.

Автор думает, в глубине души они все-таки надеялись, что вдохновенный творец каким-то образом, хоть невзначай, но все-таки заметит их. Так, хотя бы краешком глаза. Тем более, что там тоже было на что посмотреть. Хотя автор понимает, что в музей все-таки ходят смотреть не на девушек. Но...

юный и свежий румянец, не оскверненный макияжем, длинные пушистые ресницы, и стройные женские ножки, не тронутые целлюлитом – иногда способны отвлечь внимание мужчины от самого великого творения. Правда, ненадолго. Но женщине порой достаточно и этих секунд...

Заметно было, что художник заканчивал свою копию, которая получалась очень похожа на оригинал, только чуть меньше размером и светлее. Да и понятно, краски-то свежие, которые еще не скоро тронет благородная патина столетий.

Парень внезапно резко отошел назад, чтобы оценить свое создание и чуть не наступил Аленке на ногу, но она вовремя отскочила. Реакция у нее всегда была отличной, даром, что пять лет занималась фехтованием в спортшколе – там хорошо учили уклоняться от нежелательного соприкосновения. Художник недоуменно оглянулся, и девчонки получили те самые, драгоценный секунды... Увидев своих юных почитательниц, он улыбнулся и пробормотал:

– Извините, чуть не сбил вас. – Голос у него был слегка глуховатый, но каждый звук этой незамысловатой фразы он произносил очень четко, как какой-нибудь диктор на телевидении.

– Нас сбить трудно, разве что ракетой, – бойко ответила Аленка фразой, которую иногда употреблял её отец в сложных ситуациях, и тоже заулыбалась.

– Ну, как вам? – поинтересовался художник, кивнув головой в сторону своей картины, вокруг которой собралось еще несколько любопытных посетителей, которым надоело слушать нудные комментарии экскурсоводов.

– Здоровски, прикольно, – два простеньких сленговых словечка, как две крохотные пестренькие птички выпорхнули из уст Аленки и закружились вокруг темноволосой головы художника, а затем также быстро и улетели куда-то, сели на ветку и с любопытством стали наблюдать, что же будет дальше. Их полет не прошел бесследно. Мужчина внимательно или, как в старину говорили, оценивающе посмотрел на девушку – и что там за таинственный процесс пошел у него в голове после этих двух словечек-плебеев, неожиданно появившихся там, где более приличны слова-аристократы, не знаю. Но было заметно, что художник склонен к продолжению беседы с двумя юными любительницами живописи, не являвших каких-либо признаков принадлежности к гламурной публике. Это сразу угадывалось не только по их лицам, но и по их прикиду, и опытный глаз какой-нибудь современной светской

львицы тут же бы определил: маечки с Черкизовского, да и туфельки оттуда же. Но для художника это не имело значения. По крайней мере, в этой ситуации. Да и сам он был в старых джинсах, наверняка имевших турецкую родословную.

Аленка, несмотря на свои восемнадцать лет, и простодушное выражение голубых глаз с легкой татарской раскосинкой, девушкой слыла наблюдательной и неглупой. Она сразу же заметила две крохотные искорки древнего охотничьего азарта, которые появились в глазах парня. Поэтому, повинуясь какой-то старинной, заложенной в неё матушкой-природой программе, задала совершенно дурацкий, но и очень логичный вопрос, до которого вот так, сразу не додумался бы и самый утонченный интеллектуал, зато вполне уместный в устах современного обычного человека, приученного всё оценивать в деньгах.

– Ну, и сколько это может стоить, в евро, например?

– А вы что, купить хотите? – художник не отрывал изумленного взгляда от нежданной собеседницы, которая, кажется, всерьез заинтересовала его.

– Ну уж нет, подделки не по нашей части, – сыронизировала Аленка. Парня как будто передернуло от этих слов.

– Это не подделка, а копия, – обиженно ответил он. – И делаю я её по заказу одного провинциального музея, который хочет иметь эту картину в своей экспозиции. Может быть, даже для того города, откуда вы появились. Вы ведь не питерские?

– А вы еще что-то умеете, кроме как копировать? – вступила в разговор до сих пор молчавшая Ольга, которой наскучило быть на вторых ролях в этой крохотной пьесе-импровизации с неопределенным сюжетом. Она даже не сверлила художника своим взглядом, а скорее прожигала, как лазерными лучами. Но парень был кажется из какого-то огнеупорного материала, и энергия Ольгиного взгляда не смогла преодолеть защитную стенку и просто тихо и незаметно иссякла.

– Вообще-то я портретист. Кстати, – он опять посмотрел на Аленку, – у Вас такое интересное, редкое по выразительности лицо. Я бы над ним поработал. Ну, так как? Считайте, что это моё предложение, – он выжидающе смотрел на девушку.

– Не бесплатно, конечно, – торопливо добавил он. Как видно делать такие предложения ему было не впервой и он знал, что сейчас это главный стимул.

– Что – позировать? Нет уж! Такая скучища. Сидеть неподвижно часами. И ради чего? Все равно будет непохоже... Да и

некогда нам, мы здесь ненадолго. Вы правильно угадали, мы не питерские, – неуверенно произнесла девушка.

– Нет, у меня не так. Ваше лицо ляжет на холст таким, каким его создал Бог. Я просто что-нибудь там подсмотрю в Вашем характере, может даже какую-то вашу тайну, возможно и не нынешнюю, а будущую. А времени мне надо немного – два-три часа, не больше.

– Подсматривать нехорошо. Вам, наверное, мама об этом в детстве говорила?

– Нехорошо, конечно, – усмехнулся парень. Но вся живопись – это умение подсматривать. В хорошем смысле. А затем изобразить это на холсте. Ну, так как? – он выжидательно смотрел своими зелеными глазами на Аленку, которая, честно говоря, не ожидала такого напора от незнакомого питерца. Но таково уж свойство юности – мгновенно принимать решения. Впрочем, также мгновенно от них и отказываться.

От приятных воспоминаний девушку оторвал усталый голос кассирши в супермаркете: «С вас триста сорок два рубля. Два рубля посмотрите пожалуйста, а то у меня со сдачей плохо».

Аленка, покопавшись в карманах куртки, достала деньги, рассчиталась, и покидала в пакет свои покупки: половину черного хлеба, упакованного в целлофан, длинный батончик-багет, йогурты, немного сухой колбасы и еще что-то вкусненькое, вроде итальянской упаковки хороших конфет, которые она с детства любила и могла только ими и питаться. Затем она торопливо вышла из приветливого, залитого мягким светом супермаркета в темный осенний вечер, насквозь промокший от мелкого дождя-сеянца, и быстро пошла в сторону дома. Она легко обходила или перепрыгивала многочисленные лужицы, в которых, как оброненные кем-то цветы, плавали разноцветные огоньки, и со стороны, если бы кто-то наблюдал за ней, могло показаться, что девушка танцует какой-то свой, только ей ведомый танец – танец юности, который не смогла бы воспроизвести ни одна, даже самая талантливая танцовщица. Но нет, никто за ней не наблюдал и вся красота этого таинственного и невольного танца так и осталась никем не увиденной, поскольку улица была абсолютно пуста. Ни одного прохожего. Зато проезжая часть празднично сверкала разноцветными огнями проносившихся мимо, с легким шелестом, иномарок. Но машины – создания бездушные. И вся эта красота, как там говорил тот питерский художник? – осталась неподгляданной.

Глава II

Он тогда все-таки уговорил Аленку попозировать ему несколько часов в мастерской. Питерец, судя по всему, что-то понимавший в психологии, хорошо усвоил, что главная движущая сила, живущая в женщине, это все-таки не деньги, а любопытство. Оно может и погубить, как жену библейского Лота, несмотря на запрет, оглянувшуюся назад и превратившуюся в соляной столб, а может и дать шанс, от которого трудно отказаться. Кто знает?

Аленка разглядела шанс, а какой, пока не очень понимала. Но парень ей понравился. Особенно его глаза цвета августовской травы, спрыснутой теплым дождичком. Так о них выразилась одна его знакомая поэтесса, которая почти три недели мучилась от неразделенной любви к художнику. Но затем успокоилась, тем более, что тема её любви вскоре оказалась исчерпанной тремя стихотворениями. Женщины переменчивы. Как погода где-нибудь за Вологдой.

Но Алена тогда о поэтессе не знала, да и не умела так красиво говорить и думать. А если бы и умела, вряд ли бы когда сказала такое вслух. Жесть все это. Но сердечко-то у нее дрожало. Ой, как дрожало, когда она прикидывала, принимать предложение питерца, или нет. Нелегкий выбор.

Сид – так художник просил называть себя, поскольку его фамилия была очень «редкой» и запоминающейся с первого раза – Сидоров. Звали его Иван, а по отчеству – Данилович. По первым буквам и выходило – Сид. Да и из фамилии Сидоров, если её чуть усечь, тоже получалось Сид, Так, немножко путано объяснил их новый приятель происхождение своего имени, еще двадцать лет назад звучавшего бы странно в нашем Отечестве. Ну, а сейчас – вполне обычно.

После легкого замешательства и недолгих уговоров они решились все-таки съездить в мастерскую все втроем, поскольку Алена из чувства солидарности и предосторожности не отпустила Ольгу, да та бы и не ушла, побоявшись оставить подругу одну в незнакомом городе со случайным знакомым, к тому же

довольно странным типом. Странным он ей показался потому, что не обратил на неё внимания. Это было действительно странным. Питерец, как человек воспитанный, понимал, что девчонкам страшновато ехать к незнакомому человеку, тем более – в чужом городе. Он настоял, чтобы они позвонили старшему своей группы и сообщили, по какому адресу они будут находиться и сколько времени. Девушек это окончательно успокоило, и их последние сомнения ушли, как вода в сухой песок.

У Сида оказалась далеко не крутая машина, чем он немного разочаровал девчонок, а довольно простенький «Форд Фокус». Они разместились на заднем сиденьи и покатили по улицам полуденного Питера, сохранившего в себе чопорность и шарм имперской столицы, несмотря на все то, что проделали с ним люди за последние сто лет. Девчонки с удовольствием рассматривали нарядную толпу, неторопливо, как и во времена Гоголя, текущую по обеим сторонам Невского проспекта, витрины богатых бутиков с редкими посетителями внутри, нарядные вывески ночных клубов и казино, обещающих призрачную удачу всем, кто туда заглянет. Но увы, везет далеко не всем.

Автор как-то поинтересовался у продавщицы цветочного киоска, торговавшей круглые сутки, кто же покупает у них цветы ночью. Та кивнула головой в сторону казино, расположенного напротив: ночью проигрываются, затем, поутру, заходят к нам, покупают цветы и идут домой замаливать грехи. С цветами это лучше получается.

Впрочем, все это они могли наблюдать и в своем родном городе, о котором говорили: наш городок – Москвы уголок; но здесь, в Питере все то же, но лишенное провинциального шика и лишней позолоты, выглядело иначе, аристократичнее что ли. Конечно, это слово из прошлого века, но оно очень идет Санкт-Петербургу, единственному городу-аристократу среди бесчисленного множества российских городов-простолюдинов. А как же Москва? Спросит, может статься, въедливый читатель, если таковые еще сохранились на пространстве нашей Родины. Что ж, Москва – это город-олигарх, который, нажив добро, мало заботился о хороших манерах, и о том, какое впечатление он производит на всех остальных. При больших деньгах ему это незачем. И так уважают... И пресмыкаются, и хотят быть поближе, в ожидании, что и им перепадет что-нибудь.

Они ехали недолго, минут десять, поскольку питерские пробки, лишенные московской безысходности и непробиваемости, быстро рассасывались и не срывали планов людей куда-то вовремя попасть, с кем-то вовремя встретиться, кому-то дать взаймы, вовремя признаться в любви, наконец.

Впрочем, слово «любовь» понемножку исчезает из обихода и все реже слышится в разговорах между людьми. Господин Секс занял пространство Любви, оставив ей небольшой уголок, где ей тесно и неуютно. Он и ведет себя в этом пространстве, где раньше был слугой, как оккупант, заставляя людей думать, что только его желания – закон, и все должны безоговорочно подчиняться ему. И лишь немногие партизаны из литераторов пытаются напомнить людям, что так было не всегда. Хотя что такое любовь без секса? – тоже литература...

Сид мягко затормозил около старинного трехэтажного бело-желтого особняка, украшенного разнообразной лепниной, над которым недавно поработали реставраторы. И цветом, и статью этот дом был петербуржским по сути своей.

Он выскочил из автомобиля первым и открыл девчонкам дверь, показав себя человеком не только воспитанным, но и вежливым, что, как известно, всегда отличало петербуржцев (а до того ленинградцев) от остальных «дорогих россиян», как именовал нас еще недавно известный политик, мир его праху.

Поскольку швейцара в доме не было, парень набрал код, открыв дверь, пригласил девчонок войти внутрь и подняться по широкой, устланной нарядным ковром лестнице. На площадке второго этажа он долго возился с отпиранием мощной дубовой двери с медной табличкой «Сидоров – художник». Причем Сидоров было написано с ятем, что вполне гармонировало с обстановкой и уже с порога готовила человека к тому, что там, за дверью какой-то иной мир, где время слегка приостановило свой бег, как автомобиль перед крутым поворотом.

Спутницы хозяина квартиры заулыбались, увидев такую надпись, которая как бы давала понять, что талант Сида бесспорен. Эта была скорей констатация факта, чем просто информация о том, кто здесь живет.

Будущая натурщица, которая всегда слыла острой на язычок, как бы невзначай заметила Сиду, все еще возившемуся с замком:

– Здесь не хватает еще одной надписи.

– Какой же? – с удовольствием отвлекся тот от непослушной двери.

– Усомнившимся – позор! И тоже с ятем. Для твердости!

Сидоров засмеялся, но не нашел что ответить, тем более, что ключ у него наконец-то проник в щель замка и тот, мелодично зазвенев, впустил их внутрь.

Из уютной прихожей были видны три больших комнаты, одну из которых занимала мастерская, сплошь увешанная пейзажами и натюрмортами, среди которых нет-нет, да и мелькали человеческие лица, ограниченные рамками холстов, но их оказалось совсем немного. Чувствовалось, что художник находится в немного затянувшемся творческом поиске, а точнее – в поиске своего жанра.

– Располагайтесь, я сейчас, – сказал хозяин квартиры и ушел на кухню, а девчонки начали осматриваться в незнакомом месте.

Как ни странно в зале, залитом солнечным светом, проникавшим через три больших (до пола) арочных окна, ощущался почти идеальный порядок, который навел девчонок на грустную мысль о том, что хозяин возможно женат на какой-нибудь питерской красавице, которая не дает ему разбрасывать вещи, не ставить на место стулья и забывать на столе тарелку с недоеденной покрасневшей сосиской, и чашку с недопитым кофе, на дне которой виднеется небольшая коричневатая дюна из не растворившегося сахарного песка. Ничего этого вокруг не замечалось.

Они еще немного походили по мастерской, рассматривая старинную мебель и множество вещей, предназначения которых они не знали, разложеных за стеклянными витринами огромных резных шкафов. Из любопытства они заглянули в соседнюю комнату, и им стало совсем не по себе: с огромных парадных портретов на них одновременно смотрели российские цари и вожди ушедшей эпохи. Николай II и Сталин, стоящие в полный рост, одетые в парадные мундиры со всеми регалиями, мирно уживались на одной стене, разделенные лишь скромным портретом Ленина. Дальше шли изображения каких-то розовощеких китайцев со взглядами устремленными куда-то внутрь себя, а поскольку подписи под ними были сделаны иероглифами, то и понять, кто на них изображен гости не смогли.

Рядом висело еще несколько портретов политиков недалекого прошлого, судя по одежде, но среди них они узнали только Брежнева, опять же в маршальском мундире, на котором каждый сантиметр был отдан какой-нибудь награде.

– Ой, Ольга, а вот этого я узнала, – Аленка показала на небольшой гранитный бюст бородатого мужчины с гордым профилем.

– Ну и кто же это? – насмешливо спросила Ольга, знавшая о героях вчерашних дней еще меньше, чем Аленка.

Девушка чуть поморщила лоб и неуверенно заговорила: – Это Платон, древнегреческий философ. Я его изображение запомнила из учебника истории.

– Ошибаетесь, гражданочка – громко сказал художник, расслышавший последнюю фразу девушки. – Это не Платон, это Фидель!

– Какой Фидель?

– Фидель Кастро, что, не слышали о таком? Кубинский лидер, сейчас, кажется, уже на пенсии. Впрочем, многие, кто здесь бывал, путают его с античными мыслителями. Так что не смущайтесь.

– А это тогда кто? – спросила любопытная Ольга, кивнув головой в сторону портретов с иероглифами. Китайцы какие-то...

– Ну, китаец здесь только один – вот этот Мао-Цзе-Дун, а второй – это корейский лидер Ким-Ир-Сен.

– Вы что с ними встречались? Это Ваши работы?

– Нет, – засмеялся Сид, – это все подарки отцу, от иностранных студентов-медиков, проходивших у него стажировку. А поскольку он не был поклонником ни Мао, ни Кима, то отдал их моей бабушке, раньше жившей в этой квартире и имевшей отношение к живописи. А она, видите, создала целую галерею политиков и диктаторов XX века.

– Мне они не мешают, для меня это просто хорошо выполненные портреты и все. А уж что они наделали в своей жизни хорошего и плохого – это не мои проблемы.

– Ну все, – Сид поставил на столик три чашечки дымящегося кофе, источавшего волшебный аромат.

– Угощайтесь, дорогие гости, а я сейчас все быстренько приготовлю для работы. Если все хорошо пройдет, я сделаю набросок за два-три часа. А в качестве компенсации потом покатаю вас по вечернему Питеру и доставлю в вашу гостиницу. Да, – немного смущаясь, добавил он, – я вам заплачу по тысяче рублей за час работы. Идет? Я понимаю, что это немного, но это обычные расценки.

– Идет, – в тон ему ответили гостьи, обрадованные тем, что все так удачно сложилось: и с парнем интересным познакомились, да и заработают.

– Только я не знаю, сколько смогу продержаться, – добавила Аленка. – Да и Ольга, наверное, будет скучать, – она взглянула на подругу, которая уже поняла, что питерец запал на Алену и, кажется, смирилась с этим.

– Не будет, – успокоил ее Сид. – Вот видак, вот музыкальный центр – что вы предпочитаете? А вот, – он показал на огромный старинный стеллаж с книгами, – здесь тоже много интересного, особенно дореволюционные издания. Такого вы нигде больше не увидите.

– Да, я, пожалуй, видак посмотрю, – не раздумывая ответила Ольга, прихлебывая кофе и угощаясь крохотными, необыкновенно вкусными конфетами, в изобилии лежавшими в старинной красной вазочке с замысловатым узором.

– Здесь диски, выбирайте по вкусу, – Сид показал на большой стеклянный шкаф, стоявший у стены. Подруга Аленки, закончив с кофе, с любопытством стала копаться в ящике с дисками, а Сид усадил начинающую натурщицу на старинный венский стул посередине гостиной так, чтобы свет падал на ее лицо, и, положив ей на колени открытую старинную книгу, начал работу.

– А можно я ее буду листать, чтобы не скучать? – поинтересовалась натурщица.

– Конечно, мне это не мешает. Кстати, и книга интересная. Это Оскар Егер «История России», изданная в конце позапрошлого века. Так что можете заодно и попросвещаться. Тем более что здесь история России выглядит иначе, чем в учебниках.

Работал художник быстро, время от времени поглядывая на Аленку, стараясь, видимо, уловить и зафиксировать то выражение лица, которое чем-то поразило его в Эрмитаже. Сделав несколько карандашных набросков, он начал переводить их на холст, натянутый на подрамник и уже загрунтованный.

А девушка смиренно сидела, и о чем-то думала. О чём? Да Бог весть, о чем может думать юная особа, став объектом внимания мужчины лет 24-25, судя по всему одинокого, достаточно успешного и, наверное, талантливого. Все это стоило того, чтобы посидеть в одной позе пару часов. Да и деньги ей бы пригодились – хотя брать деньги у понравившегося парня... Но ведь я же работаю – убедила она себя. Что здесь такого? Ему все равно пришлось бы платить любой натурщице. И все равно ей было слегка не по себе.

Сид хотя и делал наброски довольно споро, но быстрота эта была кажущейся. К тому же, время тянулось медленно, как в бессонную ночь. Они несколько раз делали небольшие перерыв-

вы, пили отличный, очень ароматный кофе с крохотными бутербродами, и разговаривали о разной чепухе, хотя в этом возрасте чепуха – это и есть самое важное, по крайней мере, в тот момент, когда о ней говорят. Таково свойство живой речи – существовать ровно столько, сколько нужно, чтобы произнести её, а дальше – остается её смысл, если он был, конечно.

За окном было обманчиво светло – время белых ночей создавало у людей иллюзию одного бесконечного и праздничного дня. Но праздник не может длиться вечно, от него также устают, как и от будней. И после разносолов иногда хочется отведать простой картошки с солью.

Через несколько часов все почувствовали, что, пожалуй, пора заканчивать. Особенно натурщица, у которой онемело все тело и которая уже много раз покаялась, что дала втащить себя в эту авантюру, вместо того, чтобы гулять по городу или сидеть где-нибудь в кафе с подругой и строить глазки питерским ровесникам. Все ее юное существо требовало движения.

Художник тоже, кажется, утомился, отложил кисть в сторону и, закрыв холст полотном, немного торжественно произнес:

–Все, юная леди. На сегодня. Завтра продолжим, если вы не возражаете. Мне нужно еще часа три – и миру будет явлено ваше лицо, которое сведет мужчин Европы с ума. И главное: мы все будем старыми и больными, а вы вечно юной и здоровой. По крайней мере, на этом холсте.

– Не выйдет, – устало ответила Алена, встав со стула и положив книгу, которую она так и не почитала, на столик. – Завтра утром мы уезжаем в Царское село и оттуда сразу домой. Так что, господин Сидоров, на этом все.

Аленка говорила все это безразличным тоном, но ей почему-то было немного грустно и, честно говоря, несмотря на усталость, она с удовольствием провела бы завтрашний день с художником, но, конечно, не сидя перед ним на неудобном, жестком стуле. Судя по внешнему виду, этот стул, наверное, служил еще его далеким предкам и мог бы рассказать тысячу и одну историю не хуже Шехерезады, если б умел.

– Жаль, жаль, – расстроился парень. Он не любил бросать работу на полдороге, тем более, что уже поймал то состояние, когда даже не приходилось думать, когда и где сделать мазок – руки все делали сами.

Он немного помолчал, продолжая аккуратно все убирать после работы, а затем неуверенно предложил:

– Девушки, если вы очень устали, оставайтесь у меня, я вас устрою в кабинете. И не бойтесь, я клянусь, что не вынашиваю никаких неприличных замыслов.

– Мы и не боимся, – проговорила Ольга, иначе бы нас здесь просто не было. – Но нам действительно пора, да и хватятся нас, искать будут. Тем более что адрес ваш мы сообщили старшему нашей группы. Он тот еще дядька. Может и сюда заявиться.

В этот момент у Ольги запел мобильник. Как оказалось, это звонил тот самый руководитель, уже беспокоившийся за них.

– Через полчаса приедем, – заверила собеседника Аленкина подруга. – Илья Глебович, а когда завтра отъезд? В 8 утра? Ой, как рано. Лучше бы поспать подольше.

Она отключила мобильник и, обращаясь к художнику, сказала:

– Ну, все, пора. Так вы нас подвезете?

– Конечно, хотя и жаль, что работа не завершена. Если бы вы остались, я бы все закончил за вечер. А так придется дальше писать по памяти.

Было заметно, что парень явно расстроен, но что делать...

– А вы нам покажете, что получилось? А то, что ж, уедем и ничего не увидим? – поинтересовалась Ольга.

– Сегодня нет. Незавершенку я скрываю от посторонних глаз. Чтоб не сглазили. Я, знаете ли, очень суеверный, когда дело касается творчества.

– Разве мы посторонние? – удивленно воскликнула Алена. – Может, все же покажете, интересно ведь.

Я понимаю, но это все – после. Вы мне оставите свой номер телефона и адрес, и я с вами свяжусь. Причем, очень скоро. А может, вы опять сюда приедете, либо я появлюсь на полдня в вашем городе и привезу вам ваш портрет. Но не подлинник, а авторскую копию и подарю вам на память.

– А вы не потребуете плату в евро? Я – офицерская дочь – так что делайте вывод, – засмеялась девушка, подходя к зеркалу и поправляя прическу.

– Да, кстати, – Сидоров открыл ящик стола и достал оттуда белый конверт, протянув его натурщице, – ваш гонорар. На чем заработать я найду, – деловито добавил он, – а сегодня я работал для души и для славы. И нельзя было понять – то ли он говорит это серьезно, то ли шутит.

Они вышли из дома, сели в знакомую машину. Вскоре подъехали к их гостинице, которая оказалась совсем близко.

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система
города Ярославля»

-173707-1

Ольга, торопливо попрощавшись, убежала к себе в номер, чтобы не мешать завязке романа, а Аленка и Сид еще долго стояли и разговаривали. И им почему-то не хотелось расставаться. Но пришлось. Было уже около двух часов этой чудной белой ночи, когда Аленка сказала:

– Ну, все, мне пора, надо хоть немного поспать. Да и Ольга, наверное, злится, что меня так долго нет. Мне кажется, ты ей понравился, – зачем-то добавила она, взглянув ему прямо в глаза.

– А тебе? – принимая игру, с усмешкой спросил питерец.

Аленка ничего ему не ответила, да и что она могла ему сказать?

Понравился, конечно, еще как. Да что из того. Завтра она уедет в свой Волжск и они, скорее всего, уже и не увидятся. Никогда. Неужели люди расстаются так просто, так обыденно и при этом ничего не происходит.

– Я обязательно приеду в твой город, Аленка, очень скоро! А может и за тобой. Что скажешь? – он словно прочитал в ее глазах текст-монолог, который она только что произнесла про себя.

– Зачем? – тихо спросила будущая знаменитость.

– Чтобы подарить тебе твой портрет. Я же обещал, а я вообще-то человек слова.

– Только не в июле. У меня вступительные экзамены в университет.

– А кем ты себя видишь?

– Политологом или социологом. Посмотрю, где конкурс поменьше.

– Удачи, и спасибо за терпение и этот чудный вечер, – сказал Сид, обняв ее за плечи и поцеловав в щеку. И если бы кто посмотрел на них со стороны, подумал бы, что это какие-то ненормальные молодые люди из другого, забытого времени. Может, так оно и было...

– Господи, какой же она еще ребенок, – подумал Сид, расставаясь. – Детский сад. Надо выбросить ее из головы. Пока не поздно. Хотя, кажется, уже поздно. Зацепила девчонка...

– Серьезный парень. Обещал приехать... Зачем? Это, наверное, ночь такая белая! Господи, неужели я влюбилась, – подумала она. – Вот некстати... Да и Андрей..., мы уже год вместе. Мне же он нравился, – но эта иголочка легкого раскаяния только чуть кольнула ее – и все, исчезла, и больше не беспокоила.

Глава III

Сид появился в их городе всего через две недели, как раз в самый разгар вступительных экзаменов. Аленка и обрадовалась, и немного испугалась одновременно, когда он позвонил ей из гостиницы и сказал, что привез копию ее портрета, и хотел бы встретиться. Это было тем более удивительно, что после их встречи в Питере он ни разу не позвонил. И та белая ночь понемногу становилась просто приятным воспоминанием. А тут – на тебе, все-таки появился. Девушка не очень понимала, как себя вести, и хотя парень ей нравился, в будущее она не заглядывала, тем более, что экзаменационная лихорадка полностью подчинила себе ее сердечко, не оставив там даже крохотного уголка для чего-то еще, хотя бы и очень важного. Сидоров, как она стала про себя называть художника – имя Сид ей совсем не нравилось и казалось нарочитым – попросил разрешения заехать к ней домой и вручить свой подарок. Девушка простодушно согласилась, и когда он появился на пороге их небогатой квартиры – высокий, элегантный и с букетом роз, она и обрадовалась, и удивилась, с чего бы это такой парад. Ведь, по сути, они едва знакомы. Хотя где-то в глубине души понимала, что этот решительный петербуржец может преподнести ей сюрприз. Он и преподнес. После того как все положенные вежливые восторги по поводу портрета, который действительно оказался необыкновенно хорош, им были услышаны, он неожиданно сделал ей предложение выйти за него замуж. Вот так просто и сходу, без каких-либо прелюдий. Отец с матерью сначала просто растерялись, не знали что сказать; для них дочь продолжала оставаться все той же маленькой девочкой, веселой, озорной, некапризной, в которой они души не чаяли. Какое замужество? Глупости. И вообще, с какой стати: явился неизвестно какой человек и пытается отнять у них дочь. Затем, когда чуть-чуть пришли в себя, твердо высказались в том духе, что ей думать об этом рано, надо сначала получить образование и все такое. Да ей еще только-только восемнадцать исполнилось. Хотя, может, в этот момент к ним неожиданно пришло понимание того, что дочь-то, оказывается, уже выросла и на нее обра-

щают внимание не только сверстники, но и взрослые мужчины, и что она рано или поздно вот также неожиданно покинет отчий дом, сделав его пустым и скучным. А их – просто доживающими свой век стариками. Но мы все оттягиваем старость до последнего. Родители молоды – пока дети при них.

Аленка тоже немного растерялась, не зная, что сказать, как ответить. Но, конечно, ей было приятно, что такой симпатичный и воспитанный, да и не бедный мужчина, владелец прекрасной квартиры в Питере делает ей предложение. Хотя она уже и подсчитала, что он старше ее почти на семь лет. Но это-то ее как раз и не смущало. Она много раз и читала, и слышала от опытных людей, что муж обязательно должен быть старше жены, хотя и не понимала почему. И никто ей толком не объяснил, что когда-нибудь и ей будет сорок, и лучше, если мужу к тому времени будет пятьдесят. Меньше будет глядеть по сторонам, и пялиться на молодых женщин.

Много раз в своем воображении она репетировала эту сцену, сцену сватовства, но оказалась совершенно не готова к такому развороту событий и неуверенно повторила вслед за матерью, что говорить о замужестве сейчас преждевременно. И добавила, чтобы не отрубить концы: «Может через год, как закончу первый курс...».

Странно, но ей показалось, что Сидоров даже не расстроился, или он так хорошо владел собой, что не подал вида, а только заметил, что через год повторит свое предложение.

– Ну вот, тогда и поговорим, – обрадовались родители, да и будущая невеста тоже. У них гора свалилась с плеч, поскольку круто изменить свою жизнь очень непросто, и она к этому была не готова. Здесь – либо головой в омут, либо тихое и постепенное привыкание к мысли о том, что перемен не избежать, но они наступят еще не сегодня и не завтра, а может, и вовсе не наступят, если тянуть до последнего.

Он еще немного посидел у них для приличия, выпил чашку чая с домашним пирогом, побеседовал с несостоявшимся тестем о политике, показав себя человеком достаточно консервативных взглядов и засобирался обратно, сказав, что уезжает в Питер прямо сейчас.

– Дела какие-нибудь? – спросила Аленка, когда вышла проводить гостя и немного разочарованная тем, что первый в ее жизни женский триумф так быстро заканчивается.

– Да, через день я повезу выставку своих картин в Амстердам. Кстати, там будет показан и твой портрет. Только названия я

еще не придумал. Это должно быть что-то очень короткое и праздничное, ведь ты сама похожа на праздник, добрый и красивый. Ты хоть знаешь это? А я люблю праздники. И ты будешь моим праздником, вечным праздником, я уверен.

И тут ему в голову, совершенно некстати, пришла мысль о том, что все, что случилось, пожалуй, к лучшему, тем более, что он как то до сих пор не поинтересовался, как девушка к нему относится, и он неуверенно спросил: – Слушай, извини, а я хоть нравлюсь тебе, какой-то шанс у меня есть? Я что-то забыл тебя спросить.

Этот немного высокопарный монолог хоть и был произнесен к месту, но все же немного задел девушку, которая привыкла к более простым и понятным словам, и она немного с вызовом сказала:

– Слушай, Сидоров, что за жесть, ты ведь меня совсем не знаешь. Тогда в Питере какой-то наскок, ну, ладно, натура попалась подходящая, понимаю, но это предложение... А вдруг бы я согласилась, и что? Что бы ты делать-то стал? Вдруг я круглая дура и идиотка? Или больная на голову? Или у меня парень есть, который меня любит и я его? А? Ну, что молчишь? Думаешь, пришел, увидел, победил простенькую девочку из провинции? И, заметив, как потенциальный жених помрачнел, уже легче произнесла: «Расслабься и не сердись. Тебе это не идет, лучше улыбайся».

– Я все понимаю. – Сид тоже решил сгладить неловкость. Это просто моя заявка на будущее. Я не хочу тебя потерять, как это ни банально звучит. Я как бы хочу застолбить тебя за собой. Как золотую жилу, которую давно искал. Чтобы другие не перехватили.

– А у тебя что – действительно есть парень? Хотя это ничего не меняет. Я не отступлюсь.

– Ну и словечко – застолбить. Ничего себе интеллигентный человек, – Аленка немного помолчала, а затем, вздохнув, примирительно сказала: – Должно пройти время, нужно хоть как-то узнать друг друга, а прыгать в постель к человеку, который просто написал мой портрет – это не мое. С этим скорее уж к Ольге, моей подруге. Она бы уже сейчас точно ехала с тобой в Питер и куда бы ты ни захотел. Всю жизнь мечтала о таком принце.

– А ты о ком мечтала?

– Все тебе расскажи. А парень у меня есть, вернее был. Кстати, моего поля ягодка, военный, правда служит в этом, как его, ФСБ, что ли...

Аленка улыбнулась и как-то нечаянно взяла его за руку:

– Знаешь, я хочу остаться интересной для тебя, как надпись на непонятном языке: видишь, что красиво, а что означает – сразу не догадаешься. Надо голову поломать! Так-то вот, жених. Не думай, что я такая простенькая... Ну, так как ты назовешь мой портрет? Может, моим именем – просто и мило – Аленка, – предложила она.

– Нет-нет, здесь просится что-то другое и я, кажется, знаю, что. Если ты не против – я назову его «Невеста». Точно, невеста. А я тут всю голову сломал. Все-таки легкая у тебя рука.

Аленка заулыбалась и немного иронично заметила: «Ну, это уже как письменное обязательство, свидетельство о... как это словечко-то, забыла?

– Помолвки, что ли?

– Да, да, это самое. Мне нравится, здоровски. Весь Амстердам с ума сойдет.

Она продолжала держать его теплую и немного шершавую ладошку в своей и не знала, что ей делать дальше. А парень знал: все-таки разница в возрасте сказалась. Он осторожно взял ее за плечи, приблизил к себе и поцеловал самым нежным поцелуем, выбрав его из своей богатой картотеки поцелуев и, кажется, угадал. А Аленка поняла, что этого человека она уже не сможет забыть никогда. Что бы ни случилось. Да и как могло быть иначе, у девушки, находящейся в поре нежности, если она эту самую нежность почувствовала на своих губах.

– Пропала Аленка, – сказала она сама себе и, немного отстранившись от Сида, попросила.

– Позвони мне завтра. Я тоже буду тебе звонить, если ты не против.

– Не против конечно, я буду ждать. Тем более, мне надо привыкнуть ждать. Как в дурацком романе из позапрошлого века.

Они еще минуту неотрывно смотрели в глаза друг другу, словно пытаясь разглядеть что-то такое, что еще не названо каким-то словом и не произнесено вслух, а затем Сид, по-мужски обняв Аленку, по-мужски ее и поцеловал, закрепив свою победу.

Хотя вопрос о победителе в этом деле всегда спорный. Да и не бывает в любви победителей. По крайней мере, так думает автор. Но обычно самый объективный судья здесь – время, который чаще всего и объявляет ничью. И все-таки проигравший есть. Это кто-то третий, который, как известно, всегда лишний.

Когда Сид уже садился в машину, он, вдруг о чем-то вспомнив, торопливо полез в боковой карман и, покопавшись в нем, вытащил маленькую коробочку, обтянутую голубым бархатом.

– Возьми, это мой подарок – старинное золотое кольцо с очень дорогим камнем. Досталось оно мне от моей прапрабабки. Оно тебе подойдет, я прикинул.

– Какая красота, – восхитилась Аленка, открыв коробочку и увидев там затейливое золотое колечко с изумрудом, вокруг которого располагались венчиком крохотные рубины.

– Настоящее? – спросила Аленка.

– Конечно, 19 век. Кстати, моя прапрабабка, как говорит семейное предание, обладала какими-то чудесными способностями, которые у нее появлялись, когда она надевала это кольцо; но только – если камушек оказывался внизу. Так что поаккуратнее с ним, следи, чтобы изумруд всегда был сверху, вдруг в нем какая-то сила неведомая. А? Не боишься? – иронично произнес художник, достав колечко и надев его на палец Аленки.

– Хорошо бы, – засмеялась новая хозяйка кольца. – Потерла бы его, как Аладдин лампу – и по всем вступительным экзаменам – пятерки. Вот бы здорово!

– А и попробуй.

– Попробую. Обязательно. И пусть только не сработает. Я тогда за тебя замуж не выйду, а кольцо заложу в ломбарде. Как раз около нашего дома есть такой. Ладно, поезжай, а то тебе долго ехать, а мне теперь как невесте, положено волноваться за тебя.

– Не из-за чего, я уже восемь лет за рулем, – сказал Сид, сел в машину и, посигналив на прощание, поехал в свой далекий Питер, бывший когда-то болотистым чухонским захолустьем и по прихоти царя ставшим окном в Европу. А иногда – амбразурой.

Он остался доволен поездкой, тем более что закончилась она вполне благополучно. Он, в общем-то, и не рассчитывал на положительный ответ. Его предложение Аленке было скорее экспромтом, прекрасным порывом, чем продуманным поступком. Это иногда свойственно творческим людям.

– А неглупая девушка. Правильно рассудила: зачем в омут головой? Надо попривыкнуть друг к другу. А как тут привыкнешь? Расстояние-то, вон какое! Роман по телефону. Да, мне предстоит роман по телефону с непредсказуемым финалом, за год все может перемениться. Да и парень у неё.

А Аленка, еще немного постояв на улице, торопливо пошла домой, чтобы в своей комнате получше рассмотреть подарок. Да и подумать над тем, что сегодня произошло.

Девушка вытянула руку и при ярком свете фонаря взглянула на кольцо, которое с тех пор постоянно носила на безымянном пальце, и всегда следила, чтобы изумруд был вверху, а не снизу, как и предупреждал ее Сид. Не то, чтобы она верила в какую-то чертовщину в 21 веке, да еще в России, нет, конечно, но так, знаете ли, на всякий пожарный. В общем, как говаривала ее прабабушка, которую она еще застала в живых: «...и Богу свечка, и черту кочерга».

«Интересно, а что же все-таки случится, поверни я кольцо? Может попробовать? А, да ерунда все», – и она еще раз взглянула на свой безымянный палец, на конце которого синело пятнышко от чернил, решительно повернула колечко – и изумруд оказался внизу. И что на нее нашло? Раньше ей как-то это и в голову не приходило – играть в опасные игры с неизвестностью. А здесь – раз, и готово. Она боязливо оглянулась по сторонам. Но ни гром не грянул, ни молния не засверкала и земля не затряслась, ничего. Ничего такого, чтоб можно было заметить. И она, даже немного разочарованная, подойдя к уличному фонарю, быстро все поставила на место и невольно залюбовалась дивным темно-зеленым цветом изумруда, который на мгновение как будто сверкнул изнутри, словно кто-то включил и сразу же выключил яркую крохотную лампочку.

– Как красив, даже при уличном фонаре. А цветом напоминает глаза художника. Сид действительно сделал царский подарок. Интересно, сколько оно может стоить. Надо зайти в ломбард, узнать. Ну что ж, в конце концов, я его невеста, уже целый год. Он звонил сегодня, собирается опять приехать. Сказал, что рассчитывает уехать женатым человеком. Почему бы нет, мне уже девятнадцатый год, можно подумать и о замужестве. Да и парень что надо. И родители, кажется, попривыкли к мысли о её замужестве. Только все равно немного страшно, – Аленка взглянула на часы – без двух минут семь вечера.

– Ничего не понимаю, что-то с часами, видно. Неужели я целых полчаса ходила до супермаркета, дел-то здесь всего на девять минут. Эх, задумалась, размечталась, а отец, наверное, уже дома, пришел со службы и ждет свой любимый бородинский хлеб. Без хлеба он и ужинать не будет.

– Иду, иду, иду, – запела Аленка придуманную на ходу песенку без мотива, пытаясь отогнать возникшее где-то внутри тревожное чувство и быстрым шагом вошла во двор своего дома.

Во дворе было как-то необычно темно и пусто, ни одной автомашины там, где всегда, не протолкнуться.

– Интересно, куда все подевались? Хотя, может, гаишники наконец-то всех прогнали?

Она слышала, что мать несколько дней назад подписывала какую-то жалобу на владельцев иномарок, заполонивших их двор и даже детскую площадку, на которой, впрочем, чаще можно было видеть подростков, сосущих пиво из липких пластмассовых бутылок.

Аленка быстро прошла по пустынному тротуару к своему подъезду, над которым светилась тусклая лампочка. Она привычно поискала в полутьме кнопку кодового замка, но не нашла ее. Дверь отворилась так просто, без «таблетки», тем более, что ее не к чему было прикладывать. «Чудеса, да и только, неужели украли кодовый замок с домофоном», – подумала Аленка, и прежде чем войти, почему-то с опаской оглянулась назад. Во дворе было темновато, хотя еще недавно здесь во всю светили фонари, придававшие окружающему пространству нарядный и безопасный вид. Только над бывшим Домом культуры еще сталинской постройки вместо уже примелькавшейся надписи «Night Club Casino» она с удивлением увидела огромный транспарант, похожий на рекламу «Макдоналдса», только содержание его не имело к рекламе ни малейшего отношения. Огромными белыми буквами на красном полотнище, подсвеченном прожекторами, было написано: «58-ой годовщине Великого Октября – достойную встречу».

– Ни фига себе, – подумала Аленка, – что за шутки? Кто здесь так прикололся? Сплошное ретро.

Можно было бы посмеяться над этим, но ей что-то стало не до смеха.

Беспокойное чувство опять появилось у нее после всего, что она увидела. Это ощущение усилилось, когда ей в нос ударил запах свежей краски в коридоре, а затем она увидела какую-то старушенцию, которая спускалась ей навстречу с третьего этажа. Старуха вцепилась взглядом в ее фирменный пакет, из которого выглядывала палка колбасы, и вдруг ворчливо сказала: «Наездятся по заграницам-то, потом ходють, воображають, еще комсомолка, поди», – и пошла себе, продолжая что-то бубнить себе под нос.

Аленка, всерьез забеспокоившись, влет пробежала оставшиеся пару этажей и остановилась около своей 21 квартиры, нажала звонок, который вместо нежной мелодии выдал резкий протяжный сигнал, из той породы, что и мертвого разбудит.

«Дела, – подумала девушка, – я, может, не в тот дом залетела? Да нет, он, тот самый. И квартира та же. Просто я на все эти мелочи никогда не обращала внимания, но все же.... И дверь почему-то деревянная, а не металлическая.

Дурацкая мысль внезапно пронеслась в ее светловолосой девичьей головке: «Повернула колечко, поиграла...». Но она тут же прогнала ее: «Глупости, только этого мне не хватало, верить во всякую чушь».

Дверь отворилась, и Аленка с ужасом поняла, что в их уютной и не очень большой по современным меркам квартире, где только что сделали евроремонт, живет кто-то другой, и этот другой стоял перед ней.

– Чем могу? – невысокий стройный парень с короткой стрижкой, в спортивной майке с надписью «Динамо» стоял перед ней и недовольно поглядывал на неожиданную посетительницу. Видно было, что гостей он сегодня не ждал и визиту даже такой красавицы не обрадовался.

– Вам кого? – еще раз спросил он девушку, которая продолжала молча стоять пред ним. – Если к Нелли Николаевне, то она еще не вернулась из университета. Зачет что ли задолжали? Погуляйте еще полчасика и заходите, она обещала быть полвосьмого.

Аленка онемевшим языком сумела соорудить совершенно нелепую в этой ситуации фразу:

– Я домой пришла. Мы здесь живем с мамой и папой. Это ведь дом 3 по улице Луговой? Или я ошиблась? – она проговорила все это, надеясь услышать, что, конечно, ошиблась и попала не туда, но нет, парень ответил:

– Да нет, не ошиблась.

– Тогда кто вы, и что здесь делаете?

– Это интересно, – сказал парень, и лицо его повеселело. Ваших папы и мамы здесь точно нет. Это наша квартира, правда, мы вчера только сюда въехали. Дом-то новый – к празднику Октября сдали. А мы не стали медлить, – как бы что-то поясняя, добавил он.

Они, еще немного молча постояли, рассматривая друг друга, и затем парень, которому, видимо, надоела затянувшаяся пауза, сказал:

– Ну, вы зайдите, что там-то стоять, заходите, не стесняйтесь. Надо же как-то прояснить ситуацию, если это не розыгрыш. Или вы меня разыгрываете?

Аленка отрицательно мотнула головой, секунду подумала, а затем нерешительно вошла в прихожую, где кроме какой-то ветхозаветной вешалки, на которой висел светлый плащ и шляпа, больше ничего не было.

– Проходите в комнату, да обувь не снимайте, у меня здесь все равно дикий бардак, еще не все вещи успел разобрать. Садитесь на стульчик, а я сейчас чай организую, – и уже из кухни, погромыхивая чайником, крикнул:

– Вы, наверное, за границей живете, угадал? А может вы из другого города, где тоже есть улица Луговая, дом 3. Почти как в этом новом фильме «С легким паром», смотрели, наверное? В общем, девушка, это не Ленинград. Это город Волжск.

– Нет, – растерянно заметила девушка, – я из этого города... Здесь у нас гостиная, там спальня отца и матери, а вот та комната, – она показала на самую дальнюю дверь, – моя. И там висит мой портрет, – зачем-то пробормотала она и добавила, – его мой жених написал и подарил мне.

Улыбка сошла с лица парня, как снег в теплый весенний денек. То ли упоминание о женихе его расстроило, то ли еще почему.

– Ладно, не волнуйтесь, давайте для начала выпьем чаю, и вы мне все расскажете по порядку. Но сначала еще раз вернемся к исходной точке. Повторите свой адрес, чтобы у нас не было разночтений.

– Адрес? Этот адрес, я не могла ошибиться: город Волжск, улица Луговая, дом 3, квартира 21. Мы здесь живем уже восемь лет, с тех пор как отца перевели служить в здешнюю воинскую часть. Она, кстати, в двух кварталах отсюда. Знаете, наверное.

– Так, адрес точен. Этот самый. И воинская часть рядом. Чертовщина какая-то. Но мы материалисты и в мистику не верим. Разберемся. Вы, наверное, все-таки недавно из-за границы? Жили там? Или ездили недавно? Одеты вы как-то странно, у нас так не ходят. Здесь попроще одеваются.

– Извините, а вы-то кто, может, все-таки поясните? – в свою очередь спросила Аленка, стараясь не поддаваться панике и сохранять самообладание, как и учил ее тренер по фехтованию. И как ей сейчас хотелось, чтобы все это оказалось просто недоразумением.

– Меня зовут Олег. Олег Николаевич. Фамилия – Зотов. Я тоже военный, как и ваш отец, только по другому ведомству.

– По какому же? – Она это спросила просто так, а вообще-то, ей было все равно.

– По линии защиты государственной безопасности. В общем, я старший лейтенант КГБ. Есть смысл пояснять?

– Но КГБ давно нет, насколько я знаю, – растерянно проговорила Аленка, осматривая гостиную, где были горой навалены какие-то узлы, коробки, и в беспорядке стояла полированная мебель, какую она видела только у бабушки на даче.

– И что же есть? Вакуума в таком важном деле не бывает, точно? – иронично заметил хозяин.

– Сейчас есть ФСБ, – неуверенно ответила девушка. – Хотя я в этом не очень разбираюсь.

– И как это расшифровывается? Позвольте, я попробую сам. Ну, с последней буквой все ясно – безопасность, а вот «Ф» и «С». «С» – может быть «система»?

– Что вы дурака валяете, мне не до смеха. Вы и сами прекрасно знаете – федеральная служба безопасности. У меня знакомый парень там служит, Андрей. Занимается в нашей спортшколе фехтованием. Мы с ним раньше встречались, – зачем-то добавила она.

Олег в свою очередь недоверчиво посмотрел на Аленку и затем, сев на узел напротив нее, сказал:

– По-моему, все серьезнее, чем я думал. Давайте все-таки разберемся, что произошло. У вас, похоже, дежа-вю, либо провал в памяти. Вы не пугайтесь, так бывает, это проходит. В общем, расскажите мне, как вы сюда попали, в этот дом, где были до того, что у вас за семья. В общем, все, что сочтете нужным, а потом мы посмотрим, что делать. Согласитесь, что ситуация до крайности нелепа, более того, нереальна. Поэтому надо поискать ей разумное объяснение. – Олег оглянулся по сторонам, как будто в поисках ответа, а затем добавил:

– Жаль, у меня телефона еще нет, и не скоро будет, а то бы я сейчас вас пробил по адресному бюро и сразу развеял всю чертовщину. Ведь вы где-то живете. Придется, наверное, на улицу выходить да телефон-автомат поискать. Я этот район еще пока не изучил, где, да что. Да и телефоны чаще всего сломаны хулиганами, такая вот се ля ви.

– У меня есть мобильник. Может быть, по нему позвоните, – обрадовалась Аленка, поскольку подумала, что может у

нее действительно что-то с головой, так бывает, она слышала о таких историях. Хотя, вообще-то, она считала себя совершенно нормальным человеком. Да и с чего вдруг. Ни сильных потрясений, ни негативных эмоций она не переживала. Наоборот, все так удачно, она скоро выйдет замуж, переедет в прекрасный город Петербург, где другая, заманчивая, прекрасная жизнь... Она покопалась в кармане ветровки, вытащила свою крохотную «Nokia», подарок Сидорова, и сказала:

– Назовите номер, я наберу.

Можно взглянуть, – попросил Олег, взял мобилу в руки и начал ее рассматривать, как, наверное, инопланетянин, впервые попавший на Землю, рассматривал бы первый попавшийся ему предмет, сделанный человеческими руками.

– Забавно. Это что, телефон? «Nokia», американская штучка, наверное. Похожа на элемент шпионской экипировки, чем-то напоминает «Minox», фотоаппарат, которым пользуются иностранные разведчики. Такой же крохотный.

– Да нет, это действительно телефон. Им можно даже фото и видео снимать. И к Интернету подключиться.

– К Интернету? И что это?

– Вы что, издеваетесь? Такой молодой и такой дремучий? Всемирная паутина – так ее называют. В общем, она дает возможность получать любую информацию обо всем на свете. Причем, очень быстро. Мы все сейчас в этой паутине. Как мухи попались – и не вырваться – некоторые сидят там сутками.

– Ладно, покажите, что можно делать с этой игрушкой. Хотя мне что-то плохо верится во все это. По-моему, это ваши фантазии...

Аленка попробовала набрать номер телефона своей подруги Ольги, но у нее ничего не получилось. Попробовала подключиться к Интернету – тоже бесполезно. В конце концов, видя недоверчивое выражение лица Олега, попробовала найти «Журнал» и вытащить телефонную книгу. Но экранчик оставался темным.

Олег внимательно следил за всеми манипуляциями Аленки, а затем, немного подумав, сказал:

– Кажется, я все усек. Не работают батарейки, наверное, сели. Да не пугайтесь вы так. Я сейчас.

Он сходил на кухню, разлил там чай по чашечкам и принес в гостиную. Девушка взяла у Олега из руки чашку и мелкими глотками, чтобы не обжечься, стала отпивать темно-ко-

ричневый, похожий на чай, но почти лишенный привычного вкуса и запаха напиток.

– Что это за чай такой? – чтобы как-то отвлечься от тяжелой ситуации, в которой она оказалась, спросила гостья.

– Ну, это высший сорт грузинского чая, фабрика в Зугдиди, слышали о такой?

– Нет, я думала, после войны с Грузией у нас вся торговля оборвалась.

– Да что вы такое говорите, какая война с Грузией, – уже почти сердито промолвил Олег. – Я там отдыхал недавно в санатории КГБ в Абхазии, там с нами воевать никто не собирался. А вот выпить хотели и хотят многие, почти все. Там хоть и в гостях, но как дома. Война с Грузией. Ну, у вас и фантазии, чушь какая.

Аленка во все глаза смотрела на Олега, пытаясь понять, что же все-таки происходит – сон, привидевшийся в осеннюю ночь, либо у нее крыша съехала накануне предстоящего замужества?

– Господи, – прошептала она, – давайте снова все по порядку, все по порядку. Я – Алена Березкина, 1991 года рождения, вообще-то русская, но с примесями разными, студентка-политолог второго курса университета, живу в этом городе, на метле не летаю, в мистику не верю.

«И что же со мной происходит?» – промелькнуло у нее в голове.

– Так что же все-таки происходит? – вслух произнесла она. – Олег Николаевич, давайте я вас поспрашиваю, а потом вы, хоть это и глупость, но все же. А то у нас все не совпадает почему-то. Как будто мы живем в разные времена. Я, как будущий политолог...

– Политологи только у них, в США и Западной Европе. У нас нет такой профессии, – засмеялся Олег. – Не иначе вы – юная шпионка, засланная в СССР и сразу попавшая в сети КГБ, вместо сетей Интернета. Я смеюсь, не обращайте внимания. Давайте поиграем немного в вашу игру, сверим, как говорится, эпохи. Интересно, как далеко заходит ваша фантазия?

Аленка подумала немного с чего начать и сказала:

– Сейчас у нас президент Медведев.

– У нас Генеральный секретарь ЦК КПСС дорогой Леонид Ильич Брежнев.

– Большинство в парламенте у Единой России, далее идут справедливороссы, элдэпээровцы и российские коммунисты.

– У нас – нерушимый блок коммунистов и беспартийных. И правящая партия – КПСС. А оппозиции нет вообще. Народ и партия – едины.

Олег, который в начале все воспринимал немного несерьезно, как какую-то игру, легкий флирт с красивой и неглупой девушкой, неожиданно, по воле случая, оказавшейся в его доме, после первых же слов о президенте и многопартийном парламенте уразумел, что происходит действительно что-то невероятное. И чтобы окончательно убедиться в этом, спросил Аленку:

– Вы упомянули о войне с Грузией. Когда это было?

– В августе. В этом августе. Я только вернулась с женихом из Турции, мы там отдыхали. И началось. По телику-то страшно было смотреть, а уж, что было в действительности...

– Значит только что. А из-за чего?

– Грузия напала на Южную Осетию, после этого туда вошла российская армия и погнала грузинские войска. Почти до Тбилиси дошли... несколько месяцев назад Абхазия и Южная Осетия стали независимыми государствами.

Олег сидел на своем узле, держа в руках остывший чай, и лихорадочно соображал, что же все это значит.

«Скорее всего, это бред сумасшедшей, сбежавшей из «желтого дома», и выдающей себя за человека из какого-то странного будущего, но это первая версия. А вторая – хоть в нее и с трудом верится, но тоже есть: в руки к нему идет бесценная информация из достоверного источника. Информация о недалеком будущем, но пока непонятно, откуда источник информации появился. И всем этим надо с умом распорядиться. Хотя, вероятнее всего, девчонка не в себе, начиталась фантастики или еще чего-то похуже. Скорее всего больна, тем более сейчас осень, у неё наверняка осеннее обострение.

Так, сейчас надо сходить в телефон-автомат и пробить Березкину по учетам и по психлечебницам. Если она больна – сдать ее врачам, а если нет, то завтра с утра вместе с пришелицей едем в Управление КГБ; там я докладываю начальству об этой ситуации. Так, стоп! И меня сразу же отправят в сумасшедший дом вместе с ней. В одну палату. Да и как не отправить? Я бы точно отправил: война с Грузией, КПСС – в оппозиции, многопартийная система, чушь собачья. А может, какая-то антисоветская акция? И девчонка в ней участвует? Надо разобраться. Девушку сейчас успокоим, устроим на ночь, а там – за работу. На аферистку или воровку на доверии она вроде не похожа. Хотя, приглядеть за ней нужно.»

– Так, – сказал Олег, подойдя к Аленке и коснувшись ее плеча рукой. – Вы до утра останьтесь здесь, а утром поедем ко мне на службу, и вы все, что рассказали мне, расскажете специалистам.

– Нет, не хочу. Я хочу домой. У меня завтра два семинара и зачет. Я не могу, – почти закричала она. – Что вы такое говорите? Вот что, давайте вместе сходим по тому же маршруту, вдруг все вернется, как было. Я не хочу здесь оставаться, помогите мне. Давайте вместе вернемся в супермаркет, – почти умоляюще прошептала она. – А может это все-таки кольцо, меня предупреждали, что оно обладает какой-то силой, да я не верила. Ну, конечно, это все оно. Сид меня предупреждал, а я его не послушалась, перевернула камушком вниз.

– Господи, Аленка, что вы говорите, что за бред несете, какой супермаркет, какое кольцо. Вам уже пора перестать верить в сказки. Хотя, ладно, сейчас я оденусь, и мы пройдем туда, куда скажете. Мне самому интересно... Да и позвонить надо из телефона-автомата. Кстати, у вас нет двух копеек? Господи, что это я...

Глава IV

В это время раздался резкий звонок в дверь, и Олег пошел открывать. Девушка услышала какой-то тихий разговор в прихожей, и затем в комнату вошла немолодая женщина в очень строгом черном платье с крупными янтарными бусами на шее и, улыбаясь, подошла к Аленке.

– Рада с вами познакомиться. Я – мать Олега, Нелли Николаевна, работаю преподавателем в университете.

– Меня зовут Алена. Я – студентка университета, будущий политолог.

Нелли Николаевна недоуменно посмотрела на гостью, но не успела ничего сказать, так как в этот момент в гостиную зашел Олег, одетый в тот самый плащ, который девушка заметила на вешалке, и шляпу с короткими полями. Увидев его в таком нелепом виде, Аленка невольно улыбнулась.

– Ну и прикид у вас, – сказала она.

– Ладно, ладно, моды обсудим потом, а сейчас пойдем, поставим эксперимент. Вдруг получится. И мне с вами возиться не придется, тем более что у вас жених есть. Кстати, это не тот ли фэсбэшник Андрей, о котором вы упоминали? – попытался разрядить ситуацию Олег.

– Нет, – просто ответила пришелица, надевая на себя курточку, – с Андреем мы расстались давно, почти год назад, после знакомства с Сидом.

– Так Сид ваш избранник? И кто он? Иностранец что ли, судя по имени? То-то вы так одеты, не по-нашему, не по-советски. Хотя и красиво.

– Художник, русский, живет в Питере.

– А, ну тогда понятно, почему у вас такие фантазии на тему будущего. Наверное, абстракционист какой-нибудь, недаром у него нерусское имя.

– Да он вообще-то Сидоров, – полепетала Алена. Сид – это неполное Сидоров.

– Вы там недолго, – громким, хорошо поставленным голосом педагога сказала Нелли Николаевна, – возвращайтесь побы-

стрее, я ужин приготовлю быстренько. Кое-что сумела сегодня достать в магазине, да и в университетском буфете нас побаловали перед праздником, так что накормлю вас вкусненьким.

– Ладно, мы быстро, – успокоил мать Олег.

Они вышли из квартиры и быстро направились туда, где по расчетам девушки располагался супермаркет. Но ничего такого на том месте они не увидели. Только несколько деревянных, с крупными щелями прилавков, так называемого, «хитрого рынка», где днем торговали картошкой да овощами, уныло мокли под дождем. На супермаркет это не походило ни с какой стороны.

Аленка остановилась около одного из прилавков, провела зачем-то ладонью по мокрой доске и вдруг заплакала оттого, что не понимала, что делать дальше, оттого, что жизнь, такая уютная и предсказуемая, где жили ее отец и мать, подруги, где был ее жених, наконец, куда-то исчезли. И она стоит с мрачноватым молодым кгбэшником непонятно где. И главное, не знает, как из всего этого выбраться, и когда спадет это наваждение. «Господи – подумала она, я даже молиться не умею, может молитва бы помогла?».

Олег подошел к плачущей Аленке, слегка обнял ее и постарался успокоить. Единственный убедительный аргумент, который пришел ему в голову, звучал примерно так: «Раз сюда есть вход, значит, есть и выход. Так что не вешайте нос, Аленка, прорвемся. Сейчас я предлагаю успокоиться, вернуться домой – моя квартира ведь и ваша, не так ли? И все обдумать. А утром будем искать выход. Ну, и, в крайнем случае, в нашем времени тоже не плохо. Например, союзные республики не воюют друг с другом. Правда, с деликатесами проблема – ну, да ничего, живем же, не дохнем с голоду».

Аленка, все еще всхлипывая, шла рядом с Олегом. Господи, еще год назад на этом самом месте она прощалась с Сидом, любовалась и радовалась подаренному колечку.

– Да, колечко, – снова подумала она, – может, все-таки в нем все дело? Питерец, хоть и со смехом, но упоминал, что оно может как-то на что-то влиять. На что, на время? Какой-то камушек? Глупость. Но ведь что-то произошло, когда я камушек первый раз повернула вниз. Хоть верь, хоть не верь. И что я потеряю? Может, попробовать еще раз? Только не было бы еще хуже, – подумала она и все же решительно перевернула колечко. Изумруд тускло сверкнул в свете подслеповатых фонарей, но... ничего не произошло.

Ничего. И она опять заплакала, сразу забыв все поучения своего тренера по фехтованию: в жизни главное – не нервничать... Иначе – противник сделает батман, выпад, укол. Она неплохо умела отбивать удары рапиры во время учебного боя, когда все понарошку.... Но отражать настоящие уколы жизни девушка была не готова. Поняв это, она почувствовала что-то, похожее на ужас или, как сказали бы в старину, панику, то есть то, что она раньше почти никогда не испытывала, ну, может быть, один-два раза, когда маленькой девочкой что-то разбивала: чашку или блюдце. Ей тогда тоже казалось, что произошло нечто ужасное и непоправимое, что сейчас ее будут ругать, и она умрет, услышав это. Но нет, мать, увидев ее такой несчастной и испуганной, сразу успокаивала: посуда бьется к счастью, а чашка – не жизнь, разбилась, можно и в мусорный пакет. Но здесь – кто ей поможет? Кто успокоит? Кто скажет доброе словечко. Она осталась одна в этом неприветливом, почти враждебном мире, о котором знала совсем немного, почти ничего реального, только то, что захотели вложить ей в сознание новейшие толкователи недавней истории. А парень из КГБ – полный отстой. Какой-то слишком суровый, для своих лет. А взгляд... Завтра ее, наверное, посадят в тюрьму. Нет, не хочу, надо бежать, бежать от этого чекиста, от этого неродного дома, который только кажется родным, и где отвратительно пахнет свежей краской. Бежать. Аленка, внезапно обернувшись к Олегу, резко сказала:

– Ладно, все, извините, я просто пошутила. Я пойду, мне пора, – и побежала. Куда, она не знала, но только прочь отсюда, прочь...

Олег без труда догнал ее и, остановив, сказал:

– Да бросьте вы паниковать. Куда вы пойдете? Ночь, дождь, и вы, как выгнанная на улицу в единственном сари юная Радха.

– Какая Радха, – Аленка остановилась, осознав, что минутный порыв куда-то бежать надо слегка придушить.

– Ну, Радха, постоянный персонаж из любимых советским народом индийских фильмов. Нас в последнее время перекормили ими. Так что Радха уже мне, как родная. Тем более, что ее постоянно откуда-то гонят: то муж, то родители, то злые родственники. А вы не Радха, и мы не в Индии, а в СССР. Так что пошли домой, Аленка. Верьте, мне, все будет хорошо. Разреши, – он перешел на «ты», – я только сделаю один звонок из автомата. Только прошу, не убегай больше, ты же взрослый человек. А я постараюсь сделать все, что смогу. Все устроится.

Его уверенный и дружелюбный тон немного успокоил пришелицу из другого времени.

– Мне некуда бежать, да и незачем, – пробормотала девушка, пытаясь отдышаться после стометровки, которую она пробежала.

Парень еще раз пристально взглянул на девушку, зашел в стоявшую неподалеку телефонную будку и позвонил дежурному УКГБ с просьбой проверить беглянку по психбольнице. Ответ, который он получил через несколько минут, его почти не удивил. Среди пациентов и состоящих на учете Березкина Алена 18 лет от роду, уроженка г. Волжска не значилась. «Ну что ж, это меняет дело», подумал чекист. Он вернулся к девушке, взял ее за руку и сказал: – Пойдем домой. – И чуть помолчав, добавил: – Среди больных ты не значишься, отсюда простой вывод: ты здорова. Это уже хорошо.

Вскоре они вошли в темный подъезд, освещавшийся тусклой лампочкой, помещенной в какие-то зарешеченные металлические плафоны, каких Аленка никогда не видела. И, чтобы отвлечься от своих невеселых мыслей, спросила:

– А зачем такие решетки на светильниках? У вас что, вся страна в решетках?

– А чтобы не воровали и не били. Культурка у нас.... Впрочем, у Вас, наверное, не лучше. Народ так быстро не меняется. Какой ты говорила у вас год, я не расслышал тогда? 2009? Ну, это где-то совсем рядом... Всего-то тридцать четыре года разницы. Доживем до 2009-го – и ты вернешься к себе, правда уже старенькой, как и я, – неловко пошутил он, но девушка, кажется, даже не расслышала его шутку. Ей было не до того.

Они поднялись по полутемной лестнице, где шуршали болоньевыми плащами парень с девушкой, на третий этаж. Нелли Николаевна открыла им дверь: обычную, деревянную, без всяких наворотов и хитроумных замков, и впустила внутрь. Квартира, где все сверкало новизной, даже не убранная, после осеннего темного вечера показалась теплой и почти уютной, тем более что в воздухе стоял запах жареного картофеля и свеженьких котлет, любимой Аленкиной еды. Как ни странно, этот домашний запах подействовал на девушку успокаивающе и она, сняв куртку и повесив ее рядом со старомодным плащом чекиста, прошла вслед за ним на кухню. И тут она вспомнила, что ее мать тоже сегодня обещала сделать на ужин котлеты – и опять чуть не заплакала, но сдержалась.

– Слушай, старший лейтенант, ты не догадался хлеб купить? Дома – шаром покати, – спросила хозяйка сына. – Я-то про него помнила, но думала, что еще есть...

Аленка вспомнила про свой, оставленный в прихожей пакет и принесла его на кухню.

– Вот, возьмите, пожалуйста – она протянула хозяйке багет, который еще час назад покупала теплым. Нелли Николаевна удивленно посмотрела на батон, упакованный в целлофан, и сказала: «Прямо жалко доставать его оттуда, так все ладно сделано. Надо же, как додумались, очень дельно».

Аленка продолжала доставать из пакета продукты, которые, в общем-то, и должны были быть съедены в этой квартире, так что попали они по адресу, но, кажется, совсем в другое время, где все не так. И даже ее любимые котлетки, аппетитно лежавшие в почерневшей сковороде, пахли иначе, чем дома.

Она выложила пакетики с йогуртами, половину палки сервелата и коробочку с итальянскими конфетами.

– Алена, милая, заберите все это назад, у нас все есть, а вот за хлеб спасибо. Ты же наша гостья. Домой придешь – все это пригодится, – забеспокоилась Нелли Николаевна. – Кстати, где вся эта роскошь водится? Какой-нибудь, спецмагазин, наверное, куда простым смертным доступа нет?

– Мама, я все тебе потом объясню, а сейчас не приставай к Алене с расспросами, ей и так сегодня досталось. Давайте просто поужинаем, а потом телик посмотрим. Я подсоединил его к антенне. Сегодня первая серия фильма «12 стульев». Я в кино-то его не видел, все некогда.

– И то правда, – ответила мать. – Кстати, ты знаешь, он снимался частично у нас в городе. Из подшефной школы отправляли на съемки 6 «б», чтобы они изображали марширующих пионеров 20-х годов. И тетка твоя там снялась в массовке, даже заработала немного. Ну, что, дети, давайте садитесь к столу, поужинаем, а то мы все проголодались. Обычно нас за столом четверо, но отец в командировке, а дочь недавно замуж вышла, к мужу переехала. Так что вы появились очень кстати. Все-таки повеселее.

Они сели к столу и стали есть, но немного церемонно, стараясь правильно пользоваться вилкой и ножом, не звенеть приборами, в общем, без аппетита. Да это и понятно. Присутствие за обеденным столом малознакомого человека всегда напрягает и делает трапезу скорее ритуалом, чем обычным ужином. Да и красиво есть у нас никогда и никого не учили, разве что дипломатов.

Да и мысли всех одолевали разные: Олег размышлял о том, как он обо всем, что случилось, будет докладывать своему начальству. И ничего путного у него в голове не складывалось, поскольку сам случай выходил за рамки здравого смысла. Аленка думала о том, что сейчас делают ее родители и что они, наверное, уже ищут ее, звонят по больницам, может, уже и в милицию обратились. А что думала Нелли Николаевна? Да Бог весть. Она просто устала и хотела отдохнуть. И как любая мать, имеющая взрослого сына, рассматривала девушку как возможную сноху, которая, наконец-то, зашла познакомиться. Тем более, что сыну действительно пора жениться. Но только на очень доброй и положительной девушке. А эта... – да, пожалуй, слишком красива, одета как-то вызывающе, но, кажется, неплохо воспитана. Ну, посмотрим.

Нежданной гостье для ночлега отвели ту самую комнату, где, собственно, она и жила в своей реальной, другой жизни, а не в этом виртуальном пространстве, где смоделирована действительность почти сорокалетней давности. Мать Олега принесла какую-то странную алюминиевую конструкцию, назвав ее раскладушкой, и постелила Аленке. Но спать ей совсем не хотелось. Она еще долго стояла у окна, всматриваясь в тускло освещенную редкими фонарями площадь, такую узнаваемую, и в то же время совершенно чужую. На соседнем доме вместо примелькавшейся вывески «Копейка» светилась неоновая реклама, где в слове «Гастроном» не хватало первой буквы и получилось совсем забавно – «...астроном». И при желании можно было вообразить, что там жили одни любители небесных путешествий. Но вскоре первая буква, помигав немного, засветилась в полную силу, и восстановила нарушенную было реальность – «Гастроном». Твердо и ясно. Как удар кувалдой по полену. Без разночтений.

По площади изредка проносились автомобили, празднично сверкая огнями, а так она была пустынна и безмолвна и порождала у человека чувство одиночества даже в этом заполненном перенаселенными домами пространстве. А что уж говорить о тех, закрытых сегодня дождевыми тучами мирах, которым совершенно не было никакого дела до юной студентки с льняными волосами, заблудившейся во времени.

Говорят, есть мгновенные явления, а есть – растянутые во времени. Есть миг, а есть – миллионы лет. Но, по-видимому, есть еще и что-то такое, какая-то сила, которая может миллион превратить в мгновение, а мгновение растянуть на миллион. Это как при прокрутке видака – полуторачасовую запись

можно просмотреть очень быстро, все события утрамбуются в одну суетливую минуту, и разглядеть и понять что-то там почти невозможно. Кто нажал на кнопку видака, где записывалась ее жизнь? Кто перемотал назад время и перенес ее в другую эпоху, не сменив пространства? Кто все эти годы уложил в один миг, как все случилось? Автор тоже не ведает.

Аленка никогда не испытывала тяги к философским размышлениям, не заморачивалась на мировых проблемах, но сегодня волей-неволей ей пришлось напрячь те участки своего девичьего мозга, который отвечал за абстрактное мышление.

– А вдруг мне не удастся вернуться? – размышляла она. – Я что ли так здесь и останусь? У меня даже документов нет, только студенческий билет в ветровке, я его всегда там оставляла. И денег нет. Да здесь, наверное, и деньги другие...

Вдруг ей пришла в голову совершенно неожиданная мысль: «Интересно, я ведь могу здесь встретить своих родителей, только они сейчас... Да, маме, наверное, лет десять, отцу – двенадцать. Прикольно. Вот бы увидеть, а потом им рассказать.... А Олег, кажется, не такой уж мрачный парень, не вытурил меня на улицу, а то что бы я делала? Да, Сидоров, сделал ты мне подарочек, нечего сказать. Надо будет еще завтра в то же время покрутить колечко, может все встанет на свои места, – подумала она перед тем, как заснуть на своей неуютной и тесной раскладушке. – Ничего, я вернусь домой, к своим, все будет нормально, – заверила она себя и, немного поворочавшись, крепко заснула. Прекрасное свойство юности – не рассматривать любую проблему как неразрешимую. Жизненный опыт – штука обременительная, порождающая бессонницу у тех, кто им обладает. А у тех, у кого его нет – нет и понимания того, что есть вещи и тупиковые, зашел туда, в этот тупик – и кранты. Только назад, если, конечно, есть возможность к этому. У Аленки такой возможности пока не было. И будет ли?

Глава V

«Колеса диктуют вагонные
Где снова увидеться нам...»

Сквозь сон услышала девушка слова бодренькой песни и, еще не вполне проснувшись, подумала: «Кому могут диктовать колеса – бред какой-то. Впрочем, бред-то продолжается, – подумала она, увидев обстановку своей комнаты. – Жуть. Я думала – проснусь – и кончится весь этот кошмар».

– Алена, вставайте, пора. – Нелли Николаевна, наклонившись, слегка похлопала девушку по плечу. – Завтрак готов и Олег просит, чтобы вы поехали с ним прямо с утра.

– Доброе утро, – пробормотала она. – Значит, все это не сон, все было и есть на самом деле?

– Да не забивайте вы себе голову, идите, умойтесь, позавтракайте и все встанет на места. Все устроится, поверьте мне, я ведь уже давно живу.

Аленка натянула длинный, в веселенький цветочек халат, который дала ей мать Олега и, слегка подобрав волосы, пошла в ванную, стараясь не попадаться на глаза молодому человеку в таком виде. Господи, действительно дежа-вю какое-то. Все то-же, и все не то. В ванной не было привычных кафельных плиток, а не очень ровные стены сверкнули ядовито-зеленой краской. На полочке было только две зубных щетки, стоявших в зеленом пластмассовом стаканчике. Она взяла тюбик с какой-то неизвестной пастой.

«Pomorin», – прочитала она. – Надо же, никогда такой не встречала, – выдавила белую колбаску на указательный палец и почистила зубы так, как их учили в школе на уроке по безопасности жизни. – Вот уж никогда не думала, что это мне пригодится. А ведь пригодилось... – подумала она.

Приведя себя в порядок, она поискала хоть какой-нибудь спрей, но нашла только крохотный флакончик духов, на котором красовалось написанное русскими буквами французское название «Ша ноар». Черная кошка – догадалась она, поскольку немного знала французский. Чуть-чуть. Когда-то она мечтала поступить на иняз и самостоятельно пыталась учить сразу три языка – француз-

ский, испанский и итальянский. Но это увлечение быстро прошло, поскольку конкурс на иняз зашкаливал за 10 человек на место.

Аленка очень хотела принять душ, но горячая вода не порадовала ее своим появлением. Только холодная, и ей пришлось довольствоваться тем, что было, а душ отложить до случая.

– Да, надо привыкать, как-то приспособиться, если это все затянется. Господи, как я хочу домой! Вот ведь дома – а не дома!

И тут ей, может быть впервые, в голову пришла мысль, что дом там, где тебя ждут, где тебе рады. Да, рады. А все остальное – это не дом, а крыша над головой – и все. Как сейчас.

Она вышла из ванной, переоделась и прошла на кухню, где ее уже ждали Олег с матерью. Ей подали яйцо всмятку и бутерброд с маслом и сыром.

– Нелли Николаевна, я вас прошу, попробуйте йогурт, да и колбаса очень вкусная. Что мне теперь с этим делать? Домой я попаду, похоже, не скоро, – она вопросительно, и с надеждой посмотрела на Олега.

Хозяйка, чтобы не обижать гостью, достала из холодильника Аленкин пакет, порезала тонкими ломтиками колбасу, а затем и выставила перед каждым по коробочке с йогуртом.

– Ого, вкусно, – сказала она, попробовав и того, и другого, вы там неплохо живете. И что это все в свободной продаже?

– Да, были бы деньги, все можно купить.

– И очередей нет?

– Почему, бывают в час пик, но небольшие. В супермаркетах работают быстро.

Нелли Николаевна на минутку замолчала, а затем как-то осторожно спросила:

– Алена, скажите мне, только откровенно, Что у вас там? Все получилось? Удалось построить этот мифический коммунизм?

– Мама, что ты говоришь, – одернул мать Олег. Коммунизм вполне реален. И я уверен, мы его построим и не только в СССР.

– Олежек, милый, тебе по должности положено так думать, ну, и думай себе на здоровье, я тебе не перечу. Но я всю сознательную жизнь слышу об этом, уже целых пятьдесят лет. Мы, конечно, куда-то двигаемся, развиваемся, но куда? Здесь стереотипами не обойтись, они ничего не объясняют, просто с их помощью люди пытаются упростить ситуацию и хоть как-то объяснить жизнь.

– Мама, не утренний это разговор, да и гостья может подумать о нас как-то не так...

– Все, все, сынок, политическая пятиминутка окончена. Вы на нас не обращайте, внимания, кушайте. А вот еще что, Алена. Олег мне вчера, когда вы легли спать, рассказал вашу удивительную историю. Вы не беспокойтесь, поживите пока у нас, а там видно будет. Вы нас особо не стесните, все-таки квартира трехкомнатная, всем места хватит. В общем, не переживайте.

Аленка благодарно кивнула головой и нехотя стала есть яйцо, затем выпила чашку растворимого кофе, который достала ложечкой из диковинной жестяной банки. Кофе был мелкий-мелкий, как мука. Она такого никогда не видела, думала всегда, что растворимый кофе бывает только в гранулах. Тем не менее, чашечка этого напитка ее сразу взбодрила и она, немного повеселев, сказала Олегу, молча и сосредоточенно поглощавшему свой завтрак:

– Ну, я готова, ведите меня, господин лейтенант. Так, кажется?

– Не господин, а товарищ. А господ наши деды в 17-м году всех упразднили.

– Да, знаю, я изучала по истории России этот период в школе, там примерно также и написано. Только там это как бы осуждается.

– Алена, давайте не будем вдаваться в дискуссию. Успеем еще. А сейчас надо ехать. Кстати, – заулыбался парень, – могу похвастаться, поедем на моей собственной «Волге». Конечно, нет той близости к народу, которую ощущаешь в переполненном утреннем автобусе. Но это мы переживем, так ведь?

– Эка невидаль, – подумала про себя Алена. А вслух по привычке спросила: – А далеко ехать? Хотя, какая разница.

Они оба оделись и вышли на холодную осеннюю улицу. Было еще темновато, но светло-розовая полоска, видневшаяся на востоке, подавала надежду на то, что день все-таки наступит.

Неновая «Волга» с никелированным оленем на капоте, украшенном несколькими прилипшими багровыми листьями клена, стояла как раз под окнами квартиры. Пока Олег доставал ключи и разогревал мотор, Аленка с удивлением рассматривала это пузатое чудо советского автопрома – воплощенную в металле мечту каждого советского человека. Но мечту труднодостижимую, поскольку стоила она примерно столько, сколько зарабатывал среднестатистический гражданин лет за пять. Это если не есть и не пить.

Тем не менее, машины пользовались бешеным спросом, в очереди за ними можно было простоять несколько лет, и конечно, ни о каком выборе цвета или отделке салона и речи не шло – бери, что дают. Но счастливец, купивший, в конце концов, автомобиль, был рад и этому, понимая буквально слова классика о том, что «автомобиль не роскошь, а средство передвижения». Хотя в душе понимал, что это все-таки роскошь. По тем временам, конечно.

– Ну, прошу, – сказал Олег, открывая переднюю дверцу, – устраивайтесь.

Девушка села рядом с водителем и они поехали. Она поискала ремень безопасности, но не нашла его, а спрашивать не стала. Нет и нет, что такого?

– Давно она у вас? – поинтересовалась Аленка, чтобы не молчать и отогнать от себя тревожные мысли, которые опять завертелись в ее голове.

– Нет, всего вторую неделю, отец подарил. У них на заводе ее списали, учитывая, что она выбегала свой срок, и ему продали, в качестве поощрения, как участнику войны. А он сам не большой любитель сидеть за рулем – отдал ее мне. И теперь я извозчик для всех родственников. И никому не смею отказать. Владелец машины у нас уже изначально всем должен и перед всеми виноват. Все ничего, да тетки одолели. Особенно та, что снялась в эпизоде фильма. Она у меня склонна к светскому образу жизни. А всего их у меня пятеро. То в поликлинику отвези, то на дачный участок подбрось. Хотя все тетки у меня хорошие, я их люблю, особенно кинозвезду. Добрый человек.

Они ехали очень спокойно, по мокрой осенней улице, с грудами багровых кленовых листьев на обочинах, еще не убранных дворниками, с толпами людей, ожидающих автобусов, чтобы вовремя попасть на работу, с нервными и печальными женщинами, ведущими детей в ясли и садики. И над всей этой утренней жизнью, которая еще только зарождалась в не до конца проснувшемся городе, царила политическая реклама, такая же назойливая и бесцеремонная, как и любая реклама. Она была повсюду – и человек волей-неволей внимал ей, хотел он этого или нет. В Аленке проснулся, задремавший было, будущий политолог, и она начала с любопытством читать все лозунги и плакаты, которые попадались ей на пути:

«Ни одного отстающего рядом!»

«Во имя коммунизма пусть всегда

Растет производительность труда!» – маленький стихотворный «шедевр».

«Пятилетку – в четыре года!» – зачем? – подумала она.
«Если тебе комсомолец имя –
Крепи его делами своими!»

– Ну, ладно, это еще ничего, и уж совсем безликое – *«Решения съезда КПСС – в жизнь!»* и просто *«Слава КПСС»*. Этих плакатов было особенно много. И только однажды на какой-то высокой башне она увидела настоящую неоновую рекламу, как и в ее жизни: *«Храните деньги в сберегательной кассе»*. Почему кассе? Ну, да ладно, здесь действительно какая-то другая жизнь, видимо, банков еще нет.

Вскоре их машина остановилась у огромного, с тяжелыми колоннами, серого здания, которое довлело и нависало над окружающим пространством, давая всем понять, что оно здесь главное. Именно этого ощущения – ощущения почтения и страха – и добивался, видимо, архитектор и его заказчики – Управление НКВД. Подобное было в порядке вещей в далеком и зловещем 1938 году, когда начали возводить это здание – один из символов незыблемости советской власти.

Чекист как-то сразу посерьезнел, хотя перед этим напевал мелодичную песенку, да еще на незнакомом языке, кажется польском, в которой Аленка поняла только два слова «пьесенка кольорова» – цветная песенка.

– Приехали? – спросила Аленка и поежилась, как от холода.

– Да. Сейчас вы посидите в приемной, а я доложусь по начальству. Ждать придется, наверное, долго, поэтому вот вам книжечка, почитайте пока, – и он протянул ей небольшой томик стихов А. Вознесенского «Антимиры».

– А что это за поэт, я о таком не слышала, – спросила девушка, пытаясь как-то успокоиться и унять нервную дрожь.

– Ну, о нем сейчас много говорят. Мне нравится, как он пишет, очень свежо и современно. Ладно, пошли, а то у нас не принято опаздывать на службу.

– Знаю, мой отец тоже всегда очень точен. И не дай Бог, если его офицер опоздает: съест, не соля, и на косточках покатается.

– А кто, кстати, он по званию и по должности?

– Полковник, командир ракетного полка, кажется, я в этом плохо разбираюсь. Ракетчик, в общем. Как двинет – полмира вдребезги.

– Ясно.

Они вошли в здание, и Олег попросил дежурного устроить Аленку в комнате для приема посетителей, где бы она могли по-

сидеть одна, без посторонних глаз. Да и вероятность того, что она сбежит, испугавшись, тоже резко уменьшалась. А то ищи потом, да и пропасть может девчонка, жалко. Такая еще дурочка.

Олег торопливо поднялся на свой четвертый этаж, здороваясь с сослуживцами, попадавшимися по дороге. Поскольку все сотрудники ходили в штатском, то и субординация здесь была очень условной. Люди вели себя как в обычном советском учреждении, однако посторонний человек сразу углядел бы и одно отличие: все выглядели очень подтянутыми, сосредоточенными и нигде не слышалось матерков, столь привычных в обычной русской речи.

Олег зашел к себе в кабинет, сел за стол и некоторое время просто молча сидел, собираясь с мыслями, а затем снял трубку телефона и, услышав голос начальника отдела, доложил: «Вячеслав Алексеевич, у меня срочная информация, разрешите зайти и доложить».

– Ну вот, не успел стать старлеем, а уже все срочно. Заходи через десять минут.

– Есть. – Олег положил трубку и мысленно стал проговаривать свой доклад начальству, стараясь чтобы все прозвучало более менее связно и вразумительно. А иначе его информация – просто ненаучная фантастика, да и только. Собственно, так она и выглядит для всех, кроме него и этой льняной красавицы из прекрасного завтра, где все получается не так, как хотелось. Больше всего в рассказе Аленки его поразило сообщение о том, что Грузия подняла руку на Россию, развязав настоящую войну. Это никак не укладывалось в его молодой голове, где прочно засел образ грузин, как веселых и доброжелательно настроенных к русским людей.

Глава VI

Ровно через десять минут Олег постучался в кабинет начальника и, приоткрыв дверь, спросил: «Разрешите войти?»

– Входи, входи. Шпиона что ли поймал прямо на улице? Такая спешка. Учти, со старлеями это еще случается. Ну, садись, докладывай, только быстро. Мне через полчаса надо быть в обкоме партии, докладывать по обстановке перед завтрашним политическим праздником. Не забыл, завтра 7 ноября?

Старлей, собираясь с духом, молчал, наверное, дольше, чем требовали приличия, и руководитель, нервно взглянув на часы, подбодрил его:

– Давай, не задерживай, молчать потом будешь.

– Вячеслав Алексеевич, информация очень специфическая и на первый взгляд выглядит абсолютно недостоверной. И конечно, нуждается в проверке, очень серьезной. Но, тем не менее, пренебречь ею нельзя, – и Олег подробно рассказал начальнику все, что произошло вчерашним вечером.

Вячеслав Алексеевич, бывший комсомольский вождь, недавно направленный на укрепление органов госбезопасности, обладал одним неоценимым и таким нужным в их работе качеством: он умел слушать, не перебивая и не задавая по ходу вопросов. И это, как правило, хорошо действовало на собеседника. Они обычно возникали потом, когда оперативный сотрудник доскребал как подгоревшую кашу в кастрюле последние остатки информации. И еще – за три года службы в КГБ он уже привык ничему не удивляться: ни признаниям ложных шпионов, то есть людей, возомнивших себя таковыми из-за психического заболевания, ни реальным террористам, грозившим захватить и взорвать самолет, ни каким-то подрывающим веру в людей сведениям о своих старых знакомых, которые тоже, случалось, попадали в поле зрения органов госбезопасности. Последнее было особенно неприятно.

Выслушав Олега, он встал из-за стола, подошел к окну и долго смотрел куда-то в пустоту. Затем набрал номер своего зама:

– Владимир Константинович, съездите вместо меня на доклад в обком, у меня тут срочное дело.

– Вы случайно оба не сбрендили, и ты, и твоя девица из будущего? Как твое мнение, она здорова? – он пристально взглянул на Олега, будто хотел убедиться в реальности происходящего.

– Вчера пробил её по психбольнице и диспансеру. Нет ее там. Рассуждает здраво, да и, к тому же, абсолютно не ориентируется в нашей действительности. Да и экипировка у нее... Итальянские конфеты у нас вообще нигде не водятся, одежда с фирменной шведской маркировкой, я проверял её одежду, пока она спала. Есть студенческий билет – документ все-таки, какой-никакой. Она – студентка факультета политологии Волжского государственного университета, но у нас в городе нет такого, да и специальности такой нет. И печать с двуглавым орлом, вместо герба СССР. Ну, это бы все ничего, все можно сымитировать, но ее рассказы о том, как устроена их политическая система – я не знаю, это за пределами моего понимания. В общем-то, я слышал, что наука допускает возможности перемещения людей во времени, но это пока лишь предположение, не более того.

– Она еще тут рассказывала какую-то историю про старинное кольцо с изумрудом – ну это уж совсем сказка русская народная.

– Ну вот, а ты говоришь, что она здорова, без отклонений. Шизика иногда очень трудно раскусить, даже профессионалы не всегда их отличат от здорового человека.

– Но она тоже никак не может ничего понять и ищет хоть какое-то объяснение.

– Да, задал ты работку. Да ещё накануне праздника, дел по горло, а тут это... Ну, ладно, давай приглашай девчонку сюда, да позаботься о записи на магнитофон ее рассказа. Если мы оценим сведения хотя бы в какой-то части, как достоверные, нам придется готовить обобщающий документ в Центральный аппарат, а запись приложим. Ну, давай, действуй.

Олег быстрым шагом вышел из кабинета и спустился вниз, в дежурную комнату, быстро выписал пропуск для Аленки и, заглянув в помещение, где она находилась, сказал:

– Пошли, Аленка. Только ты не волнуйся. У нас работают нормальные, умные люди, чтобы о нас там не писали в вашем времени. Ничего не бойся. Просто расскажи все по порядку.

Аленка, просидев в приемной почти час и невнимательно прочитав всего Вознесенского, уже, как говорится, «перегорела». Она шла по коридорам Управления КГБ совершенно спокойно, так же, как шла бы сегодня на семинар в своем университете. Ей было уже все равно, тем более, что от нее ничего не зависело.

Попадавшиеся им навстречу сотрудники почти сплошь были молодыми, спортивного вида, людьми с цепким, внимательным взглядом. Они с любопытством поглядывали на красивую девушку с длинными льняными волосами и небесно голубыми глазами, чуть напоминавшую персонажа с этикетки появившегося на прилавках наших магазинов финского сыра «Виола».

Они шли молча, и только перед самым кабинетом руководства к Олегу подошел его друг Виктор и тихо спросил:

– По иконам? Фарца?

– Нет-нет, никакого криминала. Скорей, наоборот. Сложная жизненная ситуация – вот и все.

– Какие парни, – подумала Аленка, – как в заповеднике, где поддерживают породу. Мои подруги бы здесь развернулись.

– Ну, ты готова? Тогда идем, – сказал Олег, слегка прикоснувшись к руке Аленки, и этот легкий дружелюбный жест окончательно её успокоил. В конце концов она в своей стране и не виновата, что в механизме Времени и Пространства где-то произошел сбой, который привел ее сюда, в Управление того самого страшного КГБ.

Разговор Алены с майором Братченко продолжался долго, часа четыре с небольшими перерывами. Когда все, и рассказчица, и слушатели порядком устали, Братченко сказал:

– Да, Алена, вещи ты рассказала удивительные. Придумать такое – никакой фантазии не хватит ни у шизика, ни у нормального человека. А все в совокупности – по нашим меркам – это как образчик идеологической диверсии против нашего социалистического государства. Поэтому, мы с тобой договоримся следующим образом: ты пока поживешь у Олега Николаевича под видом его родственницы. Временные документы мы тебе сделаем, деньги на первое время дадим, правда, немного. Но мы живем все достаточно скромно, так что ничего страшного.

По-видимому, в ближайшие дни тебе вместе с Олегом придется ехать в Москву, в Центральный аппарат, и там повторить все, что ты нам здесь рассказала. Я думаю, этого не избежать. Если, конечно, меня самого не отправят подлечиться куда-нибудь в Абхазию или Аджарию.

Будь готова к тому, что тебе будут задавать и неудобные вопросы, постарайся быть предельно искренней и правдивой. Это и в твоих интересах, поскольку мы будем искать какие-то способы вернуть тебя в твое время. Хотя, честно говоря, я пока не понимаю до конца, что произошло. Да, еще вот что. Большая

просьба, ты больше никому и ничего не рассказывай ни о себе, ни о той своей жизни. По нашим меркам ты несешь оголтелую антисоветчину, подрывающую существующий строй, ты поняла? Да? Сейчас ты поедешь с Олегом. Можете, кстати, прокатиться по праздничному городу – завтра у нас празднование очередной годовщины Октября. В общем, отдыхай. Все эти дни Олег будет с тобой для твоей же безопасности. Ну, пока все. До свидания.

– До свидания, – устало произнесла Аленка. – Я-то думала, что все сегодня закончится, а оказывается, все только начинается. Но что мне делать, ума не приложу. У меня же лекции, мать с отцом с ума, наверное, сходят, через три дня жених приезжает. А я здесь...

– Алена, один вопрос напоследок. Вячеслав Алексеевич немного замялся.

– Там что, свободно продаются автомобили, сделанные на Западе? Какие марки, можешь вспомнить?

– Конечно. Я даже на права сдала недавно. Отец купил недорогую японскую «Нисан», иногда дает мне порулить. А так – «Ford», «Тойота», «Мицубиси», «Porche». Да все есть, были бы деньги.

– А из нашего автопрома что-нибудь осталось?

– Конечно, жигуленки еще бегают, но в нашем городе их немного осталось, почти не видать.

– А «Волга»?

– Ну, не знаю. Тоже иногда ездят по городу, но старые.

– Ладно, иди с Богом, не расстраивай окончательно, – сказал майор, достав из кармана пиджака платок и вытерев пот со лба. – Да, дела. Олег Николаевич, задержись на минутку, а вы, Алена, побудьте в предбаннике, ну, в приемной. Мы быстро.

Когда они остались вдвоем, Братченко после минутной паузы сказал:

– У меня две версии – одна правильная, другая бредовая. Первая – проводится какая-то крупная акция идеологической диверсии, направленная в среду нашей молодежи. Возможно, подготовлена специальная группа людей, которые должны разными способами доводить до советских людей идеи о возможной смене социалистического строя. Этакая команда профессиональных диссидентов по типу диверсионных групп, которые забрасывали в нашу страну в годы Отечественной войны. Тогда эта зомбированная девица, у которой стерли память и зарядили этой антисоветской информацией, должна быть не одна, и нам надо работать в этом направлении. Но возникает законный вопрос, что это она притащилась прямо на квартиру к чекисту? Вот это уже необъяс-

нимо. Такие промахи в работе профи крайне редки. Чего-то тут не стыкуется. И акция изначально провальная. Помнишь из истории, народники, когда пошли в этот самый народ агитировать за новую жизнь, тоже подготовленные были ребята, а чем кончилось – те же мужики их и сдавали полиции. «И вы, мундиры голубые, и ты, им преданный народ». Помнишь? И эти сразу попадутся.

Вторая версия – девушка говорит чистую правду, в которую я не могу поверить. То, что оплот мирового социализма рухнет, я даже не хочу обсуждать. В общем, будем проверять обе версии. Но из этих двух предположений – одна неправильная. Хотелось, чтобы это все-таки была вторая. Впрочем, возможно, появятся и другие варианты. Почему нет?

С девчонки глаз не спускай. Я освобождаю тебя от работы на это время – общение с ней теперь твоя главная работа. Сегодня во второй половине дня под видом вашей родственницы к вам зайдет врач-психиатр. Пусть с ней поговорит и составит свое мнение и ее психологический портрет.

А я пойду докладывать наверх. Нам предстоят долгие разбирательства с этим делом.

– А про Москву – вы серьезно? Может, не стоит торопиться, ведь еще нет никакой ясности.

– Думаю, сразу, как доложу, вас обоих туда заберут. Так что будь готов.

А сейчас повози ее по городу, сходите вечером в театр или на концерт. Билеты возьми у Юрия Дмитриевича, у него есть наша бронь на все зрелищные мероприятия. И будь постоянно на связи. У нас пока таких мобильников, как у них, нет, зато кое-где есть исправные телефоны-автоматы. Запасись двухкопеечными монетками. Деньги на ее содержание выпиши по спецстатье. Скажи, с моего разрешения. Ну все, иди пока.

После ухода Олега Братченко еще долго сидел за столом, обхватив руками голову и не отвечая на звонки. Ему хотелось осмыслить все услышанное и придти хотя бы к какому-нибудь, самому предварительному выводу. Но ничего у него не получалось. В сознании вертелась какая-то чудовищная карусель из тех сведений, которые сообщила девушка, попавшая сюда, к тому же, черт знает как. Независимая Украина вступает в НАТО, крохотная Грузия развязывает военный конфликт с Россией по указке США, финансовый и экономический кризис в стране, безработица, забастовки и демонстрации. Компартия в оппозиции, хорошо хоть не запрещена.

Предприятия, построенные на народные деньги, стали собственностью оборотистых дельцов, некоторые из них сейчас, наверное, еще только ходят в школу или еще даже не родились. Чудовищная катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС, которая только начинает строиться.

Во главе властной лестницы – чекист Путин. Ну, это-то, положим, хорошо, наш человек, может и вырулит. Только куда? И что же мы? Что ж, значит наша борьба с антисоветскими проявлениями, с западными спецслужбами, идеологическими центрами так малоэффективна, что спустя пару поколений все в стране может перевернуться? Значит, надо менять политику, менять методы работы. Но мы ведем достаточно жесткую линию, огромную профилактическую работу с потенциальными борцами с режимом. В чем же изъян, в чем? В несовершенстве или утопичности самой идеологии? Или в шкурной человеческой природе, в жадности и ненасытности людей, которые, получив относительное благополучие начинают требовать все больше и больше? В чем же загвоздка? Да, здесь надо думать и думать. Мощнейшая мировая держава Германия не смогла нас ни раздавить, ни расчленить. Сами оказались на коленях. И что же? Распад в самом доме, где живем? Ладно, пора идти докладывать генералу, а затем готовить шифровку в центр. Вопросы, вопросы. Крыша едет, это уже точно.

Братченко вспомнил, что он за беседой с Аленой забыл пообедать, поэтому достал спрятанный в карман парадной шинели от посторонних глаз кипятильник (их хранение и использование было строжайше запрещено), вскипятил себе водички, заварил скверный грузинский чай, не имевший ни вкуса, ни запаха, и, отхлебывая эту бурду, продолжал размышлять о том, что узнал сегодня.

Чай был хоть и плохой, но немного прояснил мозги, а бутерброд с подсохшим сыром успокоил разговорившийся желудок.

– Что ж, проинформирован – значит, вооружен, – подумал он. – Но здесь есть и позитивная сторона. Например, ту же аварию на ГЭС можно предотвратить сейчас, зная ее причины. Да мало ли как можно использовать все это в интересах страны, да и всего человечества. Но и во зло тоже...

Он еще немного походил по кабинету чтобы успокоиться, а затем позвонил генералу.

– Заходи, – сказал шеф. И через две минуты Братченко докладывал генералу о странном происшествии, случившемся в их городе в 1975 году нашей эры или от Рождества Христова. Кому как нравится.

Глава VII

– Ну, куда теперь? – спросила Аленка своего гида-чекиста, когда они вышли из мрачноватого здания УКГБ, где, как ей показалось, наверное, водятся привидения, особенно по ночам, когда оно стоит пустое.

Именно такие места концентрируют в себе отрицательную энергию людей, поэтому ушла она оттуда с облегчением и радостью. Ей хотелось скорее попасть на улицу, подышать свежим воздухом, почувствовать, как прохладный осенний ветерок выдувает из ее головы дурацкие мысли и нешуточные страхи. Она была в этом «сером доме» по своей воле и пришла за помощью, а что же чувствовали люди, которых когда-то приводили сюда на допросы... даже представить себе страшно.

Олег, видя состояние Аленки, сказал: «Поехали, пообедаем, милая диссидентка, тем более что деньги на твой прокорм мне выдали. Аж целых восемьдесят рублей. «Гуляй, рванина, от рубля и выше...», – пропел он строчку из какой-то песни.

– Сколько, сколько?– удивленно спросила девушка. У нас на 80 рублей можно купить пару гамбургеров и, пожалуй, все. Щедрое советское государство выделило мне средства на пару бутербродов? Слава КПСС!

– Аленка, у нас не принято иронизировать над такими вещами, так что помолчи и не ставь меня в глупое положение. А 80 рублей – это месячная зарплата какой-нибудь конторской служащей. Возьми деньги, пусть они будут у тебя, еще пригодятся, а сейчас я приглашаю тебя в ресторан на скромный комплексный обед.

– Это кстати, я так проголодалась. Интересно, чем у вас здесь кормят? Судя по учебнику истории – это было голодное время.

– А вы что, питаетесь только изысканными французскими блюдами? Жульен из трюфелей, устрицы, лобстеры и немного креветок с овощами, круассаны с кофе-экспрессо? Так, что ли?

– Нет, – засмеялась Аленка. – В студенческой столовке такой пакостью кормят, так что я ко всему привыкла. Хотя круассаны очень люблю.

– Ну, это уже лучше.

Они подъехали к старой гостинице в центре города, и Аленка с удивлением увидела вместо солидной вывески «Банк Мировой», которую она читала почти ежедневно, длинную надпись, состоящую из блестящих металлических букв, «ресторан Уют».

Внутри ресторан выглядел действительно уютным, но его портило то, что помещение было слишком вытянуто в длину. Метрдотель, как видно, хорошо знал Олега, которому по долгу службы приходилось бывать здесь, и усадил их за столик у окна, убрав два стула, чтобы никто больше к ним не подсел. В зале было довольно людно, но народ, в основном, сидел достаточно просто одетый и, судя по тому, как все быстро орудовали ложками и вилками, зашли люди сюда действительно, поесть, а не выпить и повеселиться. Впрочем, какое веселье в рабочее время. Правда на столах кое-где стояли бутылки, по-видимому с пивом.

– Что-нибудь закажете? – спросила официантка, полная женщина, страдавшая небольшой одышкой. Впрочем, может она слишком торопилась обслужить клиентов и слегка запыхалась.

– Два комплексных обеда. Кстати, что там?

– Сегодня рыбный день, так что на второе рыба жареная с пюре и соленым огурцом.

– А первое?

– Бульон с яйцом, салатик из свежей капусты с клюквой и компот.

– Да, нескладно немного, прямо неудобно перед девушкой. Алена, как ты к этому меню относишься?

– Да нормально. Что, думаешь, в студенческой столовке университета лучше? Все тоже. Узнаю родное меню. Правда, у нас не бывает рыбного дня. Это, кстати, что такое?

– Это особенность нашего времени, – усмехнулся Олег. – Впрочем, рыба, говорят, полезна. Фосфор – он для мозгов. В общем, тащите. Кстати, мне еще бутылочку «Боржоми».

– А мне бутылку пепси-лайт, если можно.

– Пепси что? – переспросила официантка.

– Ну, легкий, с пониженным содержанием калорий...

– Извините, девушка, у нас и с повышенным содержанием нет. Вы что, из-за границы приехали?

– Нет, нет, – поспешно сказал Олег. – Девушка из Москвы, а там иногда есть в продаже пепси.

Аленка поняла, что опять попала впросак и замолчала, не зная, что сказать.

– Может, тоже «Боржоми»? – спросил Олег.

– Нет, слишком много фальсификата, у нас об этом писали.

– Принесите лучше стаканчик березового сока, из Белоруссии, – сказал Олег.

Официантка, зыркнув недобро желто-зелеными тигриными глазами, медленно удалилась, но обед принесла необыкновенно быстро.

Алена очень проголодалась и еда оказалась неплохо приготовленной. Так что поела она с аппетитом.

– А что это за рыбка? – спросила она у своего спутника.

– Страшно произносить в приличном обществе, но, тем не менее, ее зовут бильдюгой. Знакомьтесь! Эта рыба для нас стала вроде волжского судака. Правда, этот наш судак куда-то пропал. Наверное, его везут туда, где дефицит бильдюги.

– А эту где же отлавливают?

– А кто ее знает, даже представить себе не могу. Где-нибудь у берегов свободолюбивой Никарагуа, – засмеялся чекист.

– Кстати, Олег, а сколько лет твоему начальнику, ну, тому, что со мной разговаривал?

– Да молодой совсем, из комсомольских лидеров, к нам пришел три года назад. Сейчас ему, – Олег немного подумал, – по-моему, двадцать семь, не больше. В общем, тоже еще зелень, ну, да ничего, мы в конторе нашей быстро взрослеем. А он что, понравился тебе? От него у нас все дамочки без ума.

– Странно, но я его как будто где-то видела. В лице что-то такое знакомое... Как его фамилия, я не расслышала?

– Братченко, а зовут Вячеслав Алексеевич.

Услышав фамилию, девушка перестала есть и некоторое время сидела молча, а потом неуверенно произнесла:

– Я, кажется, знаю его сына Андрея, я тебе о нем говорила, мы встречались, правда, он постарше меня. Ему сейчас двадцать четыре года. Даже пожениться хотели, ну, по крайней мере, он хотел.

– Да нет у него никакого сына, он женился-то только полгода назад на переводчице из Интуриста: красавица, умница, свободно говорит на трех языках. Кстати, я у них на свадьбе гулял.

– У моего Андрея фамилия тоже Братченко и отчество Вячеславович, так что все совпадает. А дети, кстати, могут и не сразу после свадьбы появляться. Пора бы уже и знать.

– Зря ты ему не сказала об этом, – Олег чуть помолчал, а затем осторожно спросил:

– А ты что-нибудь знаешь, как у него сложилась жизнь, приоткрой завесу, может что-то не поздно поправить. Хотя, лучше не надо, лучше не трогать этого.

Алена молча сидела, уткнувшись глазами в тарелку, и не знала, что ответить. Дело в том, что Андрей ей как-то рассказывал о своем отце, который погиб в Афганистане, когда уже оттуда выводились наши войска. Значит, она недавно разговаривала с человеком, которого давно нет, с тенью, с фантомом. И тут ей в голову пришла совершенно фантастическая мысль: а что если попытаться предотвратить гибель отца Андрея? Просто заранее предупредить. Надо вспомнить, что он рассказывал. Да, его отец, когда до нашей границы оставалось совсем немного, пересел из БТРа в обычную машину к какому-то приятелю. И их по дороге обстреляли. И Братченко погиб. И Андрей рос без отца. А ведь я могу сейчас все изменить, изменить будущее... Может, попробовать? У неё аж зазвенело в голове от всех этих мыслей.

– Эй, Алена, проснись. Что ты там опять фантазируешь?

– Олег Николаевич, – девушка опять замолчала, не зная, правильно ли она поступает, да и как все это сказать.

– Ну, говори, что у тебя внутри заклинило?

– Слушай, ты бы мог предупредить Братченко, ну, на будущее? В общем, когда он будет выходить вместе с войсками из Афганистана, то пусть до самой нашей границы не покидает БТР и никуда не пересаживается.

Олег огорошено смотрел на девушку, не зная, как реагировать. Наши войска в Афганистане? Что нам там делать? И Братченко все же служит не в разведке, так что попасть туда он никак не мог. Даже в будущем. Хотя, всякое бывает.

– Обещай, что ты передашь ему мои слова. Я, конечно, не цыганка, гадать не умею, но что делать, о некоторых вещах, которые произойдут, я знаю точно.

Олегу, прямо скажем, стало не по себе от слов девушки. Он понял смысл сказанного, понял разумом, но все внутри его протестовало против этого. Он был еще очень молод и смерть ему казалась абсолютно нереальной, и он не до конца осознавал, что когда-нибудь она коснется каждого из живущих на земле.

Но одно дело – знать о ней, как об очень далекой перспективе, которая если и произойдет, то Бог знает когда. И совсем другое дело – точно понимать, когда и где все это случится. Вообще-то, жизнь тогда, наверное, превратится в кошмар: знать, что ты приговорен к смерти и знать точную дату и минуту, ко-

гда это случится. Нет уж, врагу не пожелаю... Он тряхнул головой, отгоняя от себя совершенно несвойственные ему трагические мысли и, чуть подумав, пообещал:

– Обязательно скажу, он парень хороший, пусть живет долго и счастливо.

– Смотри, не забудь, это очень важно. Ладно, давай закончим обед, а то он у нас затянулся. Я в студенческой столовке встаю из-за стола через пять минут, не люблю долго есть.

И юная предсказательница стала есть рыбку, хотя и без прежнего аппетита. Философские раздумья – это прямой путь к сохранению хорошей фигуры. Аппетит убивают напрочь. Хотя бильдюга, несмотря на своё страшное прозвище, была вкусной.

А молодой чекист, ковыряя алюминиевой вилкой остывший кусок рыбы, подумал: «Хорошо, что она не знает никого из моих потомков. Пусть уж моя жизнь останется непредсказуемой, так-то лучше, интереснее, во всяком случае...

Аленка уже закончила со вторым и намеревалась отхлебнуть компот – как услышала за спиной чей-то веселый мужской голос.

– Вот так встреча! Олег, да еще с девушкой, да какой красавицей! Пришел выкупаться в комплексной советской роскоши?

Олег поднял голову и, увидев говорившего, заулыбался. Перед ним стоял его приятель по университету Сашка, которого жизнь перебрасывала с ладошки на ладошку, как горячий пирожок, не давая ему покоя. После университета он уехал аж в Калмыкию и провел в Элисте почти год, работая в тамошней молодежной газете. Но что-то там у него не задалось. Возвратившись, он с гордостью показывал друзьями местные газеты, где его именовали молодым калмыцким поэтом, поскольку он успел выпустить там тощую книжицу со стихами, среди которых и вправду попадались вполне приличные. Но тамошний климат, в том числе и моральный, убил в нем поэта и гражданина. Парень он был насмешливый и, конечно, не мог не иронизировать над тем, что министр бытовой промышленности в тех краях по совместительству был еще и директором местной бани и, конечно, обидчивые местные кадры начали его понемногу оттирать от конкретной работы. Но это бы все ничего, безделье он бы как-нибудь перенес, дело привычное. Главное, что его доконало – это страшная жара. Он потом рассказывал всем какие-то ужасы, главный из которых гласил, что все соки и газировка в столице выпивались уже в первые три часа после открытия торговых

точек, а дальше – хоть помирай. В общем, сейчас в Волжске он промышлял тем, что работал фотокорреспондентом в одной из газет и, кроме того, еще был внештатным корреспондентом «Огонька». Там у него завелся какой-то знакомый. Насчет внештатного – у него обычно возникал провал в памяти, когда он представлялся девушкам. Когда-то, в студенческие годы, Олег и Сашка дружили, но затем жизнь развела их в разные стороны и они почти не виделись.

Фотокорр, оглядевшись, хотел присесть, но стула лишнего не обнаружил, поэтому утащил его от соседнего стола и бесцеремонно сел с ними, хотя и поинтересовался: «Я вам здорово помешаю?»

– Ладно, чего уж, только мы уже заканчиваем и интервью не получится.

– Ну, ты – человек темный, тебя фотографировать – себе дороже, посадите еще как шпиона. А вот снимочек твоей спутницы я бы сделал. Как вас зовут? Алена! Алена, вы не против? У вас есть шанс попасть на первую страницу лучшего журнала нашей страны – «Огонек». У вас превосходный типаж. Ну и вы, конечно, студентка, комсомолка, спортсменка и отличница, не так ли?

Алена вопросительно посмотрела на Олега. Тот пожал плечами и только сказал: «Это ваше дело». Он понимал, что вообще-то этого не стоило делать, учитывая инструктаж начальства, но отступать ему было некуда, да и что он мог сказать девушке: не надо, вы сейчас вроде как вся из себя секретная? Глупости. Пусть все будет естественно. Это и есть главная конспирация. И добавил: «Но на обложку журнала не рассчитывайте. В крайнем случае, последняя страница. И фото черно-белое, где ничего не разглядишь».

Сашка не стал возражать, он просто достал из большущей черной сумки аппаратуру – здоровый, допотопный фотоаппарат со вспышкой и сделал с разных позиций несколько снимков, а Аленка так естественно ему позировала, как будто занималась этим всю жизнь, чем очень удивила и того, и другого.

– Кстати, старик, я ведь получил квартиру, однушку, правда, но все-таки. Так что теперь не бедствую по углам, – проговорил фотограф после того, как закончил работу.

– Это как же тебе подфартило?

– Потом расскажу. Может, зайдете ко мне сегодня на новоселье вдвоем? Посидим, поокаем, сухонького попьем, стихи послушаем.

– Не знаю, Алена только приехала, устала, наверное.

– В этом возрасте человек – большая жадина до впечатлений. А у меня сегодня общество – ну, ты всех знаешь: поэты, журналисты, художники. Приходи, вдруг среди них сразу шпиона или диссидента найдешь – и медаль заработаешь, и признательность партии и народа, которые, как известно, у нас едины.

– Не ехидничай. Алена, как ты? Все равно, надо как-то заполнить вечер, не сидеть же перед телеком. А в театр мне что-то не хочется.

– Да я не против, – ответила Алена. – Только если ненадолго.

– Заметано. О'кей. В общем, придем, если, конечно, ничего не случится.

– Бог ты мой, что может случиться перед праздником Октября? Аполитично рассуждаешь, – перефразировал Сашка знаменитую фразу Владимира Этуша.

Он дал Олегу свой адрес и попрощавшись, так же быстро и исчез, как и появился.

Глава VIII

Когда они вышли из ресторана, улица была залита теплым солнечным светом и девушке показалось, что сейчас развеется весь этот мистический туман, и она вновь окажется в привычной обстановке, в этом же городе, но живущем в ритме 21 века, с потоками нарядных иномарок на дорогах, с домами, украшенными рекламой того, от чего сходит с ума весь мир, с толпами спешащих и праздных людей, одетых в привычную одежду. Она даже на секунду закрыла глаза – вот сейчас все вернется, и крутанула колечко для верности – но голос Олега вернул ее в советскую действительность.

– Давай, я покатаю тебя по городу и покажу, как мы живем. Ты ведь для меня сейчас как иностранец, которого надо убедить, что в СССР не все так плохо, как о нем пишут разные диссиденты и политические диверсанты. Представляю, как сейчас подают нас в ваших газетах. В России, к сожалению, беспощадно относятся к прошлому, пытаясь его откорректировать заново. Почитаешь историю, так ни одного позитивного периода не было, кроме новейшего времени. Поверь, когда-нибудь и о вашем времени будут писать всякую дрянь и неправду. «Закон отрицания отрицания» – слышала о таком. Нет? Эх, чему вас только в школе учат, – улыбнулся он.

– Олег, у нас свобода слова, поэтому пишут о нынешнем периоде и хорошо, и плохо. В коммунистической прессе хорошо. В либеральной – плохо. Я ведь будущий политолог и читаю много, да и по Интернету лазаю, а там такой политический винегрет.

– Я так понимаю, – сказал чекист, – что пресса в вашем времени в руках разных толстосумов.

– Ну, в некотором смысле, да, но мы, обычные люди, чаще всего и не знаем, чье это издание. Толстосумы, за редким исключением, не любят светиться.

– Какое у тебя словечко из нашего профессионального лексикона, – иронично заметил молодой человек. – Ну, так что хрен с ними, с вашими акулами пера, поездим-ка по социалистической Родине, будет что рассказать, когда вернешься.

– Ты думаешь, я смогу когда-нибудь вернуться? Я так боюсь здесь застрять. Что я буду делать? Мне же надо учиться, у нас за пропущенные занятия штрафуют, кстати. И я очень беспокоюсь за родителей. Как они там? Может, – с надеждой в голосе произнесла она, – попробовать еще раз позвонить, а? Может, время сменилось здесь, в этой точке, но там, наверху, оно сохранилось и течет обычным порядком? – И она стала искать в кармане курточки мобильник, который у нее почему-то не отобрали в КГБ.

– Что ж, попробуй, – насмешливо сказал Олег, – хотя это все сказки. Я плохо верю в существование спутниковой связи для обычных людей. Это ж раздолье для шпионов. Кстати, – вспомнил он, – мне надо позвонить в Управление, доложить, где мы будем вечером, может, нам этот визит к Сашке запретят. Но я думаю, тебя надо как-то легализовать и это посещение будет полезным. Я – в автомат, а ты попробуй свой вариант.

Он отошел в сторону, где около входа в какой-то магазин стояла деревянная будка с телефоном, и начал звонить начальству, а девушка, вытащив свой мобильник, набрала цифру «1» – домашний номер и, к ее удивлению и радости, сигнал пошел. У нее аж дыхание перехватило, пока она ожидала ответа и, о чудо, в трубке она услышала знакомый голос матери:

– Аленка, где ты, доченька, что с тобой, тебя не похитили? Что там стряслось, мы с отцом с ума сходим. Возвращайся скорее. Давай мы за тобой приедем. Скажи только, куда?

– Мама, со мной все нормально. Это необъяснимо, но я попала в другое время, в 75-й год. Мне обещали помочь вернуться, а когда, я пока не могу сказать. От меня это не зависит.

– Аленка, что ты говоришь, мы обратились в милицию, в газету дали объявление о розыске, тебя уже ищут. Где ты сейчас?

– Мама, не беспокойся, все будет...

В это время разговор оборвался на полуслове. Кончилась подзарядка, поняла Алена. Но все равно, слава Богу, родителей сумела предупредить, что жива. И то хорошо. Хорошо-то хорошо, только что это меняет? Как мне отсюда выбраться? Господи! Помоги мне, помоги! – в отчаянии шептала она. Она растерянно стояла, держа в руках бесполезный телефон, и тупо глядя в одну точку, вызывая любопытство и сочувственные взгляды прохожих.

Один такой сердобольный человек, мужчина лет сорока, в каком-то помятом костюме с ромбиком на пиджаке, остановился около нее и участливо спросил: «У вас все в порядке? Может, чем помочь?»

– Нет, нет, что вы, все хорошо – поспешила успокоить его девушка, вытерев выступившие слезы, и с горечью подумала: «А в моем времени вряд ли бы кто поинтересовался, что со мной. Всем было бы до лампы...».

В этот момент к ней подошел Олег и сообщил:

– Сегодня мы с тобой свободны и идем в гости к Сашке, а завтра в 8 утра выезжаем в Москву. Предстоят серьезные разговоры, может быть даже с руководством нашей конторы, я думаю. А ты как, дозвонилась?

– Представь себе, я поговорила с мамой. Меня там уже ищут. Они обратились в милицию, в газеты дали объявление. В общем, переполох. И маму жалко, она так плакала.

Олег недоверчиво посмотрел на Аленку, а затем преувеличенно бодро произнес:

– Ну, и славно, а теперь поехали. Надо как-то развлечь тебя, а то ты совсем скиснешь. Куда бы ты хотела? Выставка художников, музей, зоопарк, кино, а может, просто погуляем? Я вообще-то в душе бродяга, люблю поболтаться по городу просто так, без дела, хотя время-то рабочее, ребята увидят – не поймут.

– Слушай, а давай съездим к школе № 33. Моя мама там училась, вдруг я ее увижу, я бы ее узнала. У нас дома сохранилась фотография, где ее снимали на доску почета. Ей было тогда 10 лет. Поехали а, ведь такая возможность... Я сейчас старше матери на восемь лет, просто невероятно, – она прикоснулась к руке Олега. – Ну, пожалуйста.

– Не знаю, надо ли? Ты увидишь просто маленькую девочку, которая ничего о тебе еще не знает. И ничем не поможет. Что ты хочешь у нее спросить, что хочешь у нее узнать? Если скажешь кто ты, тебе она не поверит. У детей такая участь – они никогда не увидят родителей такими, какими те были в детстве. Только на старых фото. И это правильно. Течение времени не должно нарушаться. А то получается, как в твоем случае... Сплошная неразбериха, мир начинает распадаться, привычный мир. Ты уверена, что твоя психика выдержит такое?

– Да, я просто посмотрю издали – и все.

– Ладно, поехали, – нехотя уступил Олег, – но это дохлый номер. Занятия наверняка уже кончились. Я знаю эту школу, она совсем рядом, пять минут неторопливой езды – и мы на месте. Но все равно, не стоило бы этого делать.

Они сели в машину и неторопливо поехали по улицам ее родного города, таким знакомым с детства и таким чужим и не-

привычным. От плакатов и красных флагов на домах у нее зарябило в глазах.

– Слушай, – неожиданно поинтересовалась Аленка, – почему на улицах так много военных?

– Ну, наш город мирный, а военных здесь не больше, чем везде. Да ты же сама говорила, что отец твой служит на военной базе. Офицеры и солдаты у вас что, не ходят по городу?

Путешественница во времени, поглядывая в окно, ничего не ответила, а затем опять спросила:

– А что за очереди у магазинов?

Почти у каждого магазина действительно стояли цепочки людей, не то чтобы очень большие, но заметные. Все дисциплинированно ждали, тем более, что в канун праздника было что ждать.

– За чем это такая очередь? – настойчиво требовала ответа Алена.

– Да дефицит какой-нибудь дают – мясо или колбасу, или еще что-то. У нас с этим временные проблемы. Но все наладится. В ближайшее время будет принята специальная Продовольственная программа. Да, но ты не думай, с основными продуктами у нас все в порядке.

«Кошмар какой», – подумала девушка, а вслух сказала: «Кстати, о дефиците. Ты знаешь, я ведь появилась здесь без чемодана с вещами. Мы бы не могли заехать в какой-нибудь магазин для женщин. Или с этим у вас тоже проблемы?

– Заедем, как раз около школы хороший магазинчик. Там все есть, что нужно.

Через несколько минут Олег остановил машину у небольшого магазина «Галантерея» и Алена пошла на свой первый в другом времени шопинг. Зайдя в полупустой зал, где стояли рассматривая витрины несколько пожилых женщин, она поискала глазами то, что ей было нужно и, не найдя, спросила у хмурой, одетой в синий халат продавщицы:

– У вас есть «неделька»?

– А что это? – в свою очередь неприветливо поинтересовалась работник прилавка.

– Ну, комплект женского белья на неделю.

– В комплекте нет, – буркнула она, – а по отдельности – пожалуйста. Покупайте семь штук трусиков, вот вам и неделька.

– Так, ясно, а «Carefree»? Мне нужно две упаковки. А то я оказалась здесь без всего – доверительно сказала она женщине. –

Или, может, какой-нибудь заменитель.

Продавщица скорее инстинктивно почувствовала, что девушка подразумевала под непонятным ей словечком и, уже более доброжелательно сказала:

– В аптеке напротив купите медицинскую вату и бинт – вот вам и «Carefree».

– Спасибо, – чуть смущаясь ответила девушка и, расплатившись за простенькую женскую сумку и за белье, которое ей упаковали в плотную серую бумагу, вышла на улицу. «Как все не кстати, – подумала она, – ну, да надо выходить из положения».

– Минутку, – сказала она Олегу, – я только аспирин куплю, а то что-то голова разболелась, – и зашла в аптеку, где и приобрела весь столь необходимый для советской женщины набор.

«Ну, все, сегодня еще где-то надо купить туалетную воду», – подумала она и спросила Олега:

– А как с горячей водой у вас дома? Скоро будет? Или ее не будет никогда, как мяса и колбасы?

– Обещали через три недели. Но ты не волнуйся, мы заедем к моей тетке, той самой, кинозвезде, здесь неподалеку и ты спокойно примешь душ. У нее отличная ванная. Ну, так что, сейчас в школу? Не передумала?

– Не знаю. Ну, раз уж приехали – давай зайдем.

Вскоре они остановились неподалеку от здания школы, построенной совсем недавно. На дворе стояла несвойственная этому толкотному месту тишина. Занятия, видно, закончились и ученики разбрелись по своим домам. Только в конце двора шел какой-то расхристанный двоечник и пинал перед собой по земле портфель. Увидев взрослых, он поднял его и убежал. Алена и Олег вошли в вестибюль. Вахтерша равнодушно посмотрела на них и ни о чем не спросила. Они, как два прилежных школьника на переменке, не торопясь, прогулялись по длинному коридору первого этажа. Неподалеку от учительской молодые люди заметили большой стенд с надписью: «Наши отличники» и девушка, скользнув по нему глазами, увидела то, что искала: фотографию из их семейного альбома, где ее мать, еще десятилетняя девочка в белом переднике и пионерском галстуке, сидела среди еще нескольких мальчишек и девчонок с лицом напряженным и очень серьезным, соответствующим торжественному моменту. Много раз разглядывая эту фотографию, она однажды поняла, что мать не всегда была взрослой и заботливой женщиной, смысл жизни которой состоял в том, чтобы все в доме сверкало, что-

бы все были обуты-одеты, и чтобы в семье царил мир. Что она тоже была маленькой, а когда подросла – бегала на свидание с мальчишками, получала записочки вместо эсэмэсок, и, наверное, думала о том, что когда вырастет, для нее начнется какая-то необыкновенная жизнь, полная веселья, счастья и добра. А что в итоге? Раннее замужество. Переезд из гарнизона в гарнизон, чужие съемные или служебные квартиры, жизнь в ограниченном пространстве воинской части, чаще всего располагавшейся где-нибудь в лесном массиве... Судьба жены офицера-ракетчика. И только несколько лет назад, когда отца перевели в этот город, на родину матери, они зажили немного поспокойнее и поинтереснее. Но мать к тому времени постарела, пообсиделась дома и уже не рвалась, как когда-то, куда-то съездить, куда-то сходить, принять гостей, уехать на курорт вместе с мужем. Жизнь как-то незаметно проскочила в лучшей своей части. И что, что в этой ее жизни, что она получила? Ей уже захотелось пожалеть мать, сказать ей что-то доброе и ласковое, что она обычно произносила только в ее день рождения – но мать была далеко. Та, к которой она привыкла, которую она знала и любила. А эта девочка, серьезно смотревшая с фото, не ее мать, это просто ребенок, и сейчас у нее все в порядке. Пусть растет – ведь впереди у нее я, ее дочь, которую занесло случайно в это время, где все не так, где идет жизнь, которую она не понимает. И сейчас главное вести себя здесь, как в музее, – ничего не трогать, даже пыль, ничего не повредить. А то может получиться как в рассказе Бредбери «Сафари», который она недавно прочла, где человек поехал на охоту в прошлое и нечаянно раздавил там бабочку. А вернувшись в свое время – застал там совсем другую жизнь. Нет, не надо ничего трогать здесь, ничего, и ни во что не вмешиваться. И она тихо пошла к выходу. Олег ни о чем не спрашивая, пошел вслед за ней, думал о чем-то о своем. Может, вспомнил счастливые школьные годы, беззаботную жизнь под защитой отца и матери. А сейчас он сам всем защита: и отцу, и матери, и этой девушке, да и всей стране. Началось его взрослое время.

После школы они съездили к его тетке Лидии, старшей сестре Нелли Николаевны, где Алена, наконец-то, с удовольствием приняла душ.

Там они пробыли дольше, чем предполагали, поскольку первым делом их усадили за стол и начали потчевать всем, что нашлось в доме. По этому случаю тетя Лида даже согнала с дивана хозяина дома – здоровенного сибирского кота, который с

такой злостью зыркнул на гостей своими зелеными глазами, что Олег даже извинился перед ним за причиненные неудобства. Кот, кажется, извинений не принял, с достоинством ушел, запрыгнул на подоконник и там сидел, больше ни разу не взглянув на них и не подавая голоса. И даже когда Олег принес и положил перед ним взятку – кусочек краковской колбасы – он не дрогнул и к колбасе не притронулся.

– Характер, – засмеялся Олег, – не забалуешь!

Тетя Лида оказалась очень веселой и приветливой женщиной. Она была одинока, и чувствовалось, что Олег для нее больше, чем просто родственник. Она так обрадовалась ему, что даже не спросила у него, что это за девушка с ним. И это было очень кстати: не пришлось врать. А у хозяйки появилась возможность пофантазировать на эту тему, тем более, что она давно вдалбливала Олегу мысли о том, что ему пора жениться, а то с его работой он может остаться в холостяках, а потом – женится на какой-нибудь идиотке.

В гостях у тетки Олега гостья из будущего немного успокоилась и даже как будто повеселела. Тем более, что после невероятного разговора с матерью по мобиле она убедилась, что связь с тем, ее миром, возможна. Значит, возможно, и возвращение. Ее мир не пропал, он продолжает существовать, но на тридцать четыре года вперед.

Глава IX

Идти в гости к другу чекиста не слишком хотелось. Да это и понятно. Чем может быть интересно молодой девушке общество стариков, которым в ее времени – она уже подсчитала – если они дожили, конечно, всем за шестьдесят. О чем она и сказала Олегу, но тот ответил: «Но сейчас-то они молоды, полны сил и надежд на то, что впереди у нас прекрасное будущее, хорошая счастливая жизнь.»

– И мы попробуем этого добиться, не для одного кого-то, а для всех, хотя ты мне расписала совсем другое будущее.

Но Аленка его уже не слушала. Она стояла перед зеркалом – юная, стройная в своих фирменных джинсах, и короткой красной блузке, открывавшей ее очаровательный пупок, то есть выглядела так, как выглядит большинство девчонок-студенток ее времени: привлекательной и сексуальной, поскольку секс в 21 веке перестал быть чем-то тщательно скрываемым от посторонних глаз, скорее наоборот. «Ну, старички, держитесь», – подумала она. Только вот как быть с макияжем? Впрочем, без этого вполне можно обойтись, а духи «Черная кошка» вполне заменят «Шанель», тем более, что эти запахи им не знакомы. Аленка так увлеклась собой, что почти совсем перестала думать о том, что ее ждет завтра. То, как вел себя Олег и его начальство с ней, могло означать только одно – все, что им рассказала Алена – для них было каким-то открытием, взрывающим их мировоззрение. И в этом она не сомневалась. Они все действительно искренне думали, что СССР – это навсегда, как и КПСС, что отсутствие демократии в том смысле, как ее понимает остальной мир – вполне нормально. Они создали жесткую систему, и теперь сама система диктовала им все, не допуская никаких отклонений. Да, но мне обо всем этом приказано молчать. И о чем я там буду говорить с юными старичками? А вдруг кто-то еще будет клеиться? Смех, да и только.

– А, – решила она, – буду молчать, – это даже придаст мне некий шарм. Шарм, Шарм-аль-Шейх – вспомнила она любимый курорт русских людей, о котором столько слышала, но побывать еще не успела. Сидоров обещал ее туда свозить в зимние канику-

лы. Интересно, как он? Он уже должен приехать из Хельсинки, где опять затеял свою очередную выставку. В последнем разговоре он опять настаивал на женитьбе и ее переезде в Питер. И она уже практически согласилась. Да и родители, кажется, не против. В конце-концов, он хорошая партия, такого мужа еще поискать. Он крепко стоит на ногах и с ветряными мельницами не сражается. Конечно, он немного прагматичен для творческого человека, но сейчас время такое, время не физиков и не лириков, а время людей, умеющих делать деньги. Из всего. И Сид это умеет. Он продает свой талант и довольно неплохо.

А если меня долго не будет? Сидоров погорюет и женится на другой. И вся жизнь полетит кувырком. Господи, умела бы молиться – помолилась бы. Да научить меня было некому. Неужели все дело в этом маленьком колечке? Да нет, ерунда, жесть, Сидоров так просто сказал, чтобы мне было интересней. Ну, да будем надеяться, что всемогущий КГБ найдет разгадку этой тайны. И меня выпустят отсюда. А пока надо использовать ситуацию и изучать это время. Пригодится в моей будущей профессии.

Олег постучал в дверь комнаты и сказал:

– Пора, Алена, нас ждут к шести вечера. Хотя, там о точности имеют смутное понятие, у этих людей вся жизнь идет по «приблизительному» времени. И если говорят – увидимся в шесть, значит можно придти и в семь, и никто не обидится. Но нам завтра рано вставать и ехать на машине часа четыре, не меньше, так что мы пробудем в гостях недолго. Люди там, действительно, интересные, тебе не будет скучно. Чего-чего, а поговорить они умеют, и песенку споют, и винца попьют.

Аленка ничего не ответила и, еще раз взглянув на себя в зеркало и оставшись довольной тем, что увидела, молча вышла в гостиную. А вскоре они искали дом Сашки, который оказался на самой окраине города, за которой уже начинался сосновый бор. Аленка узнала этот район, застроенный угрюмыми и неряшливыми панельными пятиэтажками. Но сейчас они – еще новенькие и умело подкрашенные, как молодящиеся женщины, выглядели вполне прилично, даже нарядно. И у домов было сравнительно чисто и опрятно. Когда они входили в пахнущий свежей краской подъезд, Аленка, забывшись, спросила Олега:

– Интересно, а сколько сейчас стоит здесь однушка. Если на доллары или евро?

– У нас квартиры дает государство бесплатно, в порядке очереди, по специальным спискам.

– Как бесплатно? – не поняла девушка.

– А у нас сейчас квартирка в этом доме стоит миллиона два, а до кризиса стоила еще больше. Бесплатно, ты шутишь, Олег? У нас тоже дают бесплатно, военным, например, или совсем бедным. Но остальные – покупают!

– А если денег нет?

– Ну, тогда можно взять кредит лет на тридцать.

– Но это же кабала. Всю жизнь работать на оплату крыши над головой. Нет, Алена, у нас лучше, хоть и с колбасой проблема. Все-таки дом – это основа нормальной жизни, в том числе и семейной. А семья, по-моему мнению, ценность непреходящая, на все времена.

Они появились в новой квартире приятеля Олега в самый разгар вечеринки. Несколько молодых парней богемного вида в джинсовых костюмах сидели за столом и попивали какое-то светлое вино, закусывая почему-то рыбными консервами, да еще яблоками, в изобилии и очень живописно рассыпанными по столу, поскольку вазой для фруктов хозяин еще не разжился.

– Ну, наконец-то, присаживайтесь, где нравится. Олег, что-нибудь выпьешь, может водки? – обрадовался их приходу Сашка, сразу вцепившись взглядом в девушку.

– Нет-нет, завтра у меня командировка, очень серьезная, так что я сегодня в посту.

– Алена, а вы? У нас хорошее сухое вино – венгерское, попробуйте.

– Венгерское, никогда не пробовала, – удивилась гостья.

– Что, совсем?

– Ну, мы иногда покупаем итальянские или испанские вина, а венгерские я что-то не встречала. Впрочем, я в этом плохо разбираюсь. Если уж нам захочется чего-нибудь глотнуть после лекций – мы уж лучше пива выпьем, да и дешевле получается. Мне, лично, очень нравится «Карлсберг», только если родной, а не питерский! Хотя родной в два раза дороже, но качество другое, европейское.

– Это что, псевдоним «Жигулевского»?

– Нет, это датское пиво, а вы... да ладно, – Аленка вспомнила, что хотела весь вечер промолчать, чтобы не подводить Олега, а не сдержалась и сразу ввязалась в беседу, прямо с порога. Ну, что делать? Сдержанность ей вообще была несвойственна.

– Ребята, демонстрирую фото будущей королевы подиумов, посетившей нас Алены, – сказал Сашка, достав из папки три больших черно-белых снимка и один цветной. Все сразу сгруди-

лись около хозяина квартиры, передавая снимки друг другу и по выражению лиц было заметно, что впечатление они произвели.

– Да, классно, здорово, ничего не скажешь. Алена здесь просто русская красавица. Главное, ты поймал выражение глаз, – воскликнул Олег. – Эти снимки не грех и в «Огонек» пристроить. В ресторане я был не прав, признаю и каюсь. Даже представить себе не мог, что ты можешь работать так профессионально. Молодец, Сашка, далеко пойдешь, если не остановят.

Алене тоже снимки понравились, но она как-то сразу загрустила, поскольку вспомнила Сида, свой портрет, написанный талантливой рукой, свой мир, откуда ее так безжалостно вытащили и перетащили сюда. Хотя, ребята вокруг, кажется, неплохие.

– Алена, ну, давайте глоток рислинга за ваш успех.

– Ну, что ж, – сказала Алена, взяв в руки фужер с золотистым вином, – за новоселье, чтоб вам было здесь всегда тепло и уютно. И чтобы хозяйка появилась, умная, красивая и добрая.

– Спасибо, этот тост могла произнести только настоящая представительница прекрасной части человечества. Но вы попытались совместить несовместимые вещи. Увы, красота и доброта редко встречаются вместе. Хотя, может и есть где-то такая... Может, это вы, а? – засмеялся Сашка.

Аленка заметила, что две симпатичные гостьи, видимо хорошие знакомые хозяина, недоуменно поглядывали на ее прикид и несколько раз что-то шептали друг другу, явно по ее поводу. Но в этот момент вниманием слегка захмелевшей компании опять завладел фотожурналист, который вытащил откуда-то свежую книжку и, показав ее народу, спросил:

– Ну, все читали?

– А что это?

– Вознесенский, новый сборник «Антимиры», хотя там много старых стихов. И повернувшись к спутнице Олега, спросил:

– А вам, Алена, нравится Вознесенский? Вы что-нибудь читали? Еще три-четыре года назад его имя гремело наравне с Евтушенко и Рождественским.

– Не знаю, я только сегодня полистала его книгу, но стихи я не люблю и не понимаю. Не мое это.

Говоря это, Аленка не кривила душой; в ее сугубо прагматичное время, когда люди озабочены тем, как заработать на квартиру, иномарку, загородный дом, яхту, наконец, ну, это кроме тех, кто зарабатывает просто на хлеб, стихи, да и вообще

романтические настроения ушли куда-то в далекое прошлое и стали чем-то вроде бабушкиного платья, лежащего на дне ящика в платяном шкафу. Пусть лежит, никому не мешает. Но и не нужно никому. В книжных магазинах, куда она иногда заглядывала, сборники стихов ей вообще не попадались, ну, разве что Пушкин с Лермонтовым, любовь к которым в школе ей так и не привили. Да и не особенно старались.

– Мне казалось, вы должны любить стихи. Вы же современный человек...

«Даже слишком», – подумала про себя Алена, а вслух сказала:

– Ну что у него, у этого Вознесенского может нравиться? Я запомнила несколько строчек из его поэмы «Лонжюмо». Думала, это о Франции, а оказалось – о Ленине. Очень романтическая тема.

И процитировала невольно запомнившиеся строчки:

«Школа Ленина, школа мира,
не примазывайтесь к нему...».

Так, а дальше я забыла, это просто невозможно ни запомнить, ни произнести. Это просто лозунг, вот и все, какая же здесь поэзия. Нет уж, с меня хватает и учебников по политологии.

Она опять проговорилась, но, кажется, никто не заметил.

– Алена, но у него есть и другие строчки:

«Леса мои сбросили кроны
Пусты они и грустны,
Как ящики с аккордеонов,
А музыку унесли...»

Очень красиво, неужели вы не понимаете?

Сашка смотрел на Алену так, что все было ясно: она ему понравилась. Да и как она могла не понравиться. Но Алену, дитя своего времени не тронула ни эта серебряная лирика, ни влюбленный Сашкин взгляд, да и вообще разговор о вещах, в которых она мало что понимала, понемногу начал раздражать ее. Но фотожурналист недаром все-таки был профессионалом и вращался в журналистской среде, и, почувствовав настроение потенциальной возлюбленной, сменил тему:

– Ребята, у меня тут случайно завелся западный диск Фрэнка Синатры. У фарцы вчера купил. Конечно, это не Кобзон, но все же, – и он, достав какую-то огромную черную пластинку, поставил ее на такой же старинный проигрыватель, и оттуда полились (а может и не полились, но так говорили, кажется, в старинных романах) звуки любимой песни Аленки «Strangers in the night»

(«Странники в ночи») и ей сразу захотелось танцевать. Олег, который незаметно отслеживал развитие ситуации, решил упредить соперника, подошел к девушке и сказал:

– Я не дам этому типу больше обольщать вас. Вы нужны социалистическому Отечеству, которое, как я понял с ваших слов, в опасности. Так что пойдем, станцуем. А ты, – он повернулся к Сашке, – сиди и завидуй, тем более что у тебя никаких шансов.

– Посмотрим, – усмехнулся Сашка и, не торопясь, выпил фужер вина, закусив его бутербродом, сооруженным из полоски черного хлеба и куска скумбрии в масле. Он забыл, что после такого бутерброда к девушке близко лучше не подходить. Запах рыбы способен убить на месте все самые нежные чувства, особенно если они только еще зарождаются. В общем, флирт и рыба – две вещи несовместимые, как гений и злодейство. А Сашка об этом не догадывался.

Олег и Алена танцевали под замечательную песню американского мафиози и в эту минуту им, честно говоря, ни до кого не было дела. И как Сашка не пытался развести их в разные стороны, привязываясь с разговорами то к нему, то к ней, разговорами с привкусом и запахом скумбрии, они продолжали танцевать до тех пор, пока не кончился диск. Олег танцевал легко и уверенно. Чувствовалась школа – но не школа танцев, а школа КГБ, где, как говорят, учат всему, но молчал при этом как рыба, или как губастая статуя где-нибудь на острове Пасхи: знаю много, но ничего не скажу. В общем, он танцевал молча и смотрел куда-то вверх, как будто боялся перейти грань, за которой уже начиналось не исполнение служебного долга, а обычное желание молодого парня произвести впечатление на понравившуюся ему девушку. Тем более, что Аленка нравилась ему все больше и больше, хотя он этого, может быть, и не осознавал.

Аленка, с детства любившая танцевать, как большинство девочек, обладала той пластичностью, той прирожденной грацией, которая только и может во всей своей красе проявляться в танце, заставила парней, сидевших за столом, на время забыть о выпивке и об умных разговорах о поэзии и политике, поскольку все их рассуждения в конечном-то итоге не стоили и взмаха руки этой неизвестно от куда появившейся в их жизни странной, не от мира сего незнакомки.

Ей было так хорошо в этот момент, что она на какое-то время забыла, где она, что с ней, забыла о своем прошлом и не думала о будущем. Мужественный крепкий парень, которому в ее времени уже далеко за пятьдесят, нежно касался руками ее пле-

ча и талии, и ей хотелось, чтобы все это не заканчивалось скоро. Ей было еще так далеко до понимания скоротечности жизни, которая пролетает у человека неощутимо быстро, и только подойдя к какому-то временному барьеру, он начинает это осознавать. Человек как бы выходит на дуэль со смертью. Они идут друг на друга, два непримиримых врага, как Пушкин с Дантесом, и у них нет никакого выхода – только стрелять. Хотя, знаете, они иногда стреляют в воздух и расходятся. До следующего раза.

Но эти мысли, вряд ли, могли даже придти в голову еще совсем молодой и немного легкомысленной героине.

Она наслаждалась движением своего тела, податливостью партнера,–но краешком глаза, конечно, замечала, как на нее смотрели окружающие...

Когда музыка закончилась, Олег церемонно поблагодарил партнершу и сказал, что должен отлучиться минут на десять и позвонить, а девушка села в слегка продавленное кресло, чтобы немного отдохнуть. Сашка, опытный женский угодник, тут же поднес ей фужер с желтоватым лимонадом с детским названием «Колокольчик». Аленка с удовольствием глотнула этот сладкий до приторности напиток.

– Где-нибудь учились танцам? Какой-нибудь балетный кружок в хорошем Дворце культуры?

– У нас рядом с домом есть хороший «Dancing club», я полгода ходила туда учиться европейским танцам. Мечтала даже попасть на международный конкурс, но, к сожалению, с партнером не повезло. Его, бедного, загребли в армию, да еще в Чечню попал, на границу с Грузией. А когда вернулся с войны, ему стало не до танцев.

– С какой войны? – недоуменно спросил Сашка.

Аленка спохватилась, что опять сказала что-то не то и поправилась.

– Ну, мы так называем службу в армии.

– Слава Богу, мы ни с кем не воюем. Мне кажется, войны вот-вот уйдут в прошлое. Посмотрите, даже американцы из Вьетнама убрались. Такая армия, а не смогла победить в партизанской войне. Но, конечно, если бы не помощь СССР, их бы раздавили.

– Опять ты о политике, Сашка, – вступил в разговор высокий парень, молодой журналист и поэт Михаил.– Ты что, забыл, что Олег теперь чекист, да еще занимается, кажется, политическим сыском, инакомыслящих вычисляет. Ляпнешь что-нибудь не так и загремишь.

– Ну, полно, Олег – парень современный, слава Богу, что сейчас в контору идут такие ребята. Какая-то гарантия, что не повторится тридцать восьмой...

– Не обольщайся, Саня, не будь дубиной и простаком. Олег уже два года как профессионал и человек системы. Там мозги быстро промывают, будь уверен, тем более, что там и промывать-то особо нечего. Он всегда был политически, как бы это поточнее выразить, корректным, что ли. В отличие от нас. Он всегда избегал критики наших порядков, как будто не видит, в какой паутине со старого чердака все мы. После глотка свободы в 60-х, сейчас опять завинчивают гайки. Посмотри-ка, на какой голодной интеллектуальной пайке мы живем. Солженицына из библиотек изъяли, никто не хочет знать правды о том времени. Мы же почти ничего не знаем о жизни на Западе. Если судить по новостям, так там только одни забастовки да марши протеста, ну и еще антисоветские компании.

А посмотри – чем кормят народ? На афишах – сплошные индийские фильмы. Река Ганг нам как родная. Хинди-Русси пхай-пхай. Ничего не имею против Индии – но в таких количествах – это несъедобно. Собственная кинематография вырождается. Единственное, иногда просачиваются польские фильмы. Кстати, вы смотрели «Все на продажу» с Цибульским. Говорят, это его последний фильм.

– Нет, – односложно ответила Аленка, тем более что польских фильмов она вообще никогда не видела и даже не подозревала, что там может производиться еще что-нибудь кроме подделок под знаменитые мировые бренды в области моды и парфюмерии.

– Посмотрите, если будет возможность, – сказал Мишка. – Очень сильный фильм. По-моему, не хуже чем «Пепел и алмаз». Алена и здесь благоразумно промолчала, поскольку об этом фильме она тоже не слышала.

Когда Мишка перешел на тему киноискусства, у Сашки немного отлегло, поскольку он не любил разговоры о политике, считая ее уделом людей идейных, а он – он человек свободной профессии, но у него нет желания сориться с властью. Зачем ему проблемы? Чехи в 68-м вот попробовали и получили сеанс танкотерапии. Тем более, что власть еще и квартиру дала, да и работа у него престижная и денежная. А изменить что-то многие пытались, и где они все, опять замолчали, просто держат фигу в кармане.

В этот момент вернулся Олег. Лицо у него было напряженным и сосредоточенным. Он подошел к своей спутнице и тихо сказал:

– Через полчаса за нами придет машина и нам приказано немедленно выехать в Москву. Так что давай прощаться потихонечку. Да, поешь хоть немного, а то приедешь ночью, где мы там перехватим? Давай-ка по бутерброду с рыбкой.

Алена ничего не ответила. Ей стало грустно. Всегда становится грустно, когда кончается сказка. И карета опять становится тыквой. И парень, который только что танцевал с тобой, опять превращается в контрразведчика, настороженного и малоразговорчивого.

И ей почему-то подумалось, что, наверное, Олега больше не пригласят в эту компанию, раз уж начали опасаться его. И ей почему-то стало его жалко. Не знаю почему...

Глава X

Целый день Сид безуспешно давил на кнопки своего телефона, пытался дозвониться до своей невесты, чтобы сообщить о своем скором возвращении из-за границы. И не то, что бы он уж очень соскучился. Просто не успел, ведь они расстались всего неделю назад.

Кто-то может сказать вполне тривиальную вещь: когда люди любят друг друга, то и один день длится вечность, и счет идет на минуты. И вообще, на взгляд автора, ожидание – это одна из самых изощренных пыток, которая придумана для человечества. Вся жизнь – это ожидание чего-то хорошего, доброго, что непременно должно случиться. У кого-то случается. У кого-то нет.

Но ведь все равно ждешь, надеешься: вот сегодня раздастся тот самый важный звонок, который перевернет жизнь, а завтра встретится человек, который скажет что-то главное – да мало ли какие желания есть у людей.

Сид, который терпеливо прождал целый год, когда же его девушка подрастет, немного, что называется, перегорел. Жизнь молодого художника, который ездит со своей выставкой из одной европейской столицы в другую, скучной не назовешь. Он иногда ловил себя на мысли, что толком сам не понимал, что на него нашло тогда, в Волжске, когда он неожиданно для себя сделал предложение этой молоденькой студентке, которую и не знал толком. Бросился головой в омут. А все потому, что все его попытки жениться, которые он предпринимал с тех пор, как ему стукнуло 26 и его картины стали хорошо продаваться, даже несмотря на кризис, оканчивались ничем. Все было что-то не то. Он еще не до конца понимал, что творчество – особенно живопись – дело одиноких людей, и если рядом появляется женщина, даже любимая, ее удел незавиден: она должна потерять собственное я, иначе ничего не получится. Все развалится – и довольно быстро. Так и получалось до сих пор. Ни одна не задерживалась у него больше, чем на несколько месяцев. Энергия, которая накапливалась от взаимного раздражения с очередной партнершей, была невероятной.

Искрить начинало почти сразу. Может, потому ему так приглянулась эта провинциальная девушка, что он где-то шестым чувством понял: это его шанс. Шанс воспитать себе жену, не избалованную деньгами, мужским вниманием, не ставящей себя всегда звездочкой на небосклоне. Ему давно захотелось завести семью, хотелось, чтобы рядом была умная, понимающая и, конечно, любимая женщина, которая бы в перерывах между приступами восхищения его шедеврами, еще бы иногда что-нибудь и приготовила, и как-нибудь потом, когда будет время, родила ребенка. Эти глубоко несовременные мысли частенько стали приходить в его головушку, которую так любили гладить его многочисленные возлюбленные. И все-таки он считал себя не вполне современным мужчиной. В наше время, когда цена молодости так задрана, как ни на один товар, и все хотят продлить ее каким угодно способом и за любые деньги, когда люди тянут до последнего, чтобы не брать на себя никаких дополнительных обязательств, он искал не партнершу для секса, а действительно женщину, которую бы смог полюбить. Он знал за собой одну дурацкую особенность, наверное, как-то связанную с его профессией: если в одежде, поведении, лице, речи женщины ему показалось что-то такое, что выходило за рамки его понятий о красоте и гармонии – интерес его к такой девушке или женщине быстро пропадал. Одну кандидатку в жены он бросил только за то, что невзлюбил ее косметику. Душные духи, которыми она пользовалась, раздражали его, но сказать он ей об этом не мог – считал невежливым и предпочел просто ее бросить. Это он не считал невежливым.

Другая любила выпить баночку пива перед свиданием с ним, а он не переносил этот запах, ассоциировавшийся у него с дешевой забегаловкой – и там тоже быстро все развалилось. Третья носила какую-то дурацкую шляпку, вместо того, чтобы ходить с распущенными волосами, как он любил. А в Аленке ему сразу и все понравилось, даже ее дурацкие вопросы и полное невежество в области художественного творчества. Господи, какие глаза. Такие синие глаза давно уже не носят в столицах, как первой, так и второй, ну, а в третьей – там, в основном, народ черноглазый.

И самое главное – взгляд у девчонки был очень женственный, согретый изнутри душевным теплом, а не отрепетированный перед зеркалом под руководством более опытной подруги. Он тогда решил не раздумывать, чтобы опять его дурная подкорка не начала указывать ему на ее недостатки – нос слегка вздернут, губы немного припухшие, как у простолюдинки на старин-

ных портретах, жесты хаотичны и неэкономны, что выдавало в ней натуру увлекающуюся. А в речи иногда проскакивали такие словечки... Может быть, при общении с кем-то еще это сразу бы вывело его из себя, но здесь был другой случай. Все, что она говорила, как улыбалась, как смотрела, как сердилась – все казалось ему милым и привлекательным. И он решил, поскольку такое с ним случилось впервые, что это и есть любовь.

В общем, в этот раз он приказал своему внутреннему голосу заткнуться и совершенно правильно сделал. По крайней мере, у него наконец-то, появилась невеста, тем более, что и предложение он сделал впервые в жизни. Даже еще родителям не сказал. Ну, да они и сами не слишком интересовались его взрослой жизнью, посчитав, что свой долг они выполнили: сын получил хорошее образование, от армии его удалось спасти через многочисленные связи, а квартира с мастерской ему досталась от бабушки, человека небедного, к тому же, дворянских кровей. Случайно, видно, по недосмотру НКВД, она уцелела в суровые годы только за счет того, что была крайне замкнутым человеком и занималась экспертными оценками живописных полотен. За длинную жизнь ей удалось собрать очень приличную коллекцию живописи, которую она удачно реализовала в разгар перестройки, выкупила на вырученные деньги у соседей еще две комнаты и, в конце концов, зажила так, как когда-то жили ее предки, даже завела себе горничную. Но, увы, когда тебе перевалило за восемьдесят, каждый новый день – как подарок судьбы. Но у Судьбы кончились для нее подарки – и ее не стало.

Сид оказался наследником и приличной квартиры, и остатков коллекции, которую его предприимчивая бабушка не успела или не захотела реализовать. А когда он разбирал доставшиеся ему вещи, то в небольшом сейфе, встроенном в стену, обнаружил и фамильные драгоценности. И среди них то самое колечко, которое он подарил Аленке, в чудесные качества которого он, конечно, тогда не верил.

И он неожиданно стал независимым и состоятельным человеком, хотя до конца еще не привык к этому. Все-таки воспитывали его в довольно спартанских условиях, денег лишних у него никогда не было, но свои стесненные финансовые обстоятельства родители приучили его переносить с достоинством. И он не собирался расставаться с этим завидным качеством, тем более, что деньги – вещь преходящая, а родители приучили его к мысли о том, что в России, которая на карте похожа на огромную

льдину с неровными краями, плавающую по Северному ледовитому океану, и жить надо, как на льдине. Не крошится, не тает, держится на плаву – хорошо, стала трескаться, ну, что ж, будь готов к эвакуации. В том смысле, чтобы быть готовым к любым неожиданностям, но не к тому, чтобы сдрыснуть из страны. Это, кстати, никому из них и в голову не приходило. Жить вне России – для них значило и не жить вовсе. Так они говорили и своему сыну, когда тот как-то рассказал им, как удачно устроился на Западе его приятель-художник.

Когда Сид первый раз попал на Запад, в благоустроенную скандинавскую страну, он с жадностью набирался впечатлений – все ему было интересно, даже походки людей, идущих по своим делам. Но уже через три-четыре дня он заскучал, ему захотелось домой...

Странно, он раньше почти не знал, да и не любил слушать народные песни, поскольку вся его жизнь шла под музыкальное сопровождение отечественной, а чаще западной попсы. А тут, как-то лежа в гостинице, он, когда искал по радио в мобильнике музыку, внезапно наткнулся на русскую народную песню «Ой, да не вечер, да не вечер...» – и что-то внутри парня дрогнуло, проснулся какой-то давно дремавший русский ген, и у него, молодого ироничного художника заблестели глаза от слез. Самое интересное, что он был совершенно трезв. Это было мимолетное, почти неуловимое состояние души, но возникло оно, может быть, впервые в его жизни.

Он потом много ездил и всегда брал с собой плеер и CD с русскими народным песнями. Удивительно, но на чужбине они и звучали совсем иначе: и каждое слово, даже самое обычное, казалось, имело какой-то сокровенный смысл, открывавшийся ему под протяжные мелодии, созданные столетия назад. Наши старые неизвестные поэты из народа были людьми неспешными и несуетливыми. Некоторые и написали-то за жизнь может быть одно-два стихотворения, под настроение, но полюбились они людям, стали народными песнями и уже не умрут никогда. По крайней мере, пока существует русский народ. А поэты-сочинители, кто их помнит? Да никто, может, разве специалисты по русскому фольклору.

Сид позвонил в гостиничный ресторан и заказал себе легкий ужин прямо в номер. Спускаться в зал ему не хотелось, поскольку пришлось бы опять одеваться в приличную одежду, а он так комфортно себя чувствовал в своем махровом халате и домашних тапках, которые ему подарила одна из кандидаток в жены и которые

он всегда возил с собой. Он завалился на диван в ожидании ужина и опять принялся набирать номер мобильного телефона Алены. Ему надо было кому-то рассказать о своем успехе, о том, что две его картины приобрела известная Европейская художественная галерея и среди этих двух – портрет Алены с таким милым названием «Невеста». Да, а невеста где-то пропадает: может, в эту самую минуту на дискотеке к ней клеится какой-нибудь юный наглец, может дома готовится к семинару. Кто знает? А отсюда не видно... да и ладно, не хватало, чтобы я еще начал ее ревновать, штука эта прилипчивая. Да и фантазия у художника богатая, воображение живо нарисует такие картины, что жизни будешь не рад.

– Ну, что же это такое? Вот захолустье, этот Хельсинки. Из Амстердама он ей звонил почти ежедневно и никаких проблем. В Кельне слышимость была прекрасной. А здесь, второй день – и не пробиться. Так, может, позвонить ее родителям? Неудобно как-то, могут подумать, что я ее проверяю. Это уже совсем глупость.

Сид валялся на диване в обломовской позе скучающего барина, немного чем-то обеспокоенного, но ничего не предпринимающего. Что-то делать еще, кроме как нажимать на кнопки мобилы, сегодня было выше его сил. День выдался волнительный и суетливый, да и капля дворянской крови, доставшаяся ему от бабушки, делала свое черное дело. Посибаритствовать он любил, так лучше думалось и о разных пустяках, и о глобальных проблемах. Собственно, и волноваться-то особенно не из-за чего. Так, небольшой сбой в программе, технические неполадки. Может, на спутнике связи контакты заржавели или мыши завелись... Обидно, досадно – ну, да ладно.

В этот момент в номер постучали. Ну, вот и ужин, – обрадовался проголодавшийся Сид и... ошибся. В дверях показался его финский менеджер Урхо Синисалло, когда-то давно, лет двадцать назад, переехавший из славного Петрозаводска в город, который раньше русские называли Гельсингфорс, а теперь Хельсинки. «Приют убогого чухонца» – как определил эти места некогда А.С. Пушкин – показался ему местом вполне подходящим для удобной жизни. Поселившись в тридцатилетнем возрасте на исторической родине он перепробовал множество профессий, был даже зубным техником – дело, как известно, прибыльное, но достаточно противное для человека, плохо переносящего чужие дурные запахи изо рта – и в конце концов он нашел себя в том, что начал устраивать выставки российских художников в скандинавских странах. Эта свободная профессия пришлась по

вкусу его свободной душе. Дела шли не слишком хорошо – ну, да это не главное. Все-таки по натуре он был больше человеком русским, а для этой русской части его души заработок не считался смыслом жизни. Он сам когда-то неплохо писал маслом и рассчитывал стать знаменитым живописцем, но что делать, Бог не дал ему таланта. И когда он это понял, годам к пятидесяти, занялся тем, что начал продвигать талантливых людей на арт-рынок. Иногда это удавалось. Вот как с Сидом. Они знали друг друга уже лет пять, поэтому все церемонии понемножку исчезли из их взаимоотношений.

– Предупреждать надо, а то я без сюртука, в одном халате – а ты вваливаешься. Мог бы и позвонить, а то все экономишь на звонках, чухонская твоя душа, а разбогатеть не можешь!

– Ну, я не красна девица, не испугаюсь твоих тренировочных штанов. А насчет богатства – сам знаешь – не в деньгах счастье, а в возможности их тратить. Да и не больно-то на вас, русских художниках, разживешься. Смотришь иногда на картины твоих собратьев и возникает ощущение, что они написаны соплями, а не красками. Тебя я не имею в виду. Ты-то как раз красками работаешь. Кстати, я по делу. Тебе придется задержаться еще на день, – ответил финн, оглядываясь в поисках места, куда бы положить шляпу. – Со мной связался некий американец, вчера он был на презентации выставки, хочет приобрести одну из твоих картин. Кажется ему приглянулась твоя «Невеста»: но когда я ему сообщил, что она уже продана, он сказал, что готов приобрести и другую твою работу, но надо повыбирать. В общем, надо поторговаться. Они все ищут на грош пятаков, но этот номер у него не пройдет, если ты поучаствуешь в разговоре. Твоя задача – равнодушно молчать и делать вид, что тебя сделка не очень интересует. Он послезавтра зайдет в мой офис – и мы все решим. Цену я заломил очень приличную, поскольку ты уже художник с именем, а имя стоит дорого, дороже самой картины. Ты, кстати, подумай, что ему предложить.

– Слушай, Ухо, я не могу задерживаться, – Сид сознательно пропускал в его имени букву «р», поскольку при правильном произношении это имя звучало как словечко из блатного жаргона Урка. А финн был вполне дружелюбным и законопослушным человеком, обремененным семьей и молчаливой финской женой. И такая кликуха ему никак не подходила. Ну, разве выпить любил. Но не зря же русские и финны прожили в одном государстве почти двести лет. Кое-чему они у нас научились. А

все остальное постарались забыть и это пошло им на пользу. По их мнению, конечно.

– Почему, что за дела, это же деньги и деньги хорошие, – взбеленился обычно невозмутимый русский финн.

– У меня в России невеста куда-то подевалась, вот лежу на диване и беспокоюсь. Второй день звоню, а толку... Телефон вне зоны обслуживания. Все-таки не зря вы были царской окраиной... так и остались европейским захолустьем. Хотя с виду и не скажешь.

– Да полно, у нас одна из лучших в мире систем связи, не греши против правды. Попробуй еще разок или позвони ее родственникам... Будущей теще, например. Очень полезно, в плане налаживания отношений.

– Ты думаешь? А действительно... Только удобно ли?

– Удобно, – твердо заявил делец от живописи. – No problems.

Сид после такой поддержки почувствовал себя уверенней и, не откладывая, набрал домашний номер Алены в Волжске. Звонил он по этому номеру впервые, поскольку нужды в этом раньше не было никакой, и немного переживал, боялся услышать что-нибудь неприятное. Не любил он неприятности, особенно когда все так хорошо складывается: его выставка прошла успешно и собрала хорошую прессу, картины продаются, невеста – красавица – жизнь улыбается. Остается радоваться ей. Не дай Бог, что-то не так...

К телефону подошел Аленкин отец, Сид сразу узнал его зычный, так называемый командный голос, который военные люди иногда забывают выключать, даже находясь дома. Узнав, кто говорит, и немного помолчав в трубку, видно собираясь с мыслями, полковник-ракетчик тихо сказал:

– А мы надеялись, что она, может, к тебе уехала. Нет ее нигде, обыскались везде. Позавчера пошла в магазин – и не вернулась. Правда, мать говорит, что откуда-то звонила вчера, но несла какую-то чушь несусветную: якобы попала случайно в другое время, кажется в 1975 год. Но главное – что жива-здорова. Не знаем, что и думать, – голос отца девушки дрогнул. – Дурочка ведь совсем еще, не попала ли в какую-то историю.

– В милицию заявили? – торопливо спросил Сид.

– Конечно, вчера еще. Хотя там сказали, что таких случаев – пропасть. Влюбится девчонка, убежит к парню, а через пару дней возвратится. Но она у нас не из той породы. Не так воспитана. И к тебе относится очень хорошо, да и на свадьбу она настроилась. Тут что-то другое. Знать бы что. Извелись мы тут совсем.

– Я через два дня вернусь из Финляндии и подключусь к поискам. У моих родителей хорошие связи и в МВД, и в ФСБ. Кстати, по больницам искали? Может, лежит где-то?

– Да везде прозвонили, даже в психушку, учитывая то, что она говорила о своем местонахождении. Нигде ее нет, пропала – и все тут.

– То, что нет среди умерших и погибших – самое главное. Найдем, не волнуйтесь. А похищения не могло быть? Хотя – на какой выкуп могут рассчитывать похитители? Да... Вряд ли... Ну, ладно, я буду звонить регулярно. В том числе и ей, может, откликнется. Запишите и мой номер.

Закончив разговор с будущим родственником, Сид сел в кресло и в тупую молчал. Что там произошло? Что за загадка? Лишь бы обошлось без трагедии. Черт, жениться не успел, а уже проблемы. Ладно, спокойно. Надеюсь, она не сбежала к другому.

Урхо, который слышал весь разговор, долго молча смотрел на Сида, затем все же спросил:

– И куда она могла деться? Может, нашла себе какого-нибудь местного олигарха... Девушка-то красавица. Хотя, помнишь нашу старинную песенку: «Если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло».

– Слушай, мне не до шуток и не до ваших дурацких песенок. Она хорошо воспитанная девушка, хотя и из провинции, любит родителей, да, и если бы у нее кто-то появился за эти две недели, что мы не виделись, я бы, наверное, почувствовал, мы ведь перезванивались ежедневно. Но звонил, конечно, я, сам понимаешь, это дорого, а откуда у нее деньги?

– Но, – опять повторил он, – я бы все понял. Она девочка искренняя. Сказала бы – да и все, – он говорил все это скорее успокаивая себя, а не пытаясь в чем-то убедить своего собеседника.

В это время в дверь номера опять постучали. Официантка одетая под цвет финского флага, внесла ужин, быстро все расположила на столике и неслышно удалилась, пожелав им приятного аппетита. А может обругала с улыбкой. Говорила-то она по-фински.

– Слушай, Ухо, давай выпьем по рюмочке, а то что-то мне не по себе. Я впервые попадаю в такую переделку. И что делать – ума не приложу?

Он подошел к холодильнику и достал оттуда початую бутылку «Remy Martin», разлил напиток цвета красного дерева по тонким фужерам и они молча выпили.

Сид еще пару минут нехотя ковырял вилкой средиземноморский салат из креветок, а затем, резко отодвинув тарелку так, что она чуть не разбила фужер, решительно сказал:

– Все, к черту американца, я сегодня же улетаю в Питер, а оттуда на машине в Волжск. Не могу. Неопределенность просто задавит меня.

– Не пори горячку. Давай все обдумаем. Будешь ты там или здесь – это ни на что не повлияет. Ваша полиция работает, родители контролируют ситуацию. Кроме того, если она позвонила матери, то не исключено, что позвонит и тебе. Правда, – насмешливо заметил он, – если она в 1975 году – как ей звонить? Мобильников тогда не было, насколько я знаю. У нас в Петрозаводске и с обычными-то телефонами была проблема. Так что она скорее всего где-то в городе и в нашем времени. Не впадай в мистику. Все просто: если звонила с телефона, что ты ей подарил, можно легко вычислить район города, а вычислив район – организовать поиски. Но поверь, я живу вдвое больше тебя на этом свете – все, наверное, просто, очень просто.

Сид быстро взглянул на Урхо и внезапно абсолютно фантастическая мысль пришла ему в голову. А что, если она сказала правду? Говорят, по стране в год пропадают десятки тысяч людей, которых не могут найти. Конечно, в большинстве случаев эти пропажи носят либо бытовой, либо криминальный характер, но ведь есть и необъяснимые. А вдруг здесь что-то такое?

Урхо, хороший психолог, по выражению лица Сида понял, о чем он думает. Он вытащил из какого-то старомодного портсигара тонкую, золотисто-коричневого цвета сигару и закурил. И сразу стал похож на обычного буржуя с плаката прошлого века, какие Сид запомнил, рассматривая в детстве подшивку старинного журнала «Крокодил». Только что цилиндра на нем не было. Да и большого пуза он не нажил, предпочитая, как истинный сын северной страны, занятия спортом и умеренность в еде. Да и готовила его жена Эльза такую еду, что вряд ли он когда-нибудь за всю жизнь просил добавки. Она готовила не еду. Она готовила полезное для здоровья питание. Сид однажды все это попробовал и получил неизгладимое впечатление.

– Я тебе советую сейчас все оставить, как есть. Даже если предположить, что случилась та самая фантастическая вещь, о которой она сказал по мобильнику... Но мы же разумные люди, хоть и выпили. Так что звонила она откуда-то из нашего времени. Вот причина, по которой она удрала из дома, непонятна. А может, замуж за тебя выходить раздумала? Ей сейчас сколько лет?

– Третий день, как 19. Я и звонил вчера, чтобы поздравить.

– А когда вы виделись последний раз, ничего такого не произошло, ну, необычного? Может, с родственниками поссорилась, может, ты сказал что-то не то. Она сейчас в самом обидчивом возрасте.

– Ухо, из тебя следователь, как из меня лошадь. Никакого сходства. Уймись, дай подумать.

– Ну, думай, думай, может, что и выдумаешь. А хороший заработок терять не стоит. Кстати, и мой заработок, – немного обиженно добавил он и замолчал, продолжая покуривать крепкую кубинскую сигару, скатанную на бедре какой-нибудь красавицы-мулатки, затем встал, походил по комнате и внезапно спросил:

– Слушай, а что это за год 1975-й, что тогда было в СССР, ты что-нибудь знаешь? Я хоть и жил в то время в стране победившего социализма, но как-то у меня в памяти все стерлось. Помню только Леонида Ильича. Он, кстати, в нашем городе подписал с Западом Хельсинское соглашение. Ты хоть знаешь?

– Что я могу знать, меня тогда еще не было, да и какое это все имеет отношение к тому, что произошло?

– Кто знает, кто знает. Если уж выбирать как вариант, мистическую версию, хорошо бы знать, какие события тогда происходили. Может, что-то глобальное, или, точнее, глобалистское, что могло повлиять на течение времени. Вроде, как бросили камень в спокойно текущую воду. В одном месте – круги, а в другом все как обычно. А она попала в центр круга, – улыбнулся финн. И подумав немного, предложил:

– Давай-ка сделаем вот что. Все равно завтра день пустой, а переговоры – послезавтра – в 10 утра. В 13-00 ты уже летишь в Питер. А завтра зайдем в Публичную библиотеку, у нас есть подшивки ваших газет и журналов за тот год, полистаем, просто попробуем понять, как тогда люди жили. Ты же копируешь иногда на заказ старых мастеров, считай, что ты сделаешь то же самое, только скопируешь эпоху. Поймем, что тогда происходило. Может, найдем хоть какую-то зацепку. Но даже если не найдем – просто узнаем что-то новое о старом времени. Тоже полезно, пригодится. В живописи, как в хорошем хозяйстве, всё идёт в дело, согласен?

– Глупости ты говоришь, – Сид ходил по номеру беспрерывно и никак не мог сбить чувство беспокойства и раздражения. Ему уже хотелось остаться одному, спокойно обо всем подумать

и, чтобы отвязаться от финна, он, после некоторого раздумья, сказал:

– Ладно, заезжай за мной завтра в 10 утра. Все равно делать нечего, только разве предаться греху пьянства. Но это я могу сделать и дома. Съездим, поизучаем, что же это за год такой, в который попадают наши невесты.

– О'кей, завтра в десять я у тебя. У меня туда пропуск есть, я там частый гость, читаю старые монографии по искусству.

– Кстати, может, посмотреть все то же по Интернету? Наверняка, там можно все найти.

– Нет уж, чтобы почувствовать эпоху, надо полистать подшивки, поверь, я занимался когда-то историей и знаю, что такое запах эпохи. Да не дергайся ты. Все будет о'кей. А посидеть в библиотеке – нет благороднее занятия. Ну, good bye, my friend, – попрощался Урхо и неторопливо вышел из номера. Почему неторопливо? Да они вообще никогда и никуда не торопятся.

– Bye, bye, – вслед ему ответил Сид и, проводив приятеля, опять принял любимую позу русского человека, находящегося в раздумьях: лег на диван, предварительно опрокинув еще фужер «Remy Martin». И надо сказать, после этого версия о том, что можно, выскочив из дома на десять минут, попасть в другую эпоху, так, запросто, как перепрыгнуть через лужу, уже не показалась ему такой нереальной. И с каждым новым выпитым глотком благородного коньяка уверенность в том, что невеста не бросила его, а затерялась в коридорах времени, и он ее должен как-то отыскать и вызволить оттуда, только крепла. И версия, что она влюбилась в кого-то еще и поэтому исчезла из дома, показалась ему более фантастической, чем любая другая. И когда он увидел дно бутылки – ему уже было все ясно: Аленка попала в какой-то временной лифт и нажала случайно кнопку «1975-й год». Вот только где она этот лифт отыскала и почему именно этот год? – вопрос. – Но я его решу, – сказал он сам себе и заснул, как младенец в колыбельке, тем более что успокаивать его было больше некому. Да и незачем. «Remy Martin» спел ему самую настоящую колыбельную и убаюкал, как заботливая нянька.

Глава XI

Урхо, как истинный финн, отличался неторопливостью, и в Публичную библиотеку они попали уже после 12 часов, поскольку ему пришлось еще потратить уйму времени на то, чтобы уговорить Сида сдвинуться с места, тем более, что именно сегодня у того возникло стойкое отвращение к чтению вообще, и старинных газет и журналов, да еще советской эпохи, в частности. Он спросонья нёс очевидную околесицу о том, что он дитя современной демократической эпохи и не любит, и не намерен тратить драгоценные минуты жизни, хотя и омраченные лёгким похмельем, на всякую ерунду.

Но финн был не только медлителен, но и настойчив до такой степени занудства, что Сид после получасового диалога глухого с немым, сдался, сказав:

– Черт с тобой, поехали. Только ненадолго. Кстати, посмотреть прессу того времени можно и по сети. Все это пустое. И главное – тебе-то что до всего этого, не пойму. Поиски моей невесты – это моя проблема. А твое дело – поиск потенциальных покупателей моих шедевров. Вот и ищи.

– Это завтра. Клиент – завтра. И поверь – он заплатит, как надо. Тем более, что ты собираешься жениться, а свадьба – дело дорогое. Поехали. А по Интернету искать неинтересно, мертвые картинки без аромата эпохи. Там мы увидим живой материал.

Они сели в машину и через десять минут, миновав несколько вполне питерских улочек – не зря финская столица долгое время была военно-морской базой России – подъехали к публичной библиотеке. Как ни странно, народу там оказалось много, чему русский художник немало удивился. Поскольку, по его мнению, финны, в основном, проводили время в заботах о своем драгоценном здоровье. Да раз в неделю потели в сауне, прикладываясь тайком от жены к спрятанной в поленнице бутылке с водкой. А потом ругали русских за слишком высокие цены за газ.

А еще через час Урхо с интересом листал подшивку органа ЦК КПСС газеты «Правда» за 1975 год, а Сид – журнал «Огонек» за тот же период. Как ни странно, журнал ему понравился обилием цветных репродукций картин знаменитых художников – от

Боровиковского и Левитана до мастеров итальянского Возрождения. Чего там не было, так это Кандинского и Малевича. Эти ребята, знаменитые на весь мир, советским читателям журнала были явно не интересны. Сид с удовольствием рассматривал репродукции и незаметно увлекся, тем более, что некоторые картины он видел впервые, особенно советских художников с их соцартом: мужественные воины-победители в Отечественной войне, веселые сталевары и монтажники там соседствовали с пронзительными русскими пейзажами, которые слегка портили трактора на горизонте или летящие в небе самолеты.

«Интересно, – подумал про себя Сид, – оказывается, были и тогда приличные живописцы, удивительно. Идейный пресс, конечно, ощущается в деталях, но сейчас это уже история. Далекая история. И детали, в те времена явно лишние, сейчас, вроде, как и к месту. Сразу можно определить, что это написано в двадцатом веке, а не раньше или позже».

Он взял очередной журнал за декабрь 1975 года и стал листать в поисках очередной порции репродукций, и, найдя их, начал подолгу рассматривать, делая пометки в своей записной книжке, где хранятся понравившиеся ему картины. И дал себе слово поездить по провинциальным картинным галереям, где, оказывается, находятся эти сокровища.

«Ну, все, – подумал он. Это последний журнал, хватит. Обычная жизнь того времени – что-то строят, что-то обсуждают, куда-то ездят. И многозвездный герой – Леонид Ильич – глядит с каждой обложки вместо красивых актрис или фотомоделей. Что я здесь мог вообще найти? Совсем поплохел Сид, да и «Remy Martin» в таких количествах отнюдь не безвреден. Башка трещит также, как после паленой водки из поганого ларька». Он перевернул последнюю страницу, мельком взглянув на заднюю обложку журнала и... застыл, тупо глядя на цветной портрет Аленки: это была она, никаких сомнений. Да если бы они и были, это все равно была она.

И подпись под фотографией удостоверяла: Аленка. И все. Больше никаких подробностей. Только имя автора: А. Гаврилов, г. Волжск.

– Ухо, подойди, – тихо позвал приятеля Сид, – подойди, взгляни, я ее кажется нашел...

– Что нашел? – не понял финн.

– Ее фото нашел. В журнале «Огонек» за октябрь 1975 года. На последней странице.

Урхо подошел к Сиду, долго рассматривал фотографию и, с сомнением покачав головой, сказал:

– Теперь я понимаю, почему ты так волнуешься. Такая красавица. Здесь она даже лучше, чем на твоем портрете. Веселее как-то. Но боюсь, этой Аленке сейчас далеко за пятьдесят. Бабушка уже, наверное, внучкам сопли вытирает, а мужу готовит овощи на пару и геркулес по утрам. И этот муж явно не ты.

– Что же это, а? – не унимался Сид, которого не убедили слова его менеджера. – И снимок сделан в ее родном городе. Значит...

– Да ничего это не значит, Сид. Просто похожая девушка, вот и все. Совпадение. Ты хотел найти что-то похожее, вот и нашел. Хоть это явно не она.

Но Сид его уже не слушал:

– Если это она, то она значит, действительно там была. В той эпохе. И оставила свой след. И по этому следу я смогу добраться до нее. И доберусь.

Урхо решил не отнимать иллюзию у партнера, и заметил:

– Ну, если ты так уверен... А вообще-то это невероятно. Но тогда тебе надо ехать в Волжск и отыскать там этого А. Гаврилова. Если он жив, конечно. И у тебя появится ниточка. Твоя юная Ариадна оставила тебе эту ниточку.

– Ты не Ухо, ты Голова с ухом. Я так и сделаю. Вдруг повезет? Спасибо, старик, что выдернул меня сюда. Так, как бы нам сделать копию журнала? Это возможно? Она мне нужна, как доказательство, а то ведь меня примут за сумасшедшего.

– Нет ничего проще. Тридцать евро – и все дела. Давай, я скорее договорюсь, чем ты со своим петербуржским английским. Тебя здесь плохо понимают, когда ты пытаешься выдать себя за обычного европейца.

Урхо куда-то сходил и вскоре пришел с флэшкой, на которой был весь журнал.

– Ну, все, миссия оказалась выполнима. Я поехал домой, а ты думай. Завтра в десять у нас с тобой переговоры, а затем – лети в свой Волжск. Но уже с хорошими деньгами. Правда, от нас в этот город рейсов нет. И не скоро будут, – засмеялся он. – Нам туда не надо.

– Да знаю. Маршрут я уже отработал. Спасибо, Китос. Век не забуду, и прибавлю комиссионные.

– Не шути так.

– Не буду!

Глава XII

Боинг оказался хорошим самолетом в том смысле, что он не упал где-нибудь в лесу или в поле, а благополучно приземлился на питерском аэродроме. Западные люди, которые временно населяли это американское чудо, похлопали летчикам на прощание, как за хорошо сыгранный спектакль, где они все немного попереживали, но концовка оказалась счастливой. Сид, кстати, тоже. Он, вообще-то, не любил летать. С детства он боялся высоты и даже находясь на балконе отчего дома на третьем этаже, чувствовал дискомфорт и у него начинала кружиться голова. А здесь внизу – десять тысяч метров и люди на этом расстоянии уже неразличимы. И если что... Но об этом он предпочитал не думать. Впрочем, похожие чувства испытывают почти все, кто садится в самолет. И чувство облегчения, которое ощущают люди после того, как самолет приземлится, сравнимо разве что с ощущением того, что опасность миновала. Или с чувством освобождения, которое одолевает мужчину или женщину после добросовестно исполненного супружеского долга.

Выйдя из здания аэровокзала в холодное промозглое утро, он сел в такси и поехал домой на улицу Марата, но по дороге передумал и решил заехать к родителям посоветоваться. Да, в этой ситуации ему нужен был совет, хотя обычно такой потребности он не ощущал. Сам справлялся. Его отец, известный в городе хирург, академик, мог что-то подсказать в этой непростой ситуации. Да и связи у него были обширные, причем в самых различных ведомствах, поскольку болеть ухитряются не только обычные обыватели, но и те, кого судьба временно поставила над всеми. Эти люди, как правило, держали дистанцию, и приблизиться к ним было непросто. Даже в физическом плане, поскольку вокруг них всегда крутились референты, порученцы, охрана, наконец. Правда, потом, когда большие люди старели и выходили в отставку, то из недоступных и очень занятых особ быстро превращались в обыкновенных пенсионеров, которые были рады и случайной встрече со знакомыми, и дружескому слову.

Отец абсолютно равнодушно выслушал историю с Аленкой и прямо́ спросил:

– Ты что, действительно решил жениться на провинциальной девочке? Да тебе через неделю станет скучно с ней. Она не нашего круга, ты же понимаешь. С женой ведь иногда хочется и поговорить. Испортишь жизнь сначала себе, потом ей. Да и этот случай. Скорее всего, она завтра-послезавтра найдется, если, не дай Бог, не произошло какой-нибудь трагедии, и где-нибудь объявится. И с кем она была, что у нее за души дурацкие порывы? Ты же ничего о ней толком не знаешь. Три-четыре встречи за год, в общем, роман по телефону. А фотографии в старом «Огоньке» – это просто совпадение. Забавное – но совпадение и больше ничего. Ты же понимаешь, я каждый день соприкасаюсь с тайной жизни и смерти, – он подошел к своему взрослому сыну и как-то неожиданно погладил его по голове, как в детстве. – От крохотного комочка плоти внутри нас зависит все... Мы устроены очень сложно, непостижимо сложно, но с большим запасом прочности. Инженер, который нас конструировал, был гениален и большой выдумщик. И я восхищаюсь им. Но эта наша сложность – ничто против простой дубины или ножа, или пистолета. Или убийственного слова. Такие тоже есть. Конструктор не думал, что люди будут дубасить друг друга, круша черепа, ломая конечности и срубая головы. Я вытаскивал людей, многих людей, ты знаешь, с того света. Даже не без интереса слушал их рассказы об ощущениях и видениях во время клинической смерти, хотя никогда им не верил. Но я не знаю, как вытаскивать людей из другого времени. И никто не знает, тем более, что это все фантазии. А из мира фантазий может вытащить только психиатр. Да и то не всегда. Так что успокойся, позванивай ее родителям, съезди туда, в конце концов, если у тебя есть еще такой реликт, как совесть, и она тебя мучает... И не пропадай, звони.

– Но ты хоть поможешь, если понадобится, у тебя такие связи... Ведь искать ее надо, но ты знаешь нашу милицию...

– Конечно, сынок, не сомневайся. Я завтра с утра позвоню знакомому генералу МВД из Центрального аппарата. Я его оперировал, и с тех пор мы иногда играем с ним в бильярд, когда он бывает в Питере, так что право на один звонок у меня есть. Но только на один. Но я уверен, она найдется и так...

Отец еще некоторое время рассматривал фото Аленки, а затем, усмехнувшись, и как будто что-то вспомнив, проговорил:

– Да, хороша...

Сиду было немного не по себе и ему почему-то впервые за несколько лет не захотелось уходить из отчего дома, тем более,

что мать пригласила остаться и поужинать вместе, как когда-то, когда они жили одной семьей. Сид заметил, как мать обрадовалась тому, что он остался и сразу пошла готовить его любимые пельмени, а отец, достав из старого дубового шкафа бутылку французского коньяка двадцатилетней выдержки, предложил немного выпить, что с ним бывало крайне редко. Отцу было уже под шестьдесят, но выглядел он подтянутым и стройным с благородной сединой на висках. И когда он где-то появлялся, высокий, хорошо, по моде одетый, безупречно выбритый, то привлекал к себе внимание не только ровесниц, но и женщин, которые годились ему в дочери, а то и внучки. Мать к этому давно привыкла и давно уже не реагировала на такие вещи, даже в тайне как будто гордилась, что у нее такой муж. Сама она тоже боролась с проклятой старостью с помощью лучших косметических фирм, но что делать – у женщин старость наступает раньше и протекает тяжелее. Природа как бы говорит: «Ты выполнила свою главную биологическую функцию, для которой тебе давалась красота и свежесть – нашла себе партнера и родила и воспитала детей, а теперь, когда дети давно выросли – красота тебе ни к чему, она только будет отвлекать от помощи внукам. Автор, конечно, не может поручиться, что Природа думает именно так, но ему кажется, что за нее говорят ее дела.

– Ну, а как твоя поездка? – больше для проформы, чем ради интереса, спросил отец. Творческие успехи сына его не волновали, поскольку он не считал его профессию чем-то серьезным и стоящим, но и никогда не препятствовал желанию сына стать художником. Чем бы дитя не тешилось...

– Я провел за год четыре выставки, одна в Москве, три за границей. Последняя – в Хельсинки. Везде получил хорошую прессу. Несколько картинок продал. Кстати, и портрет Алены, с которого все и началось. Мне заказал американец еще один ее портрет, так сказать, авторскую копию. Так что я неплохо заработал. Как с невестой разберусь, начну работать над несколькими копиями Ван-Дейка. Это тоже на заказ, хотя, честно говоря, не мое это. Не люблю повторять чужое, но что делать, деньги нужны, а копирование дает неплохие башли.

– А какие работы еще купили, кроме портрета.

– Да знаешь, я тут похулиганил, написал натюрморт под названием «Килька пряного посола». В общем, газета на столе, открытая банка килек и рюмка водки. Вот и все. И кто-то купил, наверное, я думаю, какой-то пожилой выходец из СССР.

Ностальгия замучила. А написал я ее по твоим воспоминаниям, ты сам рассказывал, как вы по молодости пировали на газете «Правда» и пили «Столичную» под кильку с хлебом.

Отец заулыбался:

– Ну, вот, видишь, и мои воспоминания в дело пошли. Сделай-ка и мне копию этой картинки, повешу у себя в кабинете, как напоминание о студенческой юности.

– Конечно. Через пару недель заскочу, привезу, думаю, что успею за это время.

Отец, видно расслабившись от приятных воспоминаний, внезапно спросил:

– Слушай-ка, а перед этим исчезновением ничего странного ты не заметил?

– Нет. Хотя ты знаешь, последний день вертится у меня в голове, как карусель, одна и та же мысль. Я ей, в знак того, что мы помолвлены, подарил кольцо, ну, то самое, что передавалось по наследству по бабушкиной линии, с изумрудом. В детстве бабушка мне рассказывала сказку об этом кольце, что оно обладает какой-то невероятной силой. Глупость, конечно, я понимаю. Бабушка, кстати, предупреждала, что кольцо ни в коем случае нельзя носить изумрудом вниз, иначе может что-то произойти, что-то сверхъестественное. Но я уже и не помню, что, да и бабушка была выдумщицей. Ты же помнишь, она постоянно жила в мире фантазий и иллюзий. Хотя и была на удивление практичным человеком.

Отец как-то странно взглянул на Сида и затем задумчиво сказал:

– Знаешь, теща моя, а твоя бабушка, как-то за рюмочкой мартини, который я ей иногда доставал в валютном магазине, рассказывала, что она с помощью этого кольца избежала ареста в 38-м году. Я думал, что она, может быть, откупилась от чекистов с его помощью. Не знаю. В общем-то, я ей не поверил. Да и она рассказывала это все со смехом. Хотя... ну, не знаю. Я – человек православный, и в такую чертовщину не верю. В общем-то, когда к ней пришли с обыском, она повернула колечко камнем вниз – и чекисты ничего не нашли. Кстати, и колечко не отобрали.

Ты поищи в ее библиотеке, может, найдешь, старые записи, вдруг там есть какое-то объяснение. Ты не выбросил ее бумаги?

– Ну что ты. Все в ящике, как и было. Но я, честно говоря, ничего не разобрал. Сначала было как-то не по себе копаться в бу-

магах скончавшегося человека, а потом все не до того было, я много работаю, да и вообще жизнь какая-то сумасшедшая, да иногда и отвлечься хочется, ну, ты сам знаешь. Тоже ведь когда-то был не ангел, догадываюсь, скольким женщинам ты задурил головы.

– Это, брат, семейная тайна. Ну ладно, давай спать, а то мы рассказываем друг другу сказки и сами начинаем в них верить.

Утром Сид поехал к себе на улицу Марата еще до того, как родители проснулись. Было типичное питерско-лондонское утро – туман, смог, когай, хмарь – в общем, как ни назови, а ничего хорошего. И настроение было подстать погоде. В такую погоду хорошо лениться, лежать, тупо уставившись в потолок или в название журнальчика, или побродить взглядом по кладбищу книг, в которое превратилась домашняя библиотека и читать, как эпитафии, заголовки романов и фамилии давно усопших авторов, или думать о всякой чепухе, или о своей загубленной жизни, или о том, какую душевную травму тебе нанесли однажды на работе, поинтересовавшись причиной опоздания. «Сволочи вы все», – хочется запоздало, спустя восемь лет после того случая, сказать тем, кто придрался к твоему получасовому опозданию. Но через какое-то время все равно придется как-то встряхнуться, хотя бы для того, чтобы сварить себе кофе, или хотя бы сосиску, чтобы съесть ее с позавчерашним зачерствевшим хлебом, который уже не жуется, а грызется. С Сидом именно так все обычно и происходило. Но после кофе и сосиски он почувствовал себя лучше и подумал, что отец, несмотря на некоторую ограниченность своего мышления, все же где-то прав: не посмотреть ли бабушкины бумаги. Говорят, раньше женщины и девушки любили вести дневники.

Но нет, узнавать бабушкины тайны было выше его сил, представить ее не бабушкой, а в каком-то другом обличии он просто не мог. Он боялся за свою хрупкую психику творческого человека. Вдруг там что-то такое, что разрушит привычный образ. Нет, только не это. Поэтому, он решил поискать что-то вроде мемуаров. Бабушка последние годы, кажется, что-то записывала о своей прошлой жизни. Но он, молодой и беспечный, никогда этим не интересовался. А сейчас – пора настала. Может, где-то там есть разгадка. Хотя в душе он, конечно, понимал, что все это он делает для самоуспокоения, не более того. Да и надо было чем-то занять себя.

Перед тем, как начать разборку бумаг, Сид еще раз позвонил в Волжск и, узнав, что новостей нет, попытался успокоить родителей девушки, сказав, что завтра подъедет сам и через отца подключит к поиску Алены все возможные силы.

Глава XIII

К удивлению Сида, бумаг было немного. Какие-то старые квитанции об оплате счетов, ордер на вселение в эту квартиру, письма от деда с фронта – их он бережно отложил в сторону – пусть их прочитают уже его дети, если, конечно, они будут. Несколько почетных грамот с профилями Ленина и Сталина, старый табель успеваемости с оценками, где вместо цифр стояли «хор.», «уд.», «отл.», в общем, почти как в студенческой зачетке. Потом он увидел еще одну грамоту с царским гербом, выданную воспитаннице Смольного института благородных девиц Запрудской Ольге. «Кто это?» – подумал Сид. Видимо, прабабушка, или какая-то знакомая семьи.

Никаких дневников он не нашел, и только на самом дне он увидел тонкую ученическую тетрадку в линейку, где аккуратным девическим почерком было исписано несколько страниц, а в середине он обнаружил старинную пожелтевшую бумажку с каким-то гербом, под которым карандашом была надпись: «фамильный герб князей Запрудских».

– Ого, – подумал Сид, – не исключено, что мы, стало быть, княжеских кровей. Полный прикол, как говорит Аленка. И где же это мое княжество? И дальше он, среди рецептов рябиновой настойки, крыжовенного варенья и еще какой-то чепухи, кажется, нашел, что искал: короткое обращение к себе. Бабушка о нем никогда не говорила, видимо в расчете на то, что внук найдет это послание из прошлого, когда в нем будет нужда. А может просто когда-то написала, под настроение, да и забыла. Все-таки она была старым человеком.

«Иван. У нашей семьи есть небольшая тайна. Посмотрев на этот герб, ты все поймешь. Но главная тайна – это кольцо. Оно спасло мне жизнь. Оно доброе. Но носить его надо правильно, изумруд должен быть вверху, а не внизу. Иначе тот, кто его носит, может столкнуться с чем-то непонятным. Так мне рассказывала в детстве еще моя бабушка. Я не знаю, как этого избежать. Может, просто никогда не надевать его. Я же вер....» Далее лист был оторван и как Сид его не искал, не мог найти. Бабушка, вид-

но, знала разгадку тайны, но почему-то решила не посвящать в ее внука.

– Ну что ж, – подумал Сид. Зацепка есть. Хотя и фантастическая, но, как я понимаю, в этой ситуации имеют право на жизнь любые предположения.

Сид так увлекся разборкой архива, что провел целый день дома, а ночью долго ворочался в своей кровати, похожей на небольшую вертолетную площадку, но сон все время пролетал мимо и никак не хотел приземлиться в этой точке. Чтобы как-то отвлечься, он поискал лентяйку и, включив TV, начал перескакивать с канала на канал, не задерживаясь подолгу нигде. Почти по всем программам либо что-нибудь расследовали, либо за кем-то гнались полицейские или милиция, кого-то допрашивали, кто-то маялся в камере, и, главное, почти везде стреляли, стреляли, стреляли, не жалея ни холостых патронов, ни персонажей.

– Вот он, нынешний 38-й год, эпоха массовых репрессий, только, слава Богу, не реальных, а виртуальных. Нам всем как будто внушают мысль, что убийство – это обычная вещь, нас приучают не ужасаться этому самому страшному, что бывает в жизни. Конечно, смерть – это часть жизни, но насильственная смерть – это совсем другое. Это противоестественно. Человек, созданный по образу и подобию не может быть убийцей по природе своей. А с другой стороны – как только на Земле появились первые несколько человек – так и началось. Первое убийство в истории человечества – Каин убил Авеля за какую-то ерунду, за миску супчика. Какой-то внутренний запрет был нарушен, и вся история человечества оказалась замешана на крови.

Эти достаточно неновые мысли сновали в его бессонной голове, не давая сосредоточиться на главном – как, и где искать Аленку. А тут еще новостной блок добавил: кризис, кризис, дно его еще не нащупали наши ноги, сто миллиардов туда, триста – сюда, Америка, Двадцатка, наши предложения учтены, все затянется лет на пятьдесят, человечество вошло в эпоху глобальной экономической катастрофы, за которой будет всеобщая деградация, исчерпан потенциал развития человечества, назад, к мелкому сельхозпроизводству, нас спасет новая валюта...

В общем, сплошная скука и паника, с ударением на последней букве, как говорила его бабушка, когда высказывалась по политическим вопросам. В конце концов, щелкая лентяйкой, он набрел на какую-то новинку советского кинематографа 30-х го-

дов. Правда, застал только концовку. Какой-то странно одетый бритый дядька с очень позитивным лицом, призывал гостей, собравшихся, судя по всему, на свадьбу героя и героини, тоже с позитивными лицами, беречь, как зеницу ока, социалистические завоевания. А когда он закончил, все захлопали в ладоши, и хлопали очень долго, после чего зазвучала песня с мощной энергетикой:

«Блестя огнем, сверкая блеском стали
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин
И первый маршал в бой нас поведет».

Сид впервые в жизни слышал и эту песню, и речь этого киногероя. Для него, человека другой эпохи, этот фильм – всего лишь исторический памятник, сродни Пирамидам и Парфенону, но что-то все-таки в этой пропагандистской вещице его цепляло. Он не понимал что – скорее всего, обаяние актеров, умевших даже лозунги произносить с человеческими интонациями. А может, та уверенность в себе, в своей правоте, которые излучали герои. «А что, разве я не уверен в себе? Разве мои друзья, наше поколение не уверено в себе?» Но кто-то внутри него твердил: «Вы верите только в рубль, да и в тот не верите, скорее уж в доллар, или евро. Вот эта вера в вас крепка».

– Ну, к черту, – Сид мотнул головой, прогоняя от себя дурацкие мысли, навеянные старинной агиткой. Но странно, он как-то внутренне успокоился и начал понемножку засыпать, подумав напоследок: «Речи-то вы произносите умные, а защитить свои завоевания от самих же себя не смогли. Историю не перехитришь. А интересно, кто был тот первый маршал». Он переключился на американский боевик с традиционным негром-полицейским и... заснул.

...Сид внезапно открыл глаза и увидел ослепительно белый потолок и лампочку в зарешеченном абажуре, светившую тусклым сиротским светом. Серое, ворсистое одеяло сползло на пол, и ногам было холодно. Ему захотелось в туалет, который оказался здесь же, почти рядом с кроватью, но без загораживающих стенок.

– Вот так дела, – подумал Сид, – где это я, что со мной. Похоже на тюремную камеру.

В это время заскрипела дверь, и в помещение вошел здоровенный негр, одетый в форму советского сотрудника НКВД 30-х годов и зычно крикнул:

– Сид Сидорофф, на допрос.

Сид встал и, ни слова не говоря, пошел вперед, а негр-энкэвэдвшник шел за ним следом, держа наготове здоровенный кольт, готовый всадить в него пулю в любой момент.

Они прошли в какую-то комнату, где под портретом Барака Обамы в форме генералиссимуса и со звездой Героя на груди сидел молодой сотрудник, но уже белый, одетый в белый костюм, причем на голове у него была стэтсоновская шляпа, которую очень любят в Техасе, да и вообще в Америке. Сотрудник достал откуда-то пачку «Беломорканала» производства госфабрики № 1 имени героя революции Филиппа Мориса и протянул одну папироску Сиду.

– Кури, Сид, а то когда еще придется.

– Thank you, я не курю.

– Ну, тогда к делу. Ты должен рассказать, из каких побуждений, находясь вчера на международной выставке искусства социалистического реализма, ты допустил политически нездоровые высказывания в адрес нашего уважаемого и любимого вождя и генералиссимуса товарища сэра Барака Обамы. С какой целью ты проник на территорию Союза Советских Социалистических Штатов Америки и занимаешься здесь пропагандой чуждого нам образа жизни, выступая против узаконенного секса, законного насилия, и других юридических норм, связанных с нашим правом на бомбежки других стран, на распространение великого американского учения во всем мире?

– А у вас есть первый маршал? – спросил в свою очередь Сид.

– Есть, но имя его ты никогда не узнаешь. Это главная охраняемая тайна всех масонов мира. Так ты признаешь свою вину? Если не признаешь, я брошу тебя в камеру к талибам, которые живо сделают из тебя покорную девочку. Насидишься у меня на базе «Гуантанамо» на братской Кубе.

Сид, всегда имевший правильную ориентацию в смысле секса, ответил:

– Конечно, признаю. Что подписать, и что мне за это будет? Расстрел, пожизненное, а может, подписка о невыезде?

– Тройка, в которую входит Шериф, руководитель местного отделения демократической партии СССША и представитель

общественности решат, что с тобой делать. Скорее всего, приговорят тебя к пожизненному...

– Ну, это слишком за какую-то чепуху...

– Ты не дослушал. К пожизненному невъезду в СССША.

– Да и черт с вами, не очень-то и нужно, в гробу я видел ваши СССША. Живите, как хотите, мне-то что, я вообще к политике не имею отношения. Бред какой-то!

– Бред, всего лишь отражение жизни. А попадание твоей невесты в другое время – не бред? Какие-то детские сказки с кольцом, поворотом камня... Ищи ее среди реальных людей – строго сказал американец.

– Да пропадите вы, еще учить меня вздумали, я же понимаю, что это все мне снится.

– Точно, снится, – сказал человек в штатском и исчез.

А Сид наконец-то заснул и дальше спал без сновидений.

– Эх, яичница-то пригорела. Надо было просто сварить яйцо всмятку, и не мучиться со сковородкой. Есть эту горелую мешанину просто невозможно. Ладно, надо заехать в пиццерию, да съесть горяченькую итальянскую лепешку под хороший кофеек. А дома завтракать – дурная привычка.

Глава XIV

Сид вышел из дома, сел в машину, стоявшую под окнами, и поехал по прямым, расчерченным еще рукой Великого Петра, проспектам. В кафе, наскоро прожевав хоть и теплую, но уже становящуюся резиновой, пиццу, он сел в машину и взял курс на Волжск. Какого-то определенного плана в голове у него не сложилось. Для творческого человека обычное дело иметь творческие планы и делиться ими с корреспондентами, но мирского плана, на день или на неделю – этого он не любил. Правда, сейчас его одолевала одна мысль – как восстановить картину события, поговорив с родителями, и попробовав разыскать фотокорреспондента «Огонька», если он, конечно, уцелел в бурные перестроечные и постперестроечные годы и не отдал Богу душу от бескормицы, либо пьянства, либо пули киллера. Много тогда людей полегло по сходным причинам, он это хорошо знал от сведущих людей, собиравшихся у его отца дома поиграть в покер. Сидели они долго, иногда целыми ночами подряд и частенько говорили о политике, в том числе и в присутствии Сида, тогда еще подростка. Но таково свойство юношеской памяти – она крепка на все необычное и яркое, складывая все это куда-то в свою крохотную картотеку или сайт. А для чего, кто знает?

К вечеру Сид, порядком устав, и по дороге дважды объяснившись в почтении к гаишникам, добрался до Волжска и первым делом устроился в гостинице, новеньком, недавно выстроенном четырехзвездном отеле в самом центре города, который был очень похож на настоящий европейский отель. Но что-то неуловимо провинциальное все равно в нем было заметно. Скорее всего, Сиду, как профессиональному портретисту, бросилось в глаза выражение лиц тех, кто ему встречался, пока он шел на ресепшен. Не было той отстраненности, которая свойственна людям, живущим в Москве или Питере. В этих столичных городах сотрудники отеля общались с клиентами только в рамках своих служебных обязанностей и ни сантиметра в сторону. А здесь молодая симпатичная женщина, неторопливо идущая куда-то с пылесосом, увидев его, улыбнулась, просто так, без повода и

сказала ему «здравствуйте». – Наверное, недавно здесь работает, еще не оббилась об острые углы, – подумал Сид и тоже улыбнулся в ответ своей фирменной, почти голливудской улыбкой, которую он приобрел несколько лет назад, по настоянию матери, у одного знаменитого питерского дантиста. Мать всегда считала, что красивая улыбка – это путь к успеху, и внущила это своему сыну, хотя тот, как всякий нормальный человек, страшно боялся, еще с детства, стоматологических процедур над собой, но все же пересилил себя.

Взяв одноместный номер, он поднялся к себе и сев на кровать сразу начал названивать родителям Аленки. Трубку долго никто не снимал, и он, оставив телефон в покое, решил немного переждать, да и отдохнуть с дороги. Он с удовольствием сбросил с себя дорожный костюм, принял душ и прилег на кровать – дорога была длинной и он все-таки порядком устал. Он уже начал понемногу засыпать и первые сполохи каких-то смутных образов уже мелькнули в его голове, обещая короткое забытье, как раздался звонок по телефону, и нежный женский голос проурчал в трубку: «Вам, наверное, скучно одному, мы бы могли скрасить вам вечер». Ну и все в том же духе. Текст там вполне стандартный, разве что скидки для пенсионеров не обещали.

Сид сначала хотел бросить трубку и не втягиваться в эту дурацкую беседу с барышней-крестьянкой, но на том конце провода сидела опытная психологиня, немало пота пролившая на буйной сексуальной ниве, и понемногу, слово за слово, он дал себя уговорить, получив заверения, что персонал у них регулярно проходит медосмотр и бояться совершенно нечего, а услуги он получит такие, что Таиланд отдыхает. Ему было немного неудобно, но что делать, мужик он был молодой и монашеских обетов не давал. Но совесть, вечная спутница русского интеллигента, все же что-то пробунила ему.

– Да что здесь такого? А Аленка, ну, это другое....

И он прекратил самокопание, быстро найдя удобную формулу самоуспокоения и уже меньше чем через 10 минут в номер вошла молодая, хорошо одетая женщина лет 23-24, лицо которой показалось ему знакомым, тем более, что память на лица у него была профессиональная.

– Вот оно что, – через минуту вспомнил он. Это была та самая женщина с пылесосом, которая улыбнулась ему в вестибюле гостиницы. И тайна простодушной улыбки девушки из провинции перестала быть тайной.

– У вас тут неплохо налажена информация – с улыбкой сказал он женщине. – Во что это мне обойдется?

– Сто евро за два часа – просто ответила женщина. – Ну, я в душ, – и пошла в ванную комнату.

– Да, – подумал художник, – кажется, я имею дело с профи, а не с дилетантом. Ну, что ж, начнем этот матч из двух таймов, посмотрим, чья возьмет.

Сид не заметил, как пролетели проплаченные два часа, проголодался он здорово. Тем более, что последнее время все как-то было не до секса. Их матч закончился вничью, и у него появилась мысль заказать еще и дополнительное время, но потом он, все-таки, остановил себя и сказал женщине, которая, отработав положенное, стала молча и неторопливо одеваться.

– Может, поужинаешь со мной здесь, я сейчас сделаю заказ на двоих?

Женщина по-деловому взглянула на свои часы и равнодушно сказала:

– Хорошо, время у меня есть, тем более, после этой гонки за лидером я здорово проголодалась.

Сид, который не пропустил мимо ушей эту оценку своих мужских достоинств, быстро привел себя в порядок, и уже через четверть часа они сидели друг против друга в креслах и ужинали. И со стороны могло показаться, что это два счастливых молодожена, решивших подкрепиться.

– Скажите, как ваше имя, – спросил Сид, чтобы хоть как-то заполнить тягостную паузу и начать интересующий его разговор.

– Зачем вам, мой псевдоним – Виола, этого достаточно.

– Виола, вы, наверное, в этом городе многих знаете...

– Э, нет, если вы из ментовки – то я пас. Никакой информации о ком-либо – мой закон, иначе мне голову открутят.

– Да нет, что вы, какая ментовка, я художник, буду в этом городе организовывать выставку-продажу своих картин. Подбор их я уже сделал, но мне нужно заказать каталог. Я знаю, здесь где-то живет отличный фотомастер А. Гаврилов, уже пожилой человек. Я видел одну из его работ в старом журнале и хотел с ним повидаться, посмотреть другие работы и, может быть, заказать ему каталог выставки с фотографиями моих произведений. Хочется чего-то необычного, а он, кажется, умеет быть оригинальным. Он бы неплохо заработал.

Виола молча кушала свой ростбиф, запивая его сухим вином, раздумывая, стоит ей что-либо рассказывать либо нет. В

конце концов, – подумала она, – тут ничего такого нет, – и ответила:

– Этого человека я знаю, да его все знают. Я у него проходила фотосессию для эротического журнала. Правда, года два назад это было. Да, он уж пожилой, лет шестьдесят. Дядька интересный, да и успешный. Даже не пытался ко мне приставать, когда съемка закончилась, – зачем-то добавила она.

– А вас это что – обидело? – с иронией спросил Сид. – По-моему, профессию с сексом мешать не стоит. Если, конечно, секс – не профессия.

– Нет, мне было все равно, но, как правило, в такой ситуации мужики клеятся, а здесь... Наверное, уже импо...

– Ну, мне, как художнику, тоже приходится писать обнаженную натуру, но это ничего не значит. Да мне так надоедает на них смотреть за пять-шесть часов, что... ну ладно.

– Так где я могу его найти?

– Напротив концертного зала – это совсем рядом, пешком дойдете. Там его фото-студия, если не переехал куда-нибудь или не умер.

– Ну, надеюсь, он еще жив. Тем более, его ждут великие дела.

Закончив ужин, Виола заторопилась, сказав напоследок:

– Если понадоблюсь завтра – вот мой телефон, – и ушла. Так обычно уходит уборщица, приведя номер в порядок. Впрочем, Виола, кажется, по совместительству и была горничной, т.е. практически уборщицей.

Глава XV

Утром Сид опять позвонил на квартиру Алены. К телефону подошла мать и упавшим, усталым голосом сообщила, что новостей у нее никаких, Аленка так и не нашлась.

– Я и в церковь ходила, свечки поставила за нее. Только на Бога и надеюсь, милиция не нашла пока никаких следов. Последней ее видела продавщица в супермаркете, Аленка там часто бывает, примелькалась и запомнилась. Она сделала покупки и вышла. Идти до дома 5-6 минут, не больше. В это время и произошло что-то. Господи, лишь бы жива была, – заплакала она.

– Но вы же говорили, что она звонила и что-то сказала о том, что оказалась в другом времени, в 1975 году.

– Да, но я в это не верю. Ерунда это все. Небылица. Она просто была не в себе, или ее заставили так сказать, чтобы все запутать. Беда, что делать, не знаю.

– У меня, кажется, есть одна зацепка. Я вечером зайду к вам, расскажу, а пока встречусь здесь кое с кем.

– Ждем вас, Иван. Вам, кстати, что приготовить на обед? Что вы любите? Вы ведь пообедаете с нами?

– Да не беспокойтесь, я всеядный, ем с одинаковым аппетитом и картошку в мундире с килькой, и лобстеры. Смотря по обстоятельствам.

– Ладно, я что-нибудь придумаю. На вас теперь вся моя надежда, – сказала она чуть повеселевшим голосом.

Отзвонившись, и чуть успокоив своих потенциальных родственников, Сид, немного поразмыслив, оставил своего «Форда» на стоянке и пошел пешком, чтобы хоть немного посмотреть этот древний город, который он толком так и не видел, хотя и был здесь уже третий раз.

Он шел неторопливо, всматриваясь в губернскую архитектуру старинных особняков, пытаясь угадать время их постройки и стиль. Большинство из них было отреставрировано, жильцы коммуналок, которые раньше там располагались, рассеяны по окраинам в нормальные современные квартиры, а здесь обосновались те, кто сумел из последних предкризисных лет извлечь

максимальную пользу, поскольку стоило все это безумных денег. Безумные с точки зрения жителя этого губернского города, ну, а москвичи считали цены вполне приемлемыми, и охотно скупали здесь старинные особняки. Так, на черный день, поскольку жить они там не собирались. Ну, разве что, в случае войны или гражданских волнений. Да и вложение денег неплохое, всегда можно продать.

Около небольшого уютного особняка этак середины девятнадцатого века художник заприметил несколько огромных берез, не иначе как ровесников дома, стволы которых были почти черными от старости. На нижней ветке одной из них он увидел небольшую стайку красногрудых снегирей, невесть откуда появившихся в эту, еще далеко не зимнюю пору и остановился понаблюдать за ними. Среди принаряженных птиц-самцов выделялась пухлая снегириха, одетая во все серое, ни одного цветного пятнышка.

– При таком-то выборе женихов чего ей одеваться в яркие перья. И так претендентов на ее крохотное сердечко с избытком, – подумал художник, стараясь ничего не пропустить, ни одной детали в эпизоде из жизни этого спокойного и уютного города.

Снегири, поклевав сохранившиеся семена, вдруг чего-то испугались, либо получили какую-то команду невесть откуда и разом улетели.

Все, кроме одного, наверное, самого опытного, который уже давно понял, что торопиться никуда и никогда не нужно. Успеется. Или одиночества захотелось? Грудь у него была ярко-красная. Он был красив и одинок.

– Как я, – почему-то с грустью подумал Сид, – только нашел девушку по вкусу – и вот, опять один. И птичка куда-то упорхнула, невезуха, да и только.

Снегирь-красавец еще немного посидел на ветке, а затем улетел, и художник пошел в сторону главной улицы, в конце которой, как ему объяснили, и находился фотосалон. Но деловой настрой, с которым он вышел из гостиницы, куда-то исчез вместе со снегирями. Ему стало грустно и тоскливо.

Он нашел то, что искал, сразу по большой, со вкусом выполненной вывеске «Фотосалон А. Гаврилова». Видимо, в городе Волжске эта простецкая русская фамилия была раскрученным брендом и не нуждалась в каких-то виньетках и завитушках, чтобы завлечь клиентов. Он немного постоял перед входом так и не придумав, с чего начать разговор и, положившись на свою

склонность к экспромтам, толкнул добротную дубовую дверь и вошел внутрь. Тем более, что какую-никакую легенду, как называют вранье разведчики, он уже опробовал на уборщице-sexy, которая была к нему так снисходительна, и всего-то за какую-то сотню евро. Правда, поверила она в нее или нет, он так и не узнал. Скорее всего, нет. Девушка-то явно не глупа и, наверное, догадывалась, что хороший каталог можно сделать и в Питере. Хотя, ей не было никакого дела до всего этого. Сид ее интересовал только как платежеспособный клиент.

Как только он вошел внутрь довольно просторного помещения, заставленного осветительной аппаратурой, к нему подошла стандартная длинноногая Барби и дежурно улыбаясь, спросила о цели визита.

– Могу я поговорить с господином Гавриловым? У меня к нему есть дело.

– Какое дело? Могу я узнать?

– Ну, речь может пойти о хорошем заказе.

– Это другое дело! Он сейчас занят, ведет съемку в соседнем помещении, освободится через полчаса. Посидите пока, вот журналы, самые свежие, кстати, там есть и работы нашего патрона. Может быть кофе?

– С удовольствием.

– Хорошо, через пять минут. Вам с кофеином или без? Располагайтесь пока.

Сид сел в добротное кожаное кресло и достав из своей сумки ноутбук, активизировал его и вставил флэшку, где был полностью скопирован журнал «Огонек» с фотографией Аленки на самой последней странице.

Барби вскоре принесла ему крохотную чашечку настоящего кофе и он, поставив ноутбук на журнальный столик, начал рассматривать работы Гаврилова.

Рука и талант мастера там чувствовались в каждой фотографии, очень грамотно размещенных на стенах павильона. Их было немного и от них не рябило в глазах, поскольку каждая работа стоила того, чтобы ей уделить внимание и хорошо рассмотреть. И Сиду пришло в голову, что его легенда может стать реальностью, и он действительно может сделать заказ Гаврилову на изготовление нового каталога. И обойдется это наверняка дешевле, чем в Питере или в Москве у избалованных деньгами знаменитостей.

Гаврилов не появлялся довольно долго. Посетитель уже пересмотрел все журналы, лежащие на столике и хотел было вклю-

чить Интернет, чтобы посмотреть, какие выставки и где открываются сегодня, но не успел. К нему подошла помощница Гаврилова и сказала «Господин Гаврилов приглашает вас к себе в кабинет».

Когда Сид вошел, мастер стоял к нему спиной и глядел в небольшое окно, выходящее в проходной дворик с небольшой, ярко-зеленой, молодой сосенкой посередине, обложенной тротуарной плиткой. Она была обречена на одиночество. Сколько не кидай спелые шишки на бетон – не прорастут. Он курил трубку и, казалось, не заметил, что в кабинет зашел посторонний человек. Гость громко поздоровался и Гаврилов повернулся. Глаза их встретились. Глаза людей, видящих этот мир немного иначе, чем другие обычные люди. Что можно сказать о его лице. Для Сида человеческие лица делились на две категории – те, кого можно писать, и те, кого можно не писать. Это лицо уставшего и пожившего человека на полотно явно не просилось. Ничего примечательного в нем не было, глазу абсолютно не за что зацепиться. Все какое-то усредненное – волосы, лоб, нос, рот, а все вместе – лицо, которое увидишь и тут же забудешь. Завтра встретишь – и не вспомнишь. Вот только глаза... это были глаза умного, наблюдательного и много повидавшего человека, находящегося на пороге старости, но еще не перешедшего этот порог, через который однажды переступит каждый. Как ни оттягивай...

Гаврилов, не выражая никаких эмоций от встречи с Сидом, спросил:

– Чем могу? – и замолчал, выжидательно глядя на посетителя.

– Я художник из Питера, с такой же незнаменитой, как и у вас фамилией, Сидоров. Много выставляюсь, в том числе и на Западе. В этом месяце показывал свои вещи в Хельсинки. Приехал сюда в ваш город на несколько дней по личным делам. Но дело не в этом. В Хельсинки, как это не покажется вам странным, я просматривал в местной Публичной библиотеке журнал «Огонек» за 1975 год, искал там старую публикацию, и в одном из номеров более чем 30-летней давности мое внимание привлек снимок девушки, сделанный вами. Он назывался «Аленка». Меня поразило это лицо. Да и рука мастера тоже чувствовалась. И я подумал, что раз уж все равно сюда приехал, стоит познакомиться с вами и, может, вместе сделать новый каталог моих картин для предстоящих выставок. В то числе и, возможно, в Волжске. Хотя, конечно, надежды, что я вас разыщу, у меня почти не было. Столько лет прошло. Но мне повезло...

– Ну что ж, мои работы вы видели. Но я стою дорого. Если хотите сильно сэкономить, то не получится. Расценки я знаю. Хотя скидку, конечно, сделаю, для меня это тоже реклама, сотрудничество с вами.

– Я думаю, найдем компромисс. Все это не дороже денег. Я достаточно успешный портретист, мои картины неплохо покупают. Так что проблемы особой нет. Но и от скидок я не откажусь.

– Конечно, конечно. Я могу посмотреть какой-нибудь ваш старый каталог?

– Да, вот, дарю на память, – и он, покопавшись в своей сумке, протянул ему каталог с выставки в Хельсинки с текстами на английском и финском.

Гаврилов внимательно полистал глянцевые страницы каталога, а затем сказал:

– Есть о чем поговорить. Неплохие работы.

– Кстати, я сейчас начинаю писать серию женских портретов. Буду подыскивать натуру. Ну, да это технические вопросы... Да, а вы сами-то помните ту свою работу для «Огонька»?

Гаврилов встал со стула и опять подошел к окну и долго ничего не отвечал, а затем пробормотал:

– Сколько лет прошло, кошмар просто.

Он отошел от окна, походил по кабинету, а затем заметил:

– Макет каталога обойдется вам в пять тысяч... Но это максимальная цена.

– Долларов?

– Евро. Мы же в Европе.

– Меня это устроит. А, кстати, как насчет скидки?

– Ну, десять процентов от суммы...

– Ну и чудно.

– Но сами понимаете, я должен посмотреть ваши картины, сделать снимки. Стало быть, нам придется ехать в Питер. Когда вам все это нужно?

– Ну, мне не к спеху. По крайней мере, месяц у вас точно есть.

– Хорошо, – задумчиво произнес Гаврилов и затем, глядя прямо в глаза Сиду, с полуулыбкой сказал:

– А ведь вы не за этим сюда пришли, молодой человек? Я ведь натура уходящая, пожил на свете, прошел даже институт Сербского, где периодически отдыхали и отдыхают умнейшие люди этой страны, так что меня провести трудно. Слыхали о таком вузе?

– Ну, я из семьи врача, хотя мой отец лечит болезни телесные, а не душевные... У вас были проблемы со здоровьем? – спросил в свою очередь Сид, скорее по инерции, зная, что люди охотно разговаривают на тему своих болячек. А ему надо было разговорить фотохудожника.

– Проблемы были у меня с государством. Правда, еще с тем, социалистическим.

– Интересно, вы что, были диссидентом?

– Что-то вроде этого.

Сид, конечно, слышал о таких людях, которые в те годы пытались как-то противостоять строю, хотя эта тема его особенно и не занимала. Ну, были и были... Кому это сейчас интересно, кроме историков. Его отец, воспитанный в советское время, по воскресеньям обычно полдня читал газеты – и проправительственные, и оппозиционные. Ему были интересны противоположные точки зрения, что позволяло ему иметь свои собственные суждения. Сид помнил, как за обедом он, разговаривая с матерью, иногда отпускал язвительные реплики: «Ты помнишь такого?» – и называл имя или известного кино- или театрального режиссера, либо писателя, или еще какого-то человека, который был на слуху. «Оказывается, и этот в советские годы боролся с режимом. Его фильм, видите ли, не сразу пустили на экран, что-то там вырезали. У самого орденов, как у полководца, Госпремии, все блага... Все, на что он был способен, так это на фигу в кармане после произнесения верноподданнической речи на каком-нибудь съезде. Кого ни послушаешь из известных да сытых и благополучных, так все были в оппозиции режиму. А кто же, интересно, тогда создавал бесконечные производственные фильмы, книги о замечательных партийных секретарях? Эх, не люблю это иудство», – и замолкал.

– Так как вы туда попали? К Сербскому? – решил поддержать тему Сид.

Гаврилов опять поднялся с кресла, вновь запалил свою потухшую трубку, подошел к шкафчику, достал оттуда бутылку вина и плеснув в тонкий стакан пару глотков, залпом все выпил. Затем, как бы спохватившись, спросил у гостя:

– Будете?

– Нет-нет, я за рулем, – поспешно ответил Сид.

Глава XVI

– Вообще-то у меня нет склонности исповедоваться, – начал свой рассказ его новый знакомый. Тем более, перед таким молодым человеком, как вы. Но разговор у нас, чувствую, не простой. Так что слушайте и не перебивайте. Сами напросились, – усмехнулся хозяин и хлебнул еще глоточек. Видно было, что дело это для него привычное. – Понимаете, я тогда уехал из Волжска в один маленький городок и жил там, работая в местном фотоателье. Работа нудная, лишенная хоть каких-то элементов творчества. Снимки на паспорт, на пропуска, на допуск, в общем, чистая механика. В этот городок мне пришлось уехать, поскольку я рассорился со своим редактором в газете, где работал, газете солидной, сугубо партийной, да других тогда и не было. О сути конфликта я говорить не буду, но он не носил никакого политического оттенка, это дело глубоко личное, в общем, я оказался на задворках. А, в общем-то, чего скрывать, дело прошлое и банальное. Его молоденькая секретарша Оленька, к которой он неровно дышал, предпочла меня, а ему стало известно. Он этого перенести не мог – ну и выбрал простой путь устранения соперника – выпер меня из редакции. Свое пребывание в городке я рассматривал как что-то вроде ссылки, то есть, как дело временное. Мне надо было придти в себя от той несправедливости, с которой я столкнулся. Мой редактор казался мне тогда глубоким стариком, ему было пятьдесят, и я по своей глупости считал, что он уже потерял право любить. А Ольгу он любил, еще как... Но жизнь в этом убогом городишке не принесла мне покоя. Я был еще очень молод, амбициозен и меня раздражало все: грязные тротуары, лошадь, везущая телегу с булыжниками по главной улице, праздничные демонстрации, где люди приветствовали районных партийных вождей, нищие магазины, где стояли одни рыбные консервы да сыры местного производства. Последнее меня особенно возмущало, поскольку надо было как-то питаться, а подсобного хозяйства я, конечно, не имел и никогда бы его не завел. К тому времени я увлекался философией, поскольку свободного времени у меня было уйма, и стал разрабатывать свою философскую концепцию, ну и,

конечно, ночами, как большинство обозленных интеллигентов, я слушал «Голос Америки» и другие подобные радиостанции.

Как-то под седьмое ноября я простоял в очереди за водкой почти час в маленьком тесном магазине. Народ, что называется, напирал, лез без очереди, ругался, матерился, но власть не трогал.

А я, зажатый со всех сторон советский интеллигент стоял и думал: что же это за власть, которая не может или не хочет ни напоить, ни накормить людей, ни обеспечить им достойную жизнь.

Придя домой, злой и голодный, я раскупорил с таким трудом купленную бутылку, разложил на газетке банку кильки пряного посола да полбуханки черного хлеба и стал думать о том, к чему я пришел: я получил высшее образование, был молод и неглуп и мог бы чего-то достичь в жизни – и вот. Я один, в заштатном городке, и мои собеседники сегодня – это тощие балтийские кильки, которые даже не пискнут, когда я их съем. И мне пришла тогда в голову дурацкая мысль – что мы все похожи на этих пойманных где-то килек, которых замариновали, запаяли в банки и приготовили к съедению. И мы безмолвны. Банку вскроют, нас сожрут, и мы через несколько часов превратимся в обычное дерьмо.

В общем, выпив стаканчик граненый, я взял несколько кусков ватмана и написал на них лозунг: «Люди – вы не кильки в банке. Протестуйте. Или вас всех съедят». Ночью я развесил четыре таких плаката по пути следования праздничной демонстрации и вернулся к себе, в маленький деревянный домик на окраине. И лег спать. В 10 утра за мной пришли местные чекисты. А у меня на полу куски ватмана, кисти, краски акварельные. Словом, взяли меня тепленького.

Честно говоря, я не ожидал, что меня возьмут так быстро. И, конечно, очень испугался. Тогда еще сильны были в народе воспоминания о репрессиях тридцатых годов. Думал, посадят, но обошлось. Все-таки времена наступили другие, не зря везде трубили о соблюдении соцзаконности. По большому счету, меня, как тогда выражались, профилактировали. Попросту выяснили мотивы и предупредили, что за такие вещи можно и сесть. Кстати, недавно читал воспоминания одного чекиста о тех годах. Они этот случай тоже запомнили, даже стишок обо мне сложили:

«Не успел он вымыть кисти,
Как за ним пришли чекисты».

Рифма, конечно, дурацкая. В общем, обошлось, но оставаться в этом городке я больше не мог и уехал.

– Так вас что, по этому случаю в институт Сербского направили? Там же, как я понимаю, делают психиатрические экспертизы.

– Нет-нет. Тогда они просто поговорили со мной, даже и не пугали особо. Так, объяснили что к чему.

Это уже через три года, когда я закончил свой философский труд, то решил передать его в американское посольство.

– А им-то это зачем? Ну, американцам. Что-то я не замечал у них тяги к русской философии, когда общался. По-моему, они вообще о нас ничего не знают, и главное – не хотят знать.

– Им? Ну, тогда посольство США для таких как я, считавших себя диссидентами, стало чем-то вроде обкома КПСС для других, обычных советских людей. За решением своих вопросов каждая из этих категорий граждан обращалось в свою инстанцию.

В общем, я подкараулил в Москве одного американского дипломата и попытался передать ему свой труд по новейшей философии, которая начисто опровергает марксистско-ленинскую.

Но американец оказался парнем пугливым, побоялся провокации КГБ и отделался от меня тем, что дал мне телефон человека, с кем бы я мог встретиться по вопросам опубликования этой работы за рубежом. Когда я со своим пакетом, где лежал мой труд, который должен был открыть глаза человечеству, расстроенный шел домой, а я тогда жил в Москве, снимал угол, ко мне подошли милиционер и парень в штатском. Они сказали, что я похож на человека, находящегося в розыске и предложили мне пройти в отделение милиции, чтобы установить мою личность. Ну, я все сразу понял.

– И что же с вами сделали?

– Ну, в милиции я разошелся, что-то кричал, грозил, что обращусь на западные радиостанции, и весь мир узнает об этом произволе. Меня продержали три дня в камере, а затем направили на экспертизу в этот институт. А там... Обладай я даром такой же силы, как Антон Павлович Чехов, написал бы свою «Палату № 6», или 15, где лежал. Насмотрелся, наслушался на всю жизнь оставшуюся...

В общем, какие-то отклонения в психике у меня все-таки нашли, а может, врачи пожалели, я ведь не убийца какой-нибудь, а диссидент, да еще провинциальный. В общем – ничтожество, не стоящее внимания. Но кто-то из моих новых московских друзей все-таки передал на Запад информацию о моем задержании и по «Голосу Америки» и «Свободе» обо мне говорили несколько дней. И я ненадолго стал знаменитым, еще не подозревая об этом.

Какие-то европейские правозащитные организации, кажется, Amnesty International выступили с требованием о моем освобождении. Власть у нас не любила огласки. Через полтора месяца меня выпустили, но труд по философии так и не отдали. Хотя, как мне объяснили, антисоветчины там не обнаружили. А чекист при расставании сказал: «Знаешь, Александр Львович, женись-ка ты да уезжай из страны по израильскому каналу. Знаешь сам «закон тройственных чисел». А ты уже два раза попадался. В третий раз сядешь. А остановиться – ты не остановишься. Я уже таких как ты изучил.

В общем-то, я так и сделал, но тосковал сильно, да и жарко там, а я жары хватанул на всю жизнь, еще когда сразу после вуза жил в Калмыкии, в Элисте. После известных событий 93-го вернулся на родину. Такой вот роман, господин Сидоров. Ну, я вам рассказал свою историю, теперь ваша очередь. Так зачем вам что-то знать об этой фотографии? Колись, парень, а то ведь ничего больше не скажу. Я вижу, что тебе это нужно, очень нужно. Итак, на кой черт ты сюда приехал? Да и в вашем финском каталоге я заметил нечто, удивившее меня.

– Александр Львович, ладно, кривить душой не буду, откровенность за откровенность, здесь одна загадочная история. Я ищу девушку, свою невесту. Она пропала несколько дней назад. В общем, на фото сорокалетней давности, по-моему, она. По крайней мере, очень похожа. Я ничего не могу понять, мистика какая-то. Но совпадение – один в один. И зовут также.

– Ну, это вряд ли. Эту девушку, ее действительно звали Алена, я видел всего два раза, но в один день, в далеком уже 1975-м году. Этот снимок я сделал в ресторане, где она обедала вместе с моим другом юности. Кстати, он тогда был лейтенантом КГБ, работал в здешнем управлении. Они как-то очень мило общались, а меня поразили ее глаза – удивительные глаза, которые мне уже не забыть никогда. Я и не забыл. Снимок я послал потом в «Огонек» и там, к моему удивлению, его опубликовали. С этого снимка, собственно, и началась моя настоящая карьера фотожурналиста и фотохудожника.

В этот же день они были вдвоем с моим приятелем у меня на новоселье. Но в середине вечеринки Олег сбегал куда-то позвонить и они после этого быстро ушли. И я ее больше не встречал. У друга своего спрашивал, но он, кажется, приревновал меня к ней и ничего мне не рассказал. С тех пор и с Олегом я не поддерживал отношений. А сейчас и вовсе потерял его след и где он, что с ним – не знаю, мне это неинтересно.

– А ничего вы не запомнили, в чем она была одета, может, какие-то украшения?

– Одета, да, пожалуй, она была одета немного странно, почти так, как сегодня одеваются девчонки: джинсы и короткая кофточка, так что пупок был виден. Это тогда нас так удивило. Прямо восточная красавица со славянским лицом перед исполнением танца живота. Парни только на нее и пялились. И еще, пожалуй, у нее было очень дорогое кольцо на пальце, с зеленым камушком посередине и венчиком из крохотных рубинов. Я еще подумал тогда, что сочетание цветов какое-то варварское: зеленое с красным. Я ведь тоже начинал когда-то как художник. Да и тогда уже работал с цветом, так что кое-что понимаю. Вот, пожалуй, и все.

– Да, ну дела, – растерянно пробормотал Сид. – Это точно была она. Дело в том, что это кольцо подарил ей я в день нашей помолвки, а оно мне досталось от бабушки. Это наша фамильная драгоценность.

– Слушай, парень, может это внучка или дочка той Аленки? Так бывает. Сильный генотип, – и немного помолчав, добавил: – Это ее портрет в каталоге финской выставки? Это она – твоя невеста? Я угадал?

– Да, это она. Вы фотографировали, а я написал портрет одной и той же девушки. Несмотря на разрыв во времени в 34 года. И я решил разыскать вас, а теперь мне надо найти этого чекиста Олега? Как хоть его фамилия? Может, он что-то прояснит?

– Фамилия его тоже простая, как и у нас с вами – Зотов. А вот где он сейчас, – повторил он, – не знаю. Я ушел в диссиденты, он – в чекисты. Это разные дороги, хотя иногда они, на нашу беду, пересекались.

Они еще немного молча посидели, каждый думая о своем, а затем гость встал, поблагодарил Гаврилова, дал ему свои координаты и договорился о будущей встрече в Питере. И отстегнул 500 евро в качестве задатка. Ну и за информацию. Время такое, за все надо платить и всему есть своя цена.

Глава XVII

Выйдя от фотохудожника, Сид немного постоял, раздумывая, поехать ли ему к Аленкиным родителям или походить и подумать, что делать дальше и где искать этого самого Олега Зотова. Честно говоря, идти к будущей теще сейчас ему не очень хотелось. Он понимал, что его ждет обычное в таких ситуациях нытье, а он должен будет успокаивать, сочувствовать и заверять фальшиво-бодрым голосом, что все будет хорошо. А что хорошего? Дальше-то что? Ну, даже если ему повезет найти этого бывшего лейтенанта КГБ, что с того? Сейчас этот старый гриб может уже и не помнит ничего или, не дай Бог, отошел в мир иной.

В глубине души Сид все-таки продолжал верить, что девчонка вот-вот появится. Но что при этом будет с их отношениями? Конечно, девушка ему нравилась, но был ли он влюблен в нее? Наверное, да, но это была какая-то очень спокойная влюбленность, без страстей и бурь, если, конечно, не считать это досадное происшествие, так взбудоражившее всех.

Да и вообще, не лишний ли он во всей этой малопонятной игре? Может, уехать, дождаться какой-то развязки, а там уж думать о будущем? Может, даже и без нее... Нет-нет, как же без нее, он уже привык к мысли, что у них все решено и что скоро он превратится в семейного человека.

Художник-сыщик подошел к газетно-табачному киоску, чтобы купить какие-нибудь сигареты. Ему было все равно, какие – по-серьезному курить он так и не научился. Но иногда, чтобы занять руки, или просто отвлечься, он закуривал, выбирая при этом какие-нибудь экстравагантные сигареты, на которые было приятно смотреть. Тем более, что удовольствия от табачного дыма он все равно не получал.

Он долго рассматривал пачки, ориентируясь на внешнее оформление и выбрал одну из них, самую дорогую. Сигареты в ней были разноцветные и веселенькие, с золотым мундштуком. На них было просто приятно смотреть, да и угостить кого-нибудь, особенно женщину, не стыдно. Мало ли, какая оказия.

Сид также купил несколько местных газет и решил просмотреть их, зайдя в кафе при концертном зале. Он рассчитывал посмотреть сводки преступлений, которые иногда публикуют в прессе. Вдруг там есть что-нибудь о пропавшей невесте. В кафе оказалось пусто и уютно, а легкая ненавязчивая музыка располагала к тому, чтобы мыслить неторопливо и спокойно. Он заказал чашку экспрессо и имбирное печенье, которое очень любил. Девушка все быстро принесла и он, попивая кофе, начал по диагонали просматривать местные газеты. Читать там было особо нечего, так, всякая лабуда, малоинтересная для иногороднего человека. Он пробежал глазами первые три полосы, которые были заполнены коммерческими статьями: глава энергетической компании уверял жителей области, что именно он самый экономный и добрый человек на свете, после губернатора, конечно.

Директор банка славил свой банк и клялся, что это самый надежный банк в мире и призывал всех, кто может, брать там кредиты под смехотворные 20 процентов. И все такое. Сид также поверхностно начал просматривать и последнюю полосу последней газеты, где публиковались кулинарные рецепты, спортивные новости и графики приема граждан депутатами облдумы. Он пробежал глазами эти графики с перечислением фамилий и отбросил газету в сторону. Отхлебнув глоток кофе, он взял ее в руки снова и не поверил своим глазам. Одним из первых в списке депутатов значилась фамилия Зотова О.Н.. Может быть тот самый? Тогда это удача.

«Да, во мне пропадает настоящий сыщик», – усмехнулся Сид и подумал:

– Ну да, все правильно, отслужил, ушел в отставку и подался, чтобы не скучать от безделья и не сгинуть в безвестности, в депутаты. Ну что, попробовать, что ли?

В конце графика был напечатал номер телефона, по которому можно было записаться на прием. Так, везет так везет, Зотов принимает посетителей сегодня с 12 дня. Так, в помещении... Угу, ясно.

– Девушка, – позвал он официантку, возьмите с меня сколько положено, и объясните, где улица Плеханова.

– Это рядом, через дорогу и первый перекресток направо.

– Скажите, а депутата Зотова вы знаете?

Девушка засмеялась:

– А зачем мне это знать? Мне от него ничего не нужно. Да я и не слышала о таком.

– А о ком вы слышали? – уже с любопытством спросил питерец.

Девушка подумала немного и ответила:

– Да ни о ком. Они сами по себе, а мы сами по себе? – и замолчала, всем своим видом давая понять, что так оно и есть на самом деле.

– Да, позиция у вас глубоко выстраданная. Ну, да ладно. Спасибо! – и он вышел на улицу. – Если поторопиться, могу успеть на прием к Зотову. Только он ли это? Ну, да сейчас все выяснится, хотя обидно, если все это пустые хлопоты. «Художник поймал себя на мысли, что у него появилось даже что-то вроде охотничьего интереса и само это хождение по следам пропавшей девушки все больше увлекает его».

Приемную Думы он отыскал без особого труда и, немного волнуясь, постучал в массивную дверь с надписью «Председатель комиссии по социальной политике О.Н. Зотов». В «предбаннике» приемной депутата было безлюдно, что Сидорова конечно, обрадовало: он-то думал, что придется дожидаться своей очереди, а здесь – зеленая улица.

– Войдите, – услышал он глуховатый мужской голос.

Питерец, немного волнуясь, вошел в просторное помещение приемной, стены которого были обшиты массивными дубовыми панелями, поздоровался и сел на предложенный стул как раз напротив пожилого седовласого мужчины с очень выразительным лицом. По всему чувствовалось, что это человек власти, уверенный в себе, перенесший и перевидавший на своем веку много чего такого, что позволяло ему быть готовым к любым неожиданностям и к ответу на любые вопросы. Сиду он чем-то напомнил отца, тоже человека советской эпохи, сделавшего себе карьеру в то время, и не потерявшегося и в новых условиях, когда вместо хмурых членов Политбюро с портретов в официальных кабинетах стал весело смотреть первый президент СССР. Правда, веселился он недолго. Нет страны – нет и Президента. Президент-то ладно, переживем, а вот страну жалко.

Сид прервал цепочку размышлений, навеянных казенной обстановкой бывшего обкомовского кабинета, и сказал:

– Господин Зотов, у меня к вам вопрос личного порядка. Для меня это очень важно и я рассчитываю на вашу помощь. Это недолго. Он вытащил из сумки ноутбук, включил его и через минуту на экране высветился титульный лист журнала «Огонек» за 1975 год. Он быстренько нашел нужную страницу с большим

увеличенным портретом Аленки. Краем глаза он наблюдал за реакцией Зотова, но тот просто внимательно следил за его манипуляциями с ноутбуком и – больше ничего. И когда увидел фото девушки – выражение лица у него было такое же, как если бы он рассматривал конфетную обертку: взгляну, а через секунду сомну и выброшу в мусорный пакет.

– Так что у вас, вы из какого района нашего города? – уже нетерпеливо произнес он. Скажите словами, можно и без картинок.

– Да я из Питера. Специально приехал повидаться с вами, хотя найти вас было нелегко. А без картинки не обойтись, иначе вы мне не поверите.

– Понятно, так что у вас за вопрос, – раздраженно спросил Зотов, поскольку время его приема заканчивалось и посетителей – потенциальных избирателей больше не было. Кроме Сидорова, конечно, который, к тому же, не являлся его избирателем, на которого он мог и не тратить свое драгоценное депутатское время.

– Скажите, вы знаете эту девушку? Меня интересует, что с ней стало. Здесь какая-то странная история... мне сказали – вы сможете помочь, если захотите, конечно.

Зотов еще раз более внимательно посмотрел на фото беглянки и Сид заметил, что глаза у него внезапно стали другими, оттаявшими, что ли. Льдинки там исчезли.

Депутат встал с места, достал из кармана куртки пачку сигарет и сказал посетителю:

– Пойдемте в коридор, здесь курить нельзя, а я уже три часа без перекура.

Они вышли за дверь. Зотов достал из кармана записную книжку, вырвал листок и скрутил себе маленький кулёк.

– Он что, самокрутки курит? – недоуменно подумал художник. Но нет, депутат достал нормальную сигарету, прикурил, а в кулёк стал аккуратно сбрасывать пепел, т.к. ни урны, ни пепельницы вокруг нигде не было.

– Народу на прием пришло немного, – продолжил разговор бывший чекист, да вопросы все больше тяжелые, главным образом, жилищные. Какое-то вечное проклятие нашей страны. Огромные территории – а чтобы домишко построить, с ума сойдешь, пока место получишь. Ну, это я так, к слову, ввел вас в курс своих проблем. Так что у вас ко мне? И зачем вам история этого антикварного фото?

– Господин Зотов, вы ответили вопросом на вопрос, а мне бы хотелось получить ответ на вопрос. Друг вашей институтской юности рассказал, что этот снимок сделан в вашем присутствии.

– Успели уже у Гаврилова побывать? В Вас пропадает детектив.

– Мне тогда было – так, 1975-й, говорите, – 24 года, я еще холост и, что удивительного, если я, по терминологии моей юности, слегка прикадрился к хорошенькой девушке. А она здесь действительно хороша. Ну да что я Вам объясняю, Вы и сами всё видите.

Зотов говорил спокойно и, как показалось Сиду, искренне, он уже готов был поверить, что девушка на фото никакого отношения не имеет к его Аленке, если бы не одна деталь. Вечером того же дня, как говорил фотохудожник, они опять были вместе и вместе уехали – и больше эту девушку никто не видел, и Сид спросил:

– Почему вы не хотите сказать мне правду, что, она так опасна для вас? Вы ведь были последним, кто ее видел в этом городе? И уехали вы вместе и всё, пробел, больше её никто не видел. И что с ней стало, куда она подевалась?

Депутат докурил свою сигарету, спрятал её в тот же кулёк и не найдя, куда бы выбросить, положил его в карман пиджака.

– Ладно, давайте вернемся в мой кабинет, там и продолжим. Но, я думаю, вы уже разузнали, кто я в прошлом и понимаете, что мне нужно реальное объяснение вашего интереса, а не легенда, которую вы до меня пытаетесь довести. Кстати, очень неубедительная. И я не понимаю, зачем я должен ворошить историю, которая касалась только меня. И всё!

Они вернулись в кабинет, но сели на большой старинный кожаный диван, стоявший здесь еще со сталинских времен, который мог бы наверное многое рассказать о своих прошлых и нынешних хозяевах. Но говорить он, к счастью, не умел, а то сколько бы репутаций, в том числе и женских, было бы загублено. Диван в служебном помещении – тот же змей искуситель и для хозяина и для его помощниц.

Над диваном, рядом с портретом действующего Президента висела в строгой рамке небольшая фотография, где Президент и Премьер были рядом и дружески улыбались.

Зотов, перехватив взгляд посетителя, улыбнулся и сказал:

– Знаете, как я ее называю? «Пока ты со мной, я спокоен». Эту подпись я запомнил в детстве, когда рассматривал в журнале «Китай» фото их вождя Мао с его ближайшим соратником и преемником. Дурацкое свойство памяти, всякую чушь помнишь всю

жизнь, а что-то важное – вылетает из головы моментально. Особенно, в последнее время: легко забываешь о возрасте, а он сам напомнит. Ну, да ладно.

Зотов закрыл дверь на ключ, поскольку время приема вышло, достал из холодильника начатую бутылку «Абсолюта» и две рюмки:

– Если хотите, могу предложить коньяк.

– Нет, спасибо, я за рулем.

– Ну, как хотите, была бы честь предложена. А я выпью. Устал, да и разговор у нас непростой. – Он залпом опрокинул рюмку, отломил кусочек печенья, закусил и, чуть помолчав, продолжил: – Дело в том, что когда-то, почти сорок лет назад, история с этой девушкой была под грифом «совершенно секретно» и не подлежала разглашению. В общем, государственная тайна. Но сейчас, пожалуй, кое-что я могу вам рассказать. Но сначала вы должны убедить меня, что вам это необходимо. А то я так и не понял, почему я должен с вами делиться этой информацией?

– Разумеется, у меня нет необходимости лукавить с вами. Тем более, что Вы – бывший чекист.

– Нет, молодой человек. Может, слышали где – бывших у нас нет, мы все – люди системы до конца дней своих. Это сейчас называется корпоративной солидарностью, так, кажется, или ошибаюсь?

– Не знаю, я плохо в этом разбираюсь, тем более, что мне все равно, кто – шудра, а кто – брахман, – пошутил он, припомнив некстати свои скромные знания об индийских кастах.

– Ну-ну, приятно иметь дело с молодым человеком, который не только интересуется, как срубить бабки, а еще и кое-что понимает в мировой культуре. А шудры, брахманы и хариджане – это у нас сейчас тоже появилось. Ну, я слушаю, а то время идет...

Сид, наверное, немного бессвязно рассказал всю предысторию своего приезда в Волжск, и в доказательство продемонстрировал каталог, где был помещен написанный им портрет его невесты. Пожилой чекист долго вглядывался в портрет Алены и что за мысли бродили в его голове – кто знает. Эти люди всегда очень закрыты, и не склонны к исповедям.

После рассказа, а особенно после рассматривания портрета, Зотов, пропустив уже третью рюмку и закусив остатками единственной печенюшки, лежащей на блюдечке, внезапно задал

совершенно неожиданный вопрос, который, казалось, меньше всего должен был его интересовать:

– Вы действительно хотите на ней жениться? Любите ее?

– Когда же еще и любить, как не в нашем возрасте. Мне важно сейчас ее разыскать, а там буду думать. Она ведь тоже еще до конца ничего не решила.

– А я бы на вашем месте и не думал, – сказал задумчиво Зотов. – Но у меня такой возможности не было, а у вас она есть. И, сделав паузу, грустно заметил: – Или еще будет. Ты оказался счастливее меня, парень, тебе повезло. Да, мы были знакомы с Аленкой, но всего неделю. Хотя какая это была неделя, стоит целой жизни.

Зотов говорил очень короткими фразами, тем экономным языком людей, привыкших ценить свое и чужое время. Сид напряженно слушал, понимая, что вся его фантастическая версия пропажи невесты начинает получать подтверждение, и что этот немолодой, седеющий, холеный мужик с таким цепким взглядом, который вдруг стал теплым, после того, как он заговорил об Аленке, действительно встречался с ней. Тогда, в далеком 1975 году. И, судя по всему, был к ней неравнодушен. Это еще мягко сказано. Бравый старикан, что и говорить. Но, кажется, у них тогда ничего не срослось. К счастью. Как странно – думал Сид, слушая неторопливый рассказ Зотова. – Передо мной сидит шестидесятилетний человек, который любил мою невесту. Но он пришел в наше время, а Алёнки нет. А вдруг она там застряла и прожила ту жизнь, и вернулась на неторопливой колымаге времени обратно. И сколько ей сейчас, моей невесте – 52-53 года.

– Но что же было после того, как вы отвезли ее в Москву? – оторвавшись от размышлений, спросил Сид, которому хотелось поскорее понять, можно ли ее вызволить оттуда, из того времени и все вернуть на исходную точку. И не в возрасте пенсионном, а в возрасте любви.

– Ну, здесь я сам знаю немного. По приезде в Москву нас поселили в гостинице «Пекин».

Часть II
КОРРЕКТИРОВКА

Глава I

Черный «Ford-mondeo» неторопливо двигался по улицам столицы Великого государства. Да, государство Великое, а столица маленькая, уютная, полная зелени, цветов и благополучных людей, значительная часть которых – чиновники. Жизнь их не так сильно зависит ни от экономического кризиса, ни от других мировых катаклизмов, как жизнь других людей. Конечно, обстановка становится все более нервной, да и правительство начинает делать вид, что собирается сэкономить деньги налогоплательщиков за счет сокращения государственного аппарата. Но это дело пустое, аппарат тут же восстановится. Пожалуй, больше всего жизнь этих людей зависит, как и во всем мире – от Штатов до России – от вышестоящих чиновников, от начальников, от их мнения и симпатий. Конечно, компетентность, умение анализировать и выдавать грамотные решения – всегда ценится. Но при этом чиновник не должен выглядеть умнее своего патрона и лучше, если его удачно найденное решение будет выглядеть решением вышестоящего начальника. В этом секрет выживаемости чиновника, и кто не овладел им или не захотел им воспользоваться – то горе ему. Но еще большее горе тому, кто не научился правильно докладывать, кто не умеет ни движением глаз, ни шевелением губ не показать, что вина за неудачу отчасти и вина руководителя, а может быть, даже и в большей степени, чем вина того, кто докладывает. Здесь последствия могут быть неожиданными и драматичными.

Начальник Управления стратегических исследований ЦРУ Тэдд Миркин был именно таким человеком. Прекрасный аналитик, чья голова была битком набита, как вагон токийского метро

в час пик, умными идеями, не умел хорошо докладывать и это усиливало негативное впечатление, особенно, если речь шла о неприятных вещах. Он предчувствовал непростой разговор с высокопоставленным чиновником в Администрации Президента, поскольку произошел серьезный сбой в программе исследований под условным названием «Корректировка», за которую он отвечал. Эта программа родилась давно, три президентских срока назад, когда Тэдди был еще сорокалетним, полным энтузиазма человеком, и пользовался вниманием обоих Бушей. Но на практические совместные действия команды ЦРУ и НАСА вышли только сейчас. И вот все полетело к черту после того, как русский ржавый, неизвестно откуда появившейся спутник протаранил, как все утверждали, случайно, новейший американский сателлит, который и должен был произвести пробный запуск системы, без которой реализация программы была невозможна. Тэдд Миркин плохо верил в такие случайности, но что делать. Не соглашаться же с тем, что их аппарат плохо управлялся, и они не сумели избежать столкновения с этой консервной банкой, которая уже лет восемь болтается в ближнем космосе и до сих пор никому не причинила вреда. Новый запуск можно будет произвести не раньше, чем через год – и это в случае везения. А в случае невезения программу могут вообще прихлопнуть: перекроют финансирование – и все, и никакой Бэтман не прилетит и не поможет.

Такие невеселые мысли одолевали этого немолодого человека, совмещавшего в себе офицера ЦРУ и чиновника одновременно. В подобные ситуации он попадал и раньше, но все равно нервничал, поскольку догадывался, кто будет крайним во всей этой истории.

Чиновник Администрации, курировавший этот проект, принял его без задержки, но обстановку для разговора создал вполне официальную, не предложив офицеру даже чашку кофе, с которой всегда было легче начинать неприятный разговор.

– Ну, я слушаю вас, – произнес он после взаимных приветствий. – Мне нужно четкое понимание того, что произошло, и как исправить положение.

– Простите, сэр, но четкого понимания, почему русская железная бочка врезалась в наш аппарат, у нас пока нет. Со своим спутником русские давно не поддерживали связи, по крайней мере, по той информации, которой мы располагаем на сегодняшний день. Единственное реальное объяснение: спутник был законсервирован и в нужный момент приведен в действие для того, чтобы воспрепятствовать выполнению программы по

плану «Корректировка». Возможно, произошла утечка информации и они приняли ответные меры.

– Такое объяснение, конечно, снимает с вас какую-либо ответственность. Я вас понимаю. Но давайте не будем пугать друг друга, все надо проверять. А пока нашему мнению, и по мнению некоторых экспертов, при запуске проекта не были учтены подобные ситуации, что и привело к случайному столкновению, а этот случай стоит миллионы. Правда, аналитики НАСА еще не дали окончательного ответа. Через день-два они сделают свои выводы. Думаю, они не в вашу пользу. Так, каковы последствия для нас от всей этой истории? Чем это нам может грозить?

– Ну, видимых последствий пока нет. Но произошло то, чего мы никак не могли предусмотреть.

Тедд немного помедлил, собираясь с мыслями и прикидывая, как лучше сформулировать ту главную неудачу, досадный прокол, который произошел. Хотя, конечно, никакой катастрофы не случилось. Все, в общем-то, поправимо. И, заметив нетерпеливый взгляд чиновника и не видя больше смысла тянуть время, он сказал:

– По последним данным во время столкновения с русским спутником произошло нештатное включение основного аппарата, и временной коридор был пробит совсем не в том месте, где мы предполагали. Хотя планируемого слоя мы, кажется, достигли – 1975 год.

– И где же это произошло?

– Над территорией России. Как показали измерения, это случилось над городом Волжск, в трехстах километрах от Москвы.

– И что же? Каковы наши действия? Чем это может грозить Соединенным Штатам? Чиновник встал из-за стола и нервно заходил по кабинету.

– Да пока ничем. Этот коридор просуществует 7 дней, а затем закроется. Вот и все. А мы будем готовить запуск уже нескольких аппаратов с установками «Луч времени» и обучать людей для заброски в прошлое. У нас уже подобраны кандидатуры в специальный отряд, который может выполнять задачи, сформулированные в плане «Корректировка».

– Да, серьезная неудача, – произнес наконец-то сотрудник Администрации и добавил: – Расследование будет проведено и степень вины каждого определена. Готовьтесь ответить на все неприятные вопросы. Боюсь, это скажется на вашей карьере, Тэдд, – уже более миролюбиво и даже, пожалуй, сочувственно произнес чиновник.

– Что делать, сэр. У меня в профессии заложены риски. И все-таки, я верю в успех. Возможности открываются огромные.

– Все это так, но есть и другие мнения. Один из наших экспертов заявил, что в случае, если в этот коридор попадет кто-то из русских, современных русских, и в том времени окажется в руках советских властей, и если ему поверят – корректировкой займутся они, а не мы, и последствия для нас будут не так радостны, как мы рассчитывали. Мне, например, не хочется жить в Союзе Советских Социалистических Штатов Америки. Вам видимо тоже.

– Да, мы предусмотрели такое развитие событий. Резидентуре в Москве дана команда направить опытного разведчика в Волжск с целью выявления возможных следов этого происшествия. Кроме того, уже второй день через возможности спутников мы контролируем все телефонные переговоры в Волжске, открытые, разумеется, – поправился он. – Ключевые фразы «1975-й год» и «пропал человек» и место пропажи – улица Луговая.

– И есть какие-то результаты?

– Да. Один подозрительный разговор зафиксирован, есть шанс, что он выведет нас на нужную информацию, но подробности и детали можно выяснить только с выездом на место, в этот город Волжск.

– Хорошо, действуйте. Держите меня в курсе, прошу докладывать о ходе операции ежедневно.

Чиновник поднялся со своего места, давая понять, что разговор завершен. А затем, уже как бы выходя за рамки официоза, подошел к Тэдду и доверительно сказал:

– Через неделю мы докладываем о программе «Корректировка» новому Президенту. Он еще не в курсе, времени не было. Но сейчас, кажется, он освоился, и мы можем доложить ему о содержании программы и ее целях. До получения известий от вашего разведчика из Волжска мы ничего докладывать не будем. Так что, от вас зависит существование этой программы. Надо учесть, что новый хозяин Белого дома немного скептически настроен к наследию Буша. Вы слышали, он заявил уже об отказе от ПРО в Польше и Чехии, бывших сателлитах СССР. Так что убедить его в целесообразности дальнейшего проведения будет непросто, тем более что она финансируется за счет бюджета. За счет его секретной части, – усмехнулся он.

– Мы сделаем все, что в наших силах, – ответил Миркин и, попрощавшись, вышел из кабинета, а через час был уже у себя и отрабатывал план предстоящей операции в Волжске с группой своих сотрудников.

Глава II

Закотас, молодой сотрудник посольства, долго выбирал машину, на которой предстояло выехать в Волжск. Ему посоветовали взять что-то малозаметное, не привлекающее внимание, вроде «Форда Фокуса», вполне приличной машины, но не бросающейся в глаза ни цветом, ни агрессивным дизайном. Впрочем, долго – это громко сказано, минут 15-20, не больше, поскольку времени ему дали всего одни сутки, за которые он и должен был получить хоть какую-то информацию о том, попал ли кто-нибудь из жителей этого города во временной коридор, и если попал, то кто и что с ним стало. Это главное. С полными, по возможности, установочными данными. Накануне он покопался в картотеке посольства, чтобы посмотреть, были ли у дипломатов какие-либо контакты с жителями Волжска, чтобы, при случае, выйти на этого человека. Это могло бы обеспечить выполнение задания.

Специалист-аналитик долго пытался выудить из компьютера хоть какую-то информацию. Но попадались, в основном, люди, которые уже давно там не живут, а переехали в США либо Канаду, либо, чаще всего, в Израиль.

– Все не то, – нервничал Закотас, – мне бы хоть какую-нибудь зацепку, какой-то вариант, чтобы было кого расспросить и получить первичную информацию. А там будет проще.

Аналитик в конце-концов позвонил Закотасу и сказал:

– Сэр, зайдите, кажется, что-то нашли. Может, подойдет. Ничего и никого другого нет.

Когда он уже в пятый или шестой раз зашел в кабинет аналитика, то увидел на мониторе фамилию: «Гаврилов Александр. В 1977 году пытался передать американскому дипломату свой труд по философии для опубликования за границей. Контакт не имел продолжения».

Закотас внимательно прочитал все немногочисленные материалы его проверки. Там значилось, что Гаврилов сотрудничал с рядом газет в Элисте и Волжске, публиковал свои фотографии в московском журнале «Огонек». Его фотоработы, опубликованные в «Огоньке», были размещены здесь же. Несколько женских

портретов, в основном, каких-то бойцов стройотрядов, молодых передовиков производства. Красивые, улыбающиеся девчонки с непоколебимой верой в светлое будущее в ясных глазах. И только один портрет – явно не вписывался в общий ряд активистов и передовиков: юная девушка лет семнадцати-восемнадцати с огромными голубыми глазами и длинными льняными волосами. Взгляд ее просто завораживал, даже сейчас, спустя почти тридцать с лишним лет.

– Да, этот Гаврилов был, пожалуй, бабник, как говорят в России. И вкус у него отменный. Где он только разыскал такую звезду?

Информация по Гаврилову была до 1990 года, а затем нужда в ней пропала. Раньше он представлял интерес, как диссидент, как человек, которого можно было при случае как-то использовать. Но времена изменились, нужда в старых бойцах с режимом исчезла, новые появились, без философии – и летопись прервалась. Последняя запись гласила, что «Гаврилов открыл фотомастерскую в г. Волжске».

– Черт, дело дохлое, – подумал Закотас. – Ветерану-философу сейчас около шестидесяти лет, а то и больше. Может, и в живых уже нет. Это все осложняет. Но это всё же лучше, чем ничего. Да и определенная свобода действий у меня есть. Еду я по легенде для осмотра достопримечательностей г. Волжска, а там их, судя по рекламным проспектам, очень много. Общение с иностранцами сейчас никто не пресекает, так что надо попробовать. Но полагаться придется на госпожу удачу, и действовать по обстоятельствам.

В чем конечный смысл поиска русского жителя Волжска, пропавшего в районе улицы Луговой, как было сформулировано в задании, он не знал. Тем более, что в этой операции наверное участвовали и другие. Таковы правила, каждый выполняет свою часть. И это нормально.

До Волжска он доехал быстро, хотя трасса, как и все русские дороги, не располагала к гонкам. Несколько раз проверился, нет ли за ним наружного наблюдения, но ничего не обнаружив, успокоился, подумав, что российской контрразведке, видимо, не до него. Да и ничего предосудительного с точки зрения закона он не делает, и самое главное, делать не собирается. Но то, что ему обеспечено внимание русских, он не сомневался.

Закотас по матери был русским, а по отцу американцем греческого происхождения. Мать с детства учила его русскому

языку, заставляла говорить на этом языке наравне с родным английским и он незаметно привык думать на двух языках. Собственно, из-за хорошего знания русского ему и предложили перейти на работу в спецслужбу. После окончания Университета, где он зарекомендовал себя как хороший аналитик, говорил он практически без акцента. И его собеседники, россияне, не всегда признавали в нем иностранца, что было очень удобно. К России Закотас относился равнодушно, как и к любой другой стране, не испытывал к ней ни враждебных чувств, ни любви, ни какого-то особого интереса и рассматривал ее как место, куда его, офицера ЦРУ, послало правительство США для выполнения специфических функций. Временно ему поручили изучить вопросы, связанные с неправительственными общественными организациями, в основном с теми, что окрашены в «оранжевые» тона. Большинство этих организаций располагалось в Москве, в провинции остались лишь небольшие группы, которые после принятия Правительством мер по ограничению их финансовой поддержки с Запада, тихо умирали, поэтому ездить по стране ему особо много не приходилось. В основном, по столице.

Поэтому он рад был возможности проветриться и посмотреть и остальную Россию, располагавшуюся за пределами Московской кольцевой дороги, где, как шутили его знакомые москвичи, жизни нет.

Закотас, приехав в Волжск, не стал утруждать себя осмотром древних церквей и старинной крепости, стоявших на берегу реки в самом центре города. Времени было в обрез, возвратиться в Москву он должен был в этот же день, и он решил не подтверждать свою легенду, а, оставив машину на обочине среди десятков ей подобных, поискал первый попавшийся газетный киоск и попросил все местные газеты за последние три дня. Киоскерша с удовольствием собрала ему всю заваль, скопившуюся у нее и получилась довольно увесистая пачка. Город был невелик, но газет в нем издавали много. Закотас, держа в руках газеты, подумал, что где-то все это надо просмотреть и решил найти какой-нибудь японский или китайский ресторанчик, где можно спокойно посидеть, а заодно и поесть, поскольку подошло время обеда, а оно для него было свято. Он прошелся по оживленной пешеходной улочке, выбирая подходящее заведение, но ничего азиатского ему не попалось. Зато на небольшом белом двухэтажном особняке он заметил вывеску, которая заставила его вспомнить отца-грека. Надпись, стилизованная под античную, гласила: «В грече-

ском зале». «Ого, это то, что надо. Ни разу в жизни не пробовал ни одного греческого блюда, кроме маринованных маслин, тем более, что его отец, американец уже в третьем поколении, предпочитал фаст-фуд. Пожалуй, сюда и зайду», – решил он.

Войдя внутрь, Закотас оказался в небольшом уютном зале с гипсовой фигурой инвалидки Венеры Милосской в углу на постаменте, древнегреческим орнаментом и росписями на стенах, срисованных, по-видимому, с краснофигурных и черно-лаковых древних посудин, копии которых он видел в музеях в студенческие годы.

На небольшом постаменте расположились несколько музыкантов и на бузуки играли нежные мелодии Теодоракиса. «О'кей, здесь и посидим», – решил Закотас и сел за свободный столик. Официант возник перед ним почти сразу и дал меню, произнеся приветствие сначала на русском, а затем на греческом языке. Закотас неплохо владел языком своего отца, поэтому ответил ему по-гречески, чем привел официанта в изумление. Как выяснилось, три приветственных греческих слова – это было все, что тот знал, поскольку в Греции отродясь не был и тяги к изучению иностранных языков никогда не испытывал.

– Вы из Греции? – промямлил он.

– Какая разница, – ответил Закотас и сделал заказ блюд, о которых ничего не знал, но догадывался, что это: бифштекс по-афински, салат «Сиракузы» и на сладкое – кофе и пирожное «Пифия». Американец попытался вспомнить из греческой мифологии, кто такая Пифия, но, увы, так и не вспомнил. Официант ушел, а Закотас стал просматривать одну газету за другой, стараясь хоть где-то найти объявление о розыске пропавшего человека. В газетах, содержащих вчерашние и позавчерашние новости, которые были ему совершенно неинтересны, не было ни слова об этом. Развернув последнюю газету он, к радости своей, наконец-то, нашел, что искал. Объявление гласило: «Пропала девушка Алена Березкина, 18 лет, глаза голубые, волосы светлые, была одета в синюю ветровку и красные сапожки. Последний раз видели в районе улицы Луговой два дня назад в 19 часов. Всех, что-либо знающих о пропавшей, просьба позвонить по телефону...» – и давался номер родственников и её фотография.

Это была удача, на которую он хоть и рассчитывал, но плохо в нее верил, зная, что русские обычно неохотно обращаются в прессу в подобных случаях. Здесь все совпадало: время, улица и само исчезновение. Но самое поразительное он увидел, когда

стал рассматривать фото пропавшей. У него аж сердце екнуло, как будто в юности, когда он случайно встречался глазами с девушкой, которая ему нравилась. Память на лица у Закотаса была профессиональная и он сразу ее узнал, хотя снимок в газете был черно-белым. Да, сомнений никаких не было, это одно лицо: это та девушка, поразившая его на фотографии в старом журнале «Огонек», где публиковался снимок диссидента Гаврилова. В журнале тридцатилетней давности! «Судя по всему, я напал на след. В общем-то, можно уже возвращаться в Москву, минимум информации у меня есть. Но все же надо перепроверить. У меня есть еще одна зацепка – А. Гаврилов. Фотохудожник, неудавшийся философ и бывший диссидент, возможно продолжает жить в этом городе. Надо его вычислить. По крайней мере, попробовать это сделать. Все-таки он может дать какие-то пояснения, только вот будет ли разговаривать. Обошлись-то мы с ним когда-то не лучшим образом».

В это время принесли еду, греческую еду. Все было вкусно и без зверства в виде острых приправ, которые он не любил, предпочитая блюда спокойные, почти диетические. Как настоящий американец, он следил за своим здоровьем.

Когда он заканчивал обед, к нему подошел пожилой мужчина и быстро-быстро заговорил по-гречески, очень темпераментно, по-итальянски жестикулируя. Как выяснилось, это оказался владелец ресторанчика, пожилой грек из Феодосии, где таких как он было много. И он приехал сюда, где греков не было вообще, но о стране такой слышали, частенько ездили туда за дешевыми шубами, уважали греческую культуру, и открыл свой ресторанчик. Дела шли неплохо, по крайней мере, лучше, чем в Феодосии, где у него было уже подобное заведение, которое трижды пытались то взорвать, то сжечь. Конкуренция там была жестокая, да и где она была другой в лихие девяностые. Димитрис, так звали хозяина, не стал дожидаться четвертого раза, все продал, включая бизнес, и уехал вместе с семьей в спокойное среднерусское место.

Здесь, в Волжске, было не в пример тихо. Но одну гранату без «рубашки», почти сразу после открытия, ночью, все же кинули. Никто не пострадал, только стены да мебель. Но Димитрису было не привыкать. А затем все понемногу наладилось. Бандиты, правда, наведывались, но много не требовали, видя, что оборот ресторана был небольшой. А потом и вовсе куда-то исчезли, оставив его в покое, и он превратился в обычного законопослушного налогоплательщика.

Грек еще что-то говорил, видимо, соскучился по родной речи, но говорил, в основном, сам, не давая Зотову вставить и словечка. Заметив газету с фотографией Аленки, он заметил:

– Жалко девушку. Наверное, похитили. Такая красавица. Но здесь Россия, здесь не воруют невест, но такую и я бы украл. Мэрилин Монро отдыхает!

– У нас за похищение можно получить пожизненное заключение в некоторых штатах. Это останавливает безумных влюбленных. А вы ее не знали? – поинтересовался Закотас.

– Нет, не припоминаю. Сюда студенты не ходят, для них это дорого. Мы для людей работающих, у которых есть деньги на хороший обед.

– Кстати, господин Димитрис, вы не подскажете, нет ли здесь хорошего фотомастера. Я бы хотел заказать альбом с пейзажами этого города. Но пейзажи хотел выбрать сам.

– Но ведь есть десятки альбомов, сделанных профессионалами и прекрасно изданных. Зайдите в любой книжный магазин – там огромный выбор.

– Да, конечно, но там нет меня, – засмеялся Закотас. – Так как, подскажете?

Грек немного подумал, а затем сказал:

– Да, я недавно заказывал проспект у фотомастера – настоящий профи. Это в двух кварталах отсюда. Его фамилия Гаврилов, так кажется. Других мастеров его уровня здесь нет, по крайней мере, я таких не знаю.

– Спасибо, – сказал Закотас, рассчитываясь за обед и оставляя щедрые чаевые.

«Удача сама идет в руки, – значит философ-фотограф жив, подумал американец. – О'кей, там-то я и проверю информацию».

Хозяин тоже не остался в долгу, подозвал девушку, которая только что закончила петь под оркестрик, и попросил ее проводить Закотаса до фотосалона. Певице, видимо, поднадоело находиться в помещении, и она с удовольствием согласилась.

– Давно здесь работаете? – спросил девушку Закотас, когда они вышли на улицу. – Нравится?

– Нет, недавно. Я люблю петь. Но пою только днем, вернее во второй половине дня, вечерами здесь работает настоящая гречанка, дочка хозяина и поет по-гречески.

– А что так? Соперница не пускает в прайм-тайм? Или хозяин?

– Я – студентка, учусь в университете, подрабатываю таким способом и мне так удобно.

– Я только что прочитал в газете, что у вас там пропала какая-то студентка. У вас так неспокойно?

– Нет, я бы не сказала. Я слышала об этом сегодня. Говорят, что девушка умненькая и скромная, со второго курса политологии. Но в тихом омуте, как говорят у нас, черти водятся. Может, сбежала с кем-нибудь. Говорят, у нее есть жених, какой-то богатый художник из Петербурга. Скорее всего, уехала к нему тайком от родителей, а те с ума сходят.

Закотас попытался еще что-нибудь выудить из девушки, но ей было больше нечего сказать. Версия, что студентка сбежала со своим парнем из дома, ему не нравилась, поскольку означала, что поиски ему придется начинать снова.

Вскоре они подошли к особняку, на котором висела изящно выполненная вывеска – «Фотосалон А. Гаврилова».

– Это здесь. Интересный дядька. У него многие наши подрабатывают фотомоделями для журналов.

– А вы?

– Я нет, – засмеялась певица. – Мне неплохо платят за голос, он для всех, а все остальное – для моего будущего мужа. Ну, счастливо вам.

– Good bye, спасибо.

И они расстались.

Глава III

Гаврилов сидел в своем уютном, обтянутом черной кожей старинном кресле, купленном в антикварном магазине, собравшим за свою почти столетнюю жизнь коллекцию разнообразных по форме и содержанию седалищ. Он смотрел в окно, где нежаркое осеннее солнце давало одно из своих последних представлений. Скоро занавес из темных бархатных туч закроется, и звезда уйдет на репетиционный период и нескоро появится, чтобы порадовать своим блеском людей, живущих слишком близко к Полярному кругу и слишком далеко от экватора. Сегодня – прощальная гастроль звезды. Гаврилову было хорошо, звезда его согревала, а стаканчик вина возвратил ему душевное равновесие, которое слегка порушил этот питерец. Повезло парню, видно где-то произвел впечатление на красавицу, так похожую на Аленку. А он в свое время не произвел. Тогда, давно, много лет назад. Он влюбился тогда в нее сразу. Так бывает, хотя если бы кто-нибудь сказал ему об этом раньше, он бы просто посмеялся над ним – и все. Забавно – подумал он, как же иногда мужчина бывает беззащитен перед женской красотой, природа позаботилась. Ему всегда не везло в любви, поскольку внешняя красота была для него главным в женщине, все остальное не имело значения. До времени.

Так уж он был устроен. Может, поэтому все его браки разваливались очень быстро. Природа как бы посмеялась над ним, не обделив ни умом, ни способностями, но, дав ему такую незаметную внешность, что женщины чаще всего смотрели на него, как на мебель, без интереса. Может эта потребность как-то исправить несправедливость, когда Природа дает одним – все, другим – ничего или очень мало, обидно мало; и сделала из него фотохудожника? Сейчас он может из последней дурнушки создать фотомодель, на которую будут заглядываться мужчины – читатели эротических журнальчиков. Он так иногда и делал. Брал страшилочку и делал такие снимки, что мужики обливались слюнями. Или еще чем.

Это была компенсация за его неудачную любовь к Аленке, которая появилась в его жизни на один день – и пропала вместе с

этим чекистом. А Олег – ни себе, ни людям. И сам на ней не женился. И куда она подевалась? Питерец, конечно, говорит глупости, что Аленка на фото и его невеста – одно лицо. Совсем чокнулся. Нет, скорее это ее дочка, или внучка. Но для внучки, вроде, рановато. Хотя... да и не все ли равно теперь. Жизнь проскочила мимо, как поезд мимо полустанка. Остается только помахать ей вслед. Вслед Аленке. Интересно, как она сейчас выглядит? Наверное, и не узнать, пожилая дама... Кошмар, лучше не думать.

– Александр Львович, к вам посетитель, можно? – услышал он голос своей помощницы Светланы, которая однажды удачно позировала ему, да так у него и осталась. Он не возражал, ему так было удобно и комфортно. А вот что удерживало её рядом – он не понимал. Да и не пытался это делать.

Гаврилову не хотелось терять в себе это редкое ощущение легкой, приятной грусти, грусти по несостоявшейся любви, по чему-то несбывшемуся, что уже никогда не случится, но дело есть дело. Заказчик – это святое. Это – деньги. А деньги он любил даже больше, чем свое прошлое, и самое главное – никогда не мучился вопросом куда их потратить. Тратить он умел.

– Пусть зайдет, – он встал с кресла, поправил безупречно сидевший на нем твидовый пиджак, купленный в Англии, изобразил на лице дежурную приветливую улыбку и приготовился к встрече с очередным посетителем, жаждущим то ли красоты, то ли известности, то ли еще чего-то, чего он при всем желании не мог дать. Но иллюзии – это – пожалуйста. За ваши деньги вы можете получить любые иллюзии, выбор велик, поскольку это всегда пользуется спросом.

В кабинет вошел высокий черноволосый мужчина, не старше 26-27 лет, одетый немного небрежно, весь чуть помятый, чувствовалось, что он долгое время сегодня провел за рулем.

– Кавказец, – подумал Гаврилов. Но когда человек заговорил без малейшего акцента на хорошем русском, он понял, что ошибся. И все же во внешнем облике человека было что-то нездешнее, что-то такое, что говорило: этот человек издалека.

– Проходите, садитесь. Кофе, чай, виски?

– Нет-нет, спасибо. Закотас раздумывал: выдать ли ему легенду своего посещения, либо сказать правду. Взглянув глазом профессионала на Гаврилова он понял, что тот его легенде не поверит, и ничего не скажет. «Битый дядька», – по-русски подумал Закотас и решил быть откровенным с этим бывшим борцом с советским строем, сочинившим целый философский труд,

который так и остался где-нибудь в архивах КГБ или ФСБ, как теперь они называются. И все же он решил начать с легенды.

– Моя фамилия – Закотас, я сотрудник американского посольства. Приехал для знакомства с городом. Мне порекомендовали вас, как мастера, который может сделать хороший фотоальбом. Меня очень интересуют старинные церкви, но только до 18 века. И мне бы хотелось, чтобы на некоторых снимках был я. Я бы мог сделать заказ?

Гаврилов улыбнулся, вытащил откуда-то коробку с сигарами, достал одну, отщипнул специальным прибором кончик и закурил, не предложив американцу, сразу определив, что этот парень, наверняка, не курит. Впрочем, правильно делает.

– Я, конечно, могу это сделать, но, честно говоря, не люблю играть роль лоха, или, как у нас раньше говорили, дурака. Что-то мне подсказывает, что вас интересует нечто другое. В общем, или откровенно, или никак. Тем более, что доверие к посольским работникам вашей страны я потерял еще много лет назад. Ну, да вы, наверное, знаете, раз обратились ко мне. Вы мне тогда не помогли, не защитили, хотя и могли бы. Такое не забывается и не прощается. Я молился на Америку, бредил Америкой, мне казалось, что там меня поймут, напечатают мой труд и оценят его. Всё оказалось иллюзией, пустой иллюзией. Но вы эти иллюзии всегда хорошо продавали. А теперь я сам торгую иллюзиями и неплохо торгую, как видите. И Вам могу продать, Вы ведь за этим пришли? Впрочем, что теперь говорить да обижаться, что это изменит. Ровным счетом – ничего.

– Я, наверное, должен извиниться за прошлое, мистер Гаврилов. Но тогда, если помните, начинался Хельсинский процесс, все боялись лишних осложнений и скандалов – и советская сторона, и американская.

– Да, вам – отсутствие осложнений и Хельсинский процесс, а мне – процесс лечения в институте Сербского. Ну, да ладно, мы, Russian people, люди отходчивые. Что это я вам понадобился на старости лет. Бороться с этими порядками я не буду, я не Новодворская. Мне сейчас хорошо и комфортно. Я обеспечен и независим. Только молодость ушла и мечты не сбылись. Но здесь американское посольство бессильно, как я понимаю, не так ли, мистер... как вас?

– Закотас, Генри Закотас.

«Чувствуется в нем философ, не высказавшийся до конца», – подумал Американец, и, немного помолчав, заметил:

– Вы правы, на все сто процентов, но меня извиняет то, что в те годы я еще даже не родился. Цель моего появления здесь, у Вас, может показаться странной и необычной. Я бы хотел получить у Вас пояснения к событиям тридцатилетней давности.

– Информацию я оплачу, – добавил он.

– Ну, если только это не нанесет ущерба России. Сидеть у меня нет желания. Вас вышлют – и все, а меня – в солнечный Магадан.

– Не нанесет. Это частный вопрос, – усмехнулся Закотас.

Он вытащил газету с объявлением о розыске студентки с ее фото и сказал:

– Вам она знакома?

– Вот так ничего себе! Что это? Все как с ума посходили с этой девчонкой. Что за игра идет? Впутаюсь, а потом отбрехивайся. Посольство в такие дела лезет крайне редко, здесь что-то серьезное.

– Зачем вам это? – спросил он на всякий случай.

– Я повторяю, это личный вопрос. Если это вас устроит, это моя знакомая, может быть...

– Да ладно, не мучайтесь. Я же сказал, я не нуждаюсь во вранье.

– Я говорю правду. Вы похожую девушку фотографировали, очень давно. Я видел это фото в журнале «Огонёк». И имя одно и тоже. И вот она пропала. У вас есть хоть какое-то объяснение, где она? Вспомните, когда вы последний раз ее видели?

– У себя на квартире, давным-давно! Но поверьте, это простое сходство, совпадение, не больше того.

– Вы что, встречались? Она была вашей подругой? Я угадал? В те времена?

– Нет, это случайно. Она пришла с моим приятелем, чекистом, с ним же и ушла. А снимок, о котором вы упомянули, сделан в ресторане, где мы и познакомились.

– Чекист – это кто?

– Так мы называли сотрудников КГБ, по традиции со времен революции.

– Ее что, КГБ забрало? За что, вы можете пояснить?

– Я не знаю. Просто Олег – тот, кто пришел с ней, кажется, влюблен в нее был. Но с тех пор я ее больше не видел. И это все, что я знаю. И что у них за отношения были – один Бог ведает. Мне тогда показалось, что он ей тоже нравится, хотя кто их, женщин, поймет.

Закотас никак не ожидал такого поворота событий. Значит, девчонка была связана как-то с КГБ. И куда-то подевалась вместе с сотрудником спецслужбы. Пожалуй, этого достаточно. Дальше углубляться просто опасно.

– Спасибо, – сказал Закотас, – вы мне очень помогли. Но я так и не понял – это одно лицо или нет? Пропавшая девушка и та, что на вашем фото?

– Ну, у меня память на лица профессиональная. Очень похоже. Но тогда мы должны поверить в чудо. В то, что девушка «из сегодня» попала в далекое вчера. Так не бывает. У всех чудес есть простое объяснение. Если эти чудеса от человека, а не от Бога.

– Вы правы, – улыбнулся Закотас и, увидев небольшой, хорошо изданный фотоальбом с работами Гаврилова, сказал: – Я хотел бы это купить, – достал 1000 евро и положил на стол. – Автограф, пожалуйста!

– С удовольствием, – сказал Гаврилов, поставил свою размашистую подпись и проводил американца до двери.

И они расстались, вполне довольные друг другом. Гаврилов и предположить не мог, что снимок, сделанный много лет назад, будет так хорошо оплачиваться.

Вечером, даже скорее ночью, Закотас доложил резиденту о том, что ему удалось узнать. Он был парень хоть и молодой, но докладывать умел, поэтому и удостоился похвалы начальства. А в Лэнгли пошла шифровка, которая должна была немного прояснить ситуацию с последствиями несанкционированного срабатывания аппаратуры на разбитом спутнике. И Тэдд Миркин начал ломать голову над тем, как построить письменный доклад президенту США. Он-то как раз докладывать не умел, несмотря на прожитую жизнь. Но ясно стало одно: абсолютно достоверная информация о положении дел в нынешнем веке в России и в мире попала в КГБ. И корректировкой будущего теперь могут заняться они. И последствия для США могут быть не просто плохими, а ужасными.

Глава IV

В Волжском управлении ФСБ ломали голову, на кой черт в их город приезжал американский разведчик и чем вызван интерес ЦРУ к обычной провинциальной студентке, пропавшей несколько дней назад в их городе. Никаких сколько-нибудь реальных объяснений этому не находилось.

Проверка, самая поверхностная, показала, что контактов с посольством США у нее раньше не фиксировалось, в каких-то политических молодежных структурах, интересных американцам, она не состояла, родственников за границей тоже не имелось. Тогда что? Могло быть, конечно, и простое объяснение: американец где-то познакомился с девушкой и захотел её разыскать. Но это было бы слишком просто.

Полковник Руденко, еще молодой, но уже начинающий лысеть начальник отдела, которому было поручено разобраться с этим приездом, засиделся в своем кабинете допоздна, читая документы, накопившиеся за неделю. Некоторые можно посмотреть, что называется, по диагонали, но таких было немного. Чаще всего бумаги диктовали к себе совсем другое отношение и требовали и внимания, и анализа, да и времени. Сам он только что вернулся из Москвы, где с ним провели предварительный разговор перед переводом с повышением в столицу. И, конечно, мыслями он уже был там, на новом месте службы, примериваясь к тем условиям и обстоятельствам, которые его ждут. И это, конечно, отвлекало его, не давало сосредоточиться.

Масштаб работы был привлекателен для него и позволял применить весь накопленный за десять лет службы в контрразведке опыт. Да и серьезный карьерный рост был для него очень важен.

«Одно только паршиво, – думал он. – С квартирой проблема, год придется жить кое-как, как минимум, жену надо куда-то потом устраивать, детям менять школу, входить в новые детские коллективы. Правда оба мальчишки у него неплохо подготовлены – занимались рукопашным боем, учились хорошо, но среди московских снобов укорениться будет непросто. Да и ему придет-

ся несладко. Человек из провинции всегда воспринимается в центральном аппарате с долей скепсиса. Хотя, в традициях сотрудников – уважительное и внимательное отношение друг к другу. Но, все живые люди, и бывает всякое...»

– Да, так что там с этим греком. Ехал грека через нашу реку – и зачем ехал? – улыбнулся он про себя и начал перечитывать информацию по пребыванию Закотаса в Волжске. Что-то не складывается картинка. Американец специализируется на неправительственных общественных организациях, ищет выходы на подходящих людей, организует различные стажировки за рубежом и получение грантов полезными людьми. Но у нас здесь политическое поле давно заросло бурьяном, жизнь как-то устаканилась, и если бы не этот чертов кризис, обстановка развивалась бы только в позитивном направлении. В принципе он должен был встречаться с общественными деятелями, неформалами, лидерами каких-то группировок. А он – сосредоточился на получении информации о пропавшей девушке. Так, а что рассказал Гаврилов? Ах да, вот. Да, он сразу заторопился, когда услышал от Гаврилова, что девушка ушла с той вечеринки с чекистом. И, по мнению Гаврилова, американец считает, что пропавшая студентка и та девушка, что на снимке в «Огоньке» – одно и то же лицо. В чем здесь смысл? Что он искал? Подтверждение чему-то, связанному со студенткой?

Так, а что известно об Алене, ее родственниках? Ну, интерес для них может представлять только ее отец, командир ракетного полка. Может, хотят как-то использовать офицера, похитив дочь, получить от него какие-то секретные материалы в обмен на освобождение... Да нет, это уже беллетристика, а не контрразведка. Да и встречался американец со всеми явно, без признаков конспирации, даже о путной легенде посещения не позаботился или не стал ее соблюдать, заторопился. Да, дело в спешке, информация о девушке им была нужна быстро, сегодня же. Скорее всего, так...

Но, вообще, какая-то ненаучная фантастика. Так, но у нас есть еще одна зацепка – бывший наш сотрудник. Как его?

Руденко снял трубку телефона и позвонил в кадры, но там уже никого не было, поскольку рабочий день давно закончился. А сотрудники ФСБ – такие же люди, и также устают на службе. И иногда вовремя уходят с работы.

– Так, где бы получить информацию об этом человеке? Судя по всему, он закончил службу уже лет пятнадцать назад и его мало кто помнит. Хотя. Точно. Уж он-то все знает...

Руденко, покопавшись в своей записной книжке, нашел номер руководителя ветеранской организации и позвонил ему.

– Привет, Юрий Алексеевич, это Руденко. Извините за поздний звонок. Вы не помните такого Зотова Олега Николаевича. Он ведь у нас работал, но еще до меня. Я его не застал.

– Да, конечно, это был последний руководитель пятой службы. Уволился почти пятнадцать лет назад. Толковый мужик. А что?

– Да мне бы его разыскать. Он, наверное, значится у тебя в ветеранах, нет ли номера телефонного?

– Сейчас поищу, где-то был. Он теперь депутат областной Думы. После ухода со службы организовал небольшое PR-агентство, занимался организацией выборных кампаний. Потом ему надоело работать на других, он поработал на себя. И его выбрали в прошлый созыв. Ну, а в эти выборы прошел по списку. Так, вот его координаты, записывайте.

Руденко пометил себе номер телефона Зотова и, поблагодарив Юрия Алексеевича, положил трубку. Ключ к разгадке этой тайны – так, кажется, говорится в старых романах, – лежит в памяти полковника в отставке Зотова. Так что, товарищ Зотов, вас вызывает на связь ваша контора.

Полковник соображал, как ему лучше поступить: сейчас позвонить отставному коллеге или, все-таки, отложить на утро, которое, как известно, вечера мудренее. Вот именно, мудренее, а не мудрее, подумал он и взглянул на часы: и всего-то пятнадцать минут девятого. Конечно, для деловой встречи поздновато, а вот для дружеской беседы за рюмкой водки в самый раз. Он открыл сейф, где в углу, за стопкой документов стояла бутылка водки на случай простуды или внезапной радости. Стояла она там уже полгода, поскольку ни того, ни другого как-то за это время не случилось.

– Ладно, звоню, в конце концов, он – свой человек, поймет, что скорость в нашем деле – не последняя вещь, – и набрал номер Зотова.

Трубку взяла жена. Ну, по-видимому, жена, а может, дочь. Кому же еще в девятом часу вечера брать трубку в квартире 60-летнего отставника. Правда, голос был молодой и веселый, без тени недовольства, что кто-то тревожит в неурочное время. Руденко представился и вскоре, почти сразу, к трубке подошел Олег Николаевич.

– Здравия желаю, товарищ полковник, – сказал Руденко. Это ваш коллега, правда, я пришел в управление через пять лет, как вы уволились со службы. Так что мы не знакомы.

– Здравствуйте, – глуховатым голосом ответил Зотов. – С чего вдруг обо мне вспомнили? Только не говорите, что вы решили возродить политический сыск. Я уже дисквалифицировался, и попривык к демократии и к свободе слова.

Руденко засмеялся:

– Нет, к счастью, нет, пока обходимся. Олег Николаевич, нужен совет ваш и помощь. Речь идет о событиях почти сорокалетней давности, может быть, вы что-то поясните. А то в архиве у нас по тому случаю вряд ли что осталось. Уже искали. Сами знаете, в 90-е годы, после путча, многое полетело в огонь.

– Да уж, аутодафэ было что надо. Вы намекните, о чем речь, а я покопаюсь в памяти.

– О девушке-студентке Алене Березкиной. Может, подъедете? Тут вчера был визит в город парня из Лэнгли. Очень ей интересовался...

– Все-все, не продолжайте. Пришлите за мной дежурную машину и через пятнадцать минут я у вас. Или вы ко мне приезжайте.

– Олег Николаевич, у меня здесь документы перед глазами, с собой, сами понимаете, их не возьмешь...

– Хорошо, еду.

– Машину я сейчас вышлю.

Руденко положил трубку и почему-то совсем некстати подумал: да, когда-нибудь подойдет и мой час. И я превращусь в обычного отставника с болезнями, ворчанием по поводу политики, бесконечных сидениях у ящика в поисках каких-нибудь особенных новостей. Но этот парень, кажется, не таковский. Держится на плаву, барахтается. Да и правильно. «Движение – все, конечная цель – ничто» вспомнил он цитату, за которую в свое время можно было получить десять лет без права переписки, а сейчас спокойно произносить вслух, без всякой боязни. Как все изменилось. К лучшему, разумеется. Он подошел к книжному шкафу, который здесь стоял, наверное, еще с тридцатых годов, и где хранились книги, которые копились десятилетиями. Руденко их не выбрасывал, все это уже была история: «История Государства Российского» Карамзина соседствовала здесь с толстенной книгой о процессе над троцкистско-зиновьевским блоком, а различные словари, в том числе и знаменитый «La Ruse», стояли бок о бок с книжкой, содержащей самые забористые русские частушки. В общем, литература на любой вкус. Но больше всего было сочинений по истории,

поскольку, как-то так получалось, что его бывшие предшественники имели историческое образование. Причем, встречались и исследования западников, касающихся истории России. Чувствовалось, что хозяева кабинета иногда пытались отойти от канонического понимания прошлого Российского государства, их интересовала и альтернативная точка зрения. Как-то однажды за бутылочкой они разговорились с последним хозяином этого кабинета, который зашел к нему проститься перед отъездом на новое место службы. Слово заслово и у них возник спор, которому могла бы позавидовать и какая-нибудь кафедра истории России в далеком пединституте. Собеседник Руденко, разгоряченный стаканчиком «Абсолюта», с жаром пытался втолковать, что вся каноническая история России – это фальсификат, изготовленный в угоду династии Романовых, которым хотелось доказать свою богоизбранность и обосновать нахождение на троне. Они прервали череду правителей-рюриковичей, и потащили Россию в сторону от ее естественного пути.

И вообще, взгляды на исторические события в России менялись почти сразу, как менялся очередной правитель.

– Возьмите хоть опричнину Ивана Грозного – горячился он. Интерпретаций немерено. И до сих пор спорят о том, что это было? Узаконенный террор или мудрое государственное решение, способствовавшее созданию централизованного государства.

Руденко – человек, пришедший в органы госбезопасности уже после 93-го года, с иными взглядами, тогда только заметил: узаконенный террор – это все равно террор. И никакого позитивного момента здесь нет. Головы летели, кровь лилась...

«Ну, вы еще вспомните про «слезу ребенка» Достоевского», – сыронизировал тогда собеседник.

В это время в кабинет постучали, и исторический экскурс полковника Руденко был прерван на самом интересном месте.

Глава V

В кабинет вошел невысокий, плотный, но не полный, мужчина в хорошем, дорогом костюме и отличной обуви. Несмотря на поздний час, он не выглядел уставшим. Руденко обратил внимание на его глаза – это были глаза человека, привыкшего к власти, умеющего приказывать, привыкшего к тому, что его приказы выполняются точно и без разговоров. «Хотя, может, я демонизирую его. Нормальный мужик, за которым хорошо следит жена, вовремя заставляет менять рубашки, не дает занашивать галстуки и заботится о том, чтобы стоптанная обувь вовремя попадала в мусорный бак», – все это пронеслось в голове у Руденко за секунду и он, приветливо улыбаясь, поднялся из-за стола и направился навстречу посетителю. У Зотова, человека той же школы, в голове за ту же секунду прошел процесс оценки собеседника и кажется, что ничего такого, что бы вызвало неприязнь или неприятие, не возникло.

– Проходите, Олег Николаевич, присаживайтесь. Они сели в кресла, стоящие чуть в стороне, рядом с небольшим журнальным столиком, на котором лежали сложенные аккуратной стопочкой прочитанные газеты, да небольшая шахматная доска, пережившая на своем веку многих хозяев.

– Узнаю свой кабинет, я ведь здесь четыре года провел, отсюда и уходил на гражданку. И книги те же, и шахматная доска... – с улыбкой заметил Зотов, осматриваясь вокруг.

– Олег Николаевич, я думаю, по рюмочке водки могут позволить себе два полковника во внеслужебное время.

– Раз есть предложение, возражений нет. С удовольствием.

Руденко открыл сейф, достал бутылку «Абсолюта» и разлил по стаканам – тонким старинным стаканам, из которых обычно пьют чай, предварительно поместив их в мельхиоровые подстаканники. Но здесь был другой случай, тем более, что чай от них никуда не уйдет.

– Ну, за встречу, – проговорил Руденко, поднимая стакан.

– Алаверды! И за дальнейшее укрепление воинской дисциплины, – в тон ему совершенно серьёзно, без намека на иронию,

проговорил Зотов и привычно выпил весь стакан до дна, так, как будто это была вода, а не водка.

Они закусили бутербродами с сухой колбасой и красной икрой, и благодатный жар появился в крови, и жизнь немного поменяла свою окраску, поскольку в ней стали преобладать светлые тона. Да, водка отстирывает жизнь добела, сгоняет все пятна, но ненадолго, хотя иногда и этого хватает.

– Ну, так что стряслось, – проговорил Зотов, покончив с бутербродом.

– Олег Николаевич, буду откровенен, тем более, что особых тайн здесь нет. Вчера в нашем городе побывал установленный американский разведчик и весь день пытался получить информацию об Алене Березкиной, той, что пропала. Вы, может, слышали? По данным, полученным от фотографа Гаврилова, американец считал, что девушка, которую когда-то снимал Гаврилов для журнала «Огонек», и Алена Березкина – это одно и то же лицо. И все бы ничего, да промежуток между событиями слишком велик – без малого тридцать пять лет. Вы, как я знаю, последний, кто видел Алену много лет назад.

– Да, не продолжайте. Сегодня, кстати, ко мне приходил жених Алены, питерский художник, тоже ее ищет. В общем, сплошные следопыты. Ну, что ж, слушайте, – и Зотов рассказал всю предысторию появления Алены в его квартире.

– И что же было дальше, – спросил Руденко, заинтригованный историей, случившейся давным-давно, когда он был еще маленьким мальчиком. – Вообще, во все это трудно поверить. У вас есть какие-то версии?

– Да, это у меня первым делом и спросили в Комитете, куда я привез Алену для беседы с руководством.

Глава VI

Нас поселили в «Пекине», ну, знаете, на площади Маяковского. Приехали мы туда ночью, но обошлось без обычных осложнений, номера нам были приготовлены. Когда мы заселились, я заметил, что номер, предназначавшийся девушке, находится под наблюдением. В вестибюле, откуда хорошо просматривалась дверь ее комнаты, сидел молодой парень и читал газету. Нормально. В четыре утра. Но он особо и не скрывался. От меня нечего было таиться, а Аленка по своей непричастности к спецслужбам, ничего не заподозрила.

Утром со мной связались из приемной Самого и сказали, что я должен быть готов прибыть вместе с девушкой к 16-ти часам на Лубянку. И быть на телефоне. До этого никуда не отлучаться.

– А как же с завтраком? – нетактично поинтересовался я, поскольку голод – не тетка, и даже не более дальняя родственница.

– Вам принесут в номер. Девушка должна быть при вас постоянно.

– Есть, – ответил я. А, в общем-то, я сильно нервничал. Да и как иначе. Для нас Председатель Комитета был почти Богом. И я думал не о том, что сказать и как доложить, а как унять дрожь в коленях. Судя по тому, что меня, старлея, вызвал к себе Сам, да еще без моего начальства, это означало, что случай с девушкой расценивали, как уникальный. Все хотели получить информацию из первых рук.

В назначенное время мне позвонили и сообщили, что машина за нами вышла, и чтобы мы спускались вниз. Аленка выспалась, хорошо пообедала и, кажется, была совершенно спокойна, никакого испуга я не заметил. Мы приехали на Лубянку чуть пораньше назначенного времени, с запасом, но задержки никакой не произошло, поскольку пропуска нам были заготовлены. Дежурный офицер проводил нас сначала к одному из помощников Председателя, и мы предварительно переговорили. Вот там-то они задали мне вопрос о версиях.

– И что же вы ответили тогда? Представляю, как вас крючило перед таким визитом, – улыбнулся Руденко. – Там и гене-

ралы не всегда умели сохранять спокойствие и горстями ели валерьянку с валидолом.

– Да уж, врагу не пожелаешь. Я, видимо, очень несвязно пояснил, что версий у меня две: либо у девушки богатая фантазия, либо она действительно каким-то образом переместилась во времени. Способ такого перемещения надо выяснять.

– Но у вас же еще была и третья версия, – сказал помощник. – Девушка подготовлена в зарубежном специальном центре для проведения акций идеологических диверсий, направленных в среду советской молодежи. Разве не так?

Я понимал, что эта версия для помощника наиболее интересна и понятна, но, тем не менее, отвечал: «Я это исключаю, как и первую версию. Люди, которые фантазируют, не могут воспроизвести детали, подробности. Да и психиатр, который с ней беседовал, нашел ее вполне здоровой. Если же она идеологический диверсант, то почему-то сразу засыпалась, попав на квартиру чекиста, и не сделала попыток скрыться, а охотно общается с сотрудником КГБ. Да и девчонка искренняя и не искушенная в политических играх. Как ни странно, – сказал я тогда, – фантастическая версия и есть самая реальная».

Помощник, сделав пометки в записной книжке, ушел ненадолго, а я вышел из его кабинета и сел рядом с Аленкой, которая, в отличие от меня, оставалась спокойна и только с любопытством рассматривала кабинет, и развешанные по стенам портреты Дзержинского, Ленина и Брежнева. Меня поразило, что она не знала, кто такой Дзержинский, у меня это не укладывалось в голове.

Ждать нам пришлось долго, почти час. Я уже перегорел, и у меня возникло чувство усталости и отстраненности от всего, что здесь происходит. Очень хотелось, чтобы все это поскорее закончилось, и одна мысль постоянно крутилась у меня в сознании: «Мне надо сделать все, чтобы Аленку не оставили здесь, в Москве, иначе, я ее могу потерять. Начнутся всякие проверки, тесты, на лай-детекторе прокатают». И что потом с ней будет?

А мне этого не хотелось. Вы видели, что девушка она красивая, да и подружились мы за эти три дня. В общем, я, наверное, был слегка влюблен, и меня беспокоила ее судьба. Да и не знаю почему, но я верил тому, что она рассказала.

Помощник, неслышно появившийся в приемной, сказал: «Проходите, вас ждут, обоих». А мне шепнул: «Не забудьте доложить о прибытии по форме, мы все-таки погоны носим».

– Есть, – ответил я и на ватных ногах первым вошел в кабинет Председателя КГБ СССР. Сделав несколько шагов вперед, я вытянулся в струнку, как учили, и доложил: «Старший лейтенант Зотов по вашему приказанию прибыл».

Председатель слегка улыбнулся и произнес:

– Проходите, старший лейтенант Зотов, и вы, Алена. Присаживайтесь и успокойтесь оба, а то у нас разговора не получится.

Первый раз в жизни Олег общался с человеком, которого раньше видел только на портретах в кабинетах своих начальников. Он бы, наверное, так и прослужил весь свой срок, не увидев его, если бы не это фантастическое обстоятельство. Как понял Олег, накануне, сюда для доклада приглашали начальника их Управления, и, видимо, тогда и пришла в голову мысль поговорить с носителем информации из будущего напрямую. Случай почти беспрецедентный, такой же фантастический, как появление Алены.

Председатель КГБ, один из умнейших людей страны, совсем не был похож на забронзовевшего вельможу, и смотрел на них не как государственный и партийный чиновник, находящийся на самом верху партийной иерархии, а скорее, как отец, который расспрашивает своих детей, как у них дела в школе и дома.

Расспросив Аленку о ее родителях, об учебе в университете и даже поинтересовавшись конкурсом при поступлении, он попросил девушку рассказать о своем времени и, прежде всего, о политической и экономической системе. По-возможности, с фамилиями. Алена сначала все рассказывала сбивчиво, хаотично, но все же через некоторое время вошла в колею и, как студентка-отличница, вызванная отвечать на каком-нибудь семинаре, говорила долго и обстоятельно. Председатель КГБ ее практически не прерывал, внимательно слушая все, что она рассказывала. И только один раз, когда она остановилась на последних выборах и смене президента Путина, бывшего сотрудника КГБ, Президентом Медведевым, он задал вопрос: «А Путин сам откуда?»

– Из Петербурга, – ответила Алена.

– Из Ленинграда? – переспросил Председатель.

– Это он раньше так назывался, а теперь Петербург.

Дав Алене выговориться, он стал задавать ей самые различные вопросы, но особо расспрашивал о тех людях, которые в ее время находятся у власти, их фамилии и должности. К концу

беседы Алена так устала, что уже еле ворочала языком. Хозяин кабинета, видя это, позвонил куда-то, и через минуту перед ними стояли стаканы с крепким чаем, тарелочка с сухим печеньем и конфетами.

– Угощайтесь, замучил я вас совсем. Я ведь понимаю, что вы всего лишь второкурсница исторического факультета, переименованного в политологический, и многого не знаете. Но вы рассказали невероятные вещи. Наверное, я бы должен сказать, как чеховский герой: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Но, тем не менее, вы – передо мной, а нашей страны – СССР – через каких-то тридцать с лишним лет не будет, социализм уйдет в прошлое, а преемница КПСС – КПРФ – станет оппозиционной партией и вынуждена будет на всеобщих выборах доказывать свою способность выражать интересы народа. В это верится с трудом. А уж если совсем честно – не верится совсем.

Пока Олег и Аленка пили чай, Председатель ходил по кабинету и молчал, а затем подошел к ним, видя, что чаепитие закончилось, и сказал:

– Все, что вы сообщили, чрезвычайно интересно. И нам всем есть смысл подумать, каковы же наши действия, что мы можем предпринять, чтобы уже сегодня начать работу по возможному предотвращению развала страны. Ваша информация очень ценна. Мне даже кажется, что как будто кто-то специально послал вас в прошлое, чтобы предупредить нас. Но мы материалисты и будем искать всему разумное объяснение. Спасибо. Благодаря вам мы попробуем сделать так, чтобы то, о чем вы рассказали, никогда не произошло. Ни в настоящем, ни в будущем. За себя не волнуйтесь. Поезжайте сегодня в свой город, мы поможем вам устроиться и адаптироваться. Но одна просьба – никому ничего об этом будущем, и кто вы такая не рассказывайте. Это теперь тайна. До поры, до времени, конечно. Договорились?

– Конечно, – поспешно сказала Алена, которая опять порозовела после крепкого председательского чая. Но я хочу домой, неужели нет никакой возможности вернуть меня? Я так и не понимаю, что произошло. Может, это все-таки мое дурацкое кольцо? – с надеждой спросила она. Но Председатель КГБ был уже пожилым человеком и в сказки давно не верил. Он доверял только проверенной информации.

– Мы разберемся, Алена. Материально мы тоже вас поддержим. Ну, а раз старший лейтенант приютил вас, тем более, что

занимает вашу квартиру, поживите еще немного у него. Для вашего же спокойствия. Вы не против, Олег Николаевич?

– Нет, конечно, товарищ генерал армии.

– Ну, ну, не так торжественно. Спасибо еще раз, поезжайте в Волжск. Если понадобится, мы вернемся к этому разговору. Счастливо. А на память о нашей встрече, – он взял со стола коробочку, – возьмите эти часы. А вас, товарищ старший лейтенант, благодарю за службу. Вы сработали четко и профессионально.

– Служу Советскому Союзу, – отчеканил Олег, радуясь тому, что девушка возвращается с ним назад и, конечно, похвале Председателя.

Когда они вышли из кабинета, к ним подошел помощник и попросил Алену подписать обязательство не разглашать сведения, составляющие к этому моменту государственную тайну. А еще три дня назад этой гостайной была ее жизнь. Простой жизнью обычной российской студентки из старинного русского города.

На улице девушка рассмотрела подарок: миниатюрные женские часы оказались золотыми и с дарственной надписью. Там было написано от кого, но ни слова о том – кому.

Глава VII

Оставшись один, Председатель КГБ еще полчаса молча сидел в кресле, раздумывая над тем, что услышал. Он знал много мировых тайн, но они не тяготили его чисто по-человечески. Это были тайны понятные, объяснимые, хотя и тщательно оберегаемые, и правительствами других, враждебных стран, и правительствами дружественных государств, и отдельными людьми. Кажется, этого человека уже ничем нельзя удивить – он готов к восприятию любой информации, но здесь – здесь что-то выходящее за рамки здравого смысла. А он всегда находился внутри этих рамок – и не мог объяснить себе весь этот ужас, который рассказала ему умненькая девчонка из фантастического будущего: СССР распадется по тем границам, которые когда-то, в спешке, провели, чтобы не обижать бывшие угнетенные народы царской России. «Тюрьма народов» – так определил ее Ленин, но сейчас-то все другое, и что же – бунт и побег? И нельзя было ничего сделать? Неужели и нас коснется процесс распада всех бывших империй? Даже Британская империя развалилась, а наша жила, хоть и под другим именем – СССР. Неужели это действительно объективный процесс, независящий от воли народов и правительств? И нами этот процесс закончится? Грузия замахнулась на Россию... И бывший гебист Шеварнадзе, которого прочат в Политбюро, поведет позорную политику, отдаст власть националистам. А по Украине? Да что это за люди, откуда, из каких щелей они повылезут?

А что делают, когда появляются щели? Их ликвидируют, например, сплачивают доски, промазывают специальной мастикой, а клопов да тараканов, любящих сидеть по щелям, морят или давят. Так что – выход в сплачивании народа, а тех, кто ждет своего часа – выявлять и давить? Девушка назвала фамилии – большинство ни о чем мне не говорит. Ну, разве что этот партийный функционер со Ставрополья, бывший комбайнер, да свердловский обкомовский деятель... Вообще-то, это преданные партии люди, хотя, возможно, и с большими амбициями. И такие трансформации...

Председатель еще немного походил по кабинету в одиночестве, затем подошел к столу и, сняв трубку, сказал:

– Зайди, пожалуйста, посоветуемся.

Через несколько минут в кабинет вошел Первый зам председателя, его близкий товарищ, с которым его связывали долгие годы совместной работы.

– Что ты об этом думаешь. Выскажи свое мнение...

– Легче всего это списать на какую-то болезнь. Может быть, так и придется сделать в отношении этой студентки.

– Да я не об этом. Я тебе задаю главный вопрос нашей интеллигенции: Что делать? А кто виноват – потом подумаем.

– Здесь два главных посыла: наша страна утратила возможности развития, заложенные в существующем строе и под воздействием негативных политических, а главное, экономических факторов распалась.

– А партия, она тоже распалась? Почти 18 миллионов коммунистов – это же сила, да еще какая сила. Что, все разбежались? Почему?

– Ну, не все. Как я слышал, там существует КПРФ.

– Да, только ее влияние ограничено.

А мы, что мы зря создали мощное 5-е управление, которое держит под контролем всех инакомыслящих, проводит огромную работу по их нейтрализации?

Они оба еще немного помолчали, пытаясь осознать масштаб перемен, которые произойдут в их стране. Могут произойти, если...

Кажется, они подумали об одном и том же. Председатель посмотрел на своего зама, и тихо сказал:

– Что ж, давай допустим, что все это правда. И в наших руках бесценная информация, которая дает нам возможность откорректировать будущее, спасти страну от распада... Это, пожалуй, главное... Значит, мы должны сейчас, на своем уровне вмешаться. Кого-то задвинуть, кого-то поддержать, кого-то нейтрализовать...

– Но как все это кажется на будущем? Не произойдут ли еще более страшные вещи... Знаешь, мне иногда кажется, что История выбирает путь наименьшего зла. Хотя, может, и ошибаюсь.

– Все так, но субъективный фактор в истории очень силен. Но он все же не главный. Да, у нас в руках сейчас мощнейшее оружие, посильнее атомного, а?

– Да, ты правильно заметил, оружие. Помнишь, кто-то сказал: если в первом действии спектакля ружье висит на стене, то

в третьем действии оно должно выстрелить. Вопрос, в кого полетит пуля... Мне кажется, она полетит в нас. Во всех нас. Во все человечество. А это уже не наш уровень.

– Думаешь, докладывать Самому?

– Нет, не думаю. Да и о чем? О бреднях сумасшедшей девочки, наслушавшейся враждебных голосов? Доложить о том, что сбудутся мечты наших идеологических противников?

Во-первых, нам не поверят и сочтут либо за сумасшедших, либо за новых ревизионистов.

Во-вторых, если поверят во все это, потребуют принять меры. А какие – вот вопрос. Корректируя будущее, мы можем наделать таких бед, что даже спрогнозировать не сможем, что будет ждать страну. Да и весь мир.

Кстати, ты не читал Брэдбери?

– А кто это?

– Американский фантаст. В одном из рассказов человек отправляется на сафари в далекое прошлое и случайно убивает там бабочку. А возвращается назад, там уже другой президент и все другое, только хуже...

– К чему ты клонишь?

– К тому, что ничего трогать нельзя. Этой информацией нельзя пользоваться. Мы не можем брать на себя функции Бога, хотя мы и атеисты, вроде бы.

– Да, все так, все так. Пожалуй, ты прав. Все это казус, не больше того. Но одну, совсем крохотную подстраховочку, мы все же сделаем. Я думаю, это не сильно изменит будущий мир, но хотя бы даст надежду нашему народу на нормальное развитие и достойную жизнь. Нам же придется когда-нибудь отвечать перед ним.

– Перед Леонидом Ильичем?

– Нет, перед Богом...

– Да, так что же за корректировочка?

– Этот парень, Путин, я уже поинтересовался, учится на юрфаке Ленинградского университета. Надо будет отследить и убрать все препятствия, если они возникнут, на его пути к нам. В органы госбезопасности. По крайней мере, его будет трудно обмануть, он научится разбираться в людях и поймет многие тайные пружины механизма по имени Государство.

– Да, это правильно. Я возьму это на себя, мы все сделаем, – сказал Первый заместитель.

Они еще немного посидели, выпили по чашке чая и поговорили о текущих делах, не относящихся к случаю со студенткой.

И только когда прощались, первый зам спросил у своего начальника:

– Вы тут упомянули об охотнике из рассказа Брэдбери. А на чем он попал в прошлое?

Председатель усмехнулся:

– Ну, как на чем? На машине времени, конечно. Там она уже была изобретена и возила туристов.

Он посмотрел на своего товарища и спросил:

– Думаешь, они в Штатах что-то запустили такое? Но почему тогда здесь оказалась русская девушка, а не подготовленный американский разведчик? Это было бы логично.

– По-моему, что-то у них сработало не так и не в том месте. Но кто знает, когда эта попытка повторится. И как выявлять этих людей... Вот этих надо опасаться по-настоящему. Сюда могут придти подготовленные профессионалы.

– Ну, не увлекайся. Не будем мы тратить силы на фантомы. Это бессмысленно.

– Как знать, – задумчиво произнес первый зам, и они расстались. Было уже поздно. Но спать не хотелось. Бессонница обоим была гарантирована. Председатель взял в руки папку с материалами по случаю перемещения во времени. Она была очень легкой, но могла раздавить мир. И он положил её в сейф. Пусть лежит.

Глава VIII

Руденко, выслушав рассказ Зотова, взял бутылку и налил в оба стакана еще по глотку.

– Да, без пол-литра не разобраться. А что стало с Аленкой? Ее отпустили из Москвы или бросили в психушку?

– Нет, мы спокойно уехали. Мне дали команду постоянно находиться при ней и три дня мы жили спокойно, днем гуляли, а вечерами я водил ее в театры, да на концерты. В общем, вели жизнь светскую и рассеянную. Но на исходе седьмого дня после ее появления в моей квартире, я почувствовал, что она как-то уж очень заметно нервничает. Вечером она попросила меня сходить с ней на то место, где все и произошло. Я, честно говоря, думал, что она начинает привыкать и к нашей жизни, и ко мне. Все-таки мы были очень молоды, и я видел, что ее тоже тянет ко мне. Тем более, я был единственный ей близкий человек в нашем мире. И, тем не менее, в тот вечер, где-то без десяти минут семь мы были на том самом месте у хитрого рынка. Мы стояли под осенним дождиком, оба расстроенные и озябшие. Аленка плакала. Я как мог, успокаивал ее, и, в конце концов, сказал, что не представляю, как буду жить без нее, если...

– Что если? – спросила она. – Ты веришь, что я могу вернуться?

– Я этого боюсь, – произнес я и, обняв ее, поцеловал в губы, теплые и мягкие девичьи губы, еще не привыкшие к злым поцелуям, которыми обмениваются партнеры по сексу, но только не влюбленные. А я был влюблен.

Вы знаете, все люди, когда целуются, закрывают глаза, я тоже стоял с закрытыми глазами и был в эту минуту самым счастливым человеком... «Только бы ничего не случилось», – подумал я тогда и сказал зачем-то:

– Аленка, только не крути кольцо, а то вдруг оно тебя вернет назад, что я буду делать?

Аленка показала мне свою руку. Камень на кольце был сверху, но мне показалось, что оно сверкнуло изнутри, и я опять обнял ее и закрыл глаза, а когда открыл через секунду, увидел,

что обнимаю пустоту. Рядом никого не было. Девчонка, которую я полюбил, исчезла. Просто исчезла – и все. И я помню ее всю жизнь. Вот такая вот love story по-российски.

Старый полковник замолчал, и держа тонкий стакан с недопитой водкой, с ироничной улыбкой сказал:

– Печальная история, которая не должна происходить с сотрудником контрразведки, но произошла.

– Олег Николаевич, еще один деликатный вопрос: а вы не встречали ее сейчас, в нашей жизни?

Олег с горечью усмехнулся:.

– Смысла не вижу, я старый, дважды женатый мужик, а она только заглянула в мою жизнь, когда я был молод, как солнышко в окно – и исчезла..., корректировки моей жизни не произошло. Да она и невозможна. Она прошла так, как должна была пройти.

Они еще выпили по глотку и Зотов ушел, немного взволнованный и печальный, в свою привычную жизнь, где уже ничего нельзя изменить. Да и не надо, а Руденко остался, чтобы составить для себя полную картину всего происшествия и подготовить ответ в Москву. Судя по информации, которую удалось собрать, американский разведчик приезжал, чтобы подтвердить или опровергнуть факт перемещения во времени Алены Березкиной. Зачем-то им это было нужно. Но разгадку можно, наверное, найти в архивах Комитета. Наверняка там хранилась информация от Начальника Управления того времени, направленная в Центр, и какие-то документы о той встрече.

Да, не исключено, что американцы что-то испытали, какое-то устройство, но оно сработало на территории России. А Аленка – она случайно попала во всю эту историю. Надо будет выбрать время и побеседовать с ней.

Глава IX

Шел седьмой день с того момента, как пропала Алена. Сид ежедневно бывал у ее родителей, пытался рассказать им свою версию пропажи своей невесты, связанную с кольцом, но ее отец так взглянул на него, что тому стало ясно: это здесь не проходит. Человек, который каждый день имеет дело с оружием огромной поражающей силы, способной снести с лица Земли целые города – верит только в здравый смысл. И в силу Приказа, который, в случае чего, ему придется выполнить. Сид только заикнулся было о машине времени, как полковник иронично заметил:

– А какой марки – Шевроле, Тойота, Форд? Вот эти делают машины нашего времени, а все остальные – временные машины, особенно наши.

Его ни в чем не убедило даже фото Аленки в «Огоньке» сорокалетней давности:

– Ну похожа, только и всего.

Поверить в то, что это она он не мог.

– Если я в это поверю, – сказал он, – меня завтра же надо снимать с командования ракетным полком. Чтобы я не вдарил по созвездию Большой медведицы из опасения, что она нападет на нас.

Они оба куда-то звонили, с кем-то разговаривали, и Сид понимал, что вообще-то он здесь лишний, и что лучшее, что он может сделать – это уехать. Да и дела требовали его присутствия в Питере. День назад позвонил Урхо Синисалло и сообщил, что договорился о выставке-продаже его работ в Швеции. Это требовало подготовки, достаточно нудной и затратной по времени. Работы надо было отобрать, запаковать, оформить документы – ну, мы страна казенная, у нас все не просто. Любая мелочь может превратиться в непреодолимое препятствие. Даже получение какой-нибудь простейшей справки в малозначительном учреждении способно надолго отравить жизнь. Да он и соскучился по работе, ему хотелось встать за мольберт, посадить напротив себя натурщицу и уйти в этот по-настоящему фантастический мир творчества, где ничего не зависит от других людей, их на-

строений, проблем, несчастий и радостей, а на кончике его кисти находится еще нерожденный мир. И только он может этот мир создать и открыть людям.

Сид решил перед отъездом в Питер заехать к родителям Алены. Он припарковался во дворе, где, к счастью, нашлись свободные места, и впервые, пожалуй, внимательно оглядел этот небольшой дворик, окруженный домами Брежневской постройки с разросшимися тополями и березами, посаженными, к сожалению, слишком близко к окнам и, наверное, закрывающим людям солнце.

– Наверное, ворчат, а спилить не смеют, жалко, – подумал он. Маленький, аккуратный заборчик, сверкающий свежей зеленой краской, в одном месте был повален – машина разворачивалась задом – и задела. И этот симпатичный заборчик теперь будет так валяться очень долго, может быть всегда. Да и какой смысл что-то поправлять, если завтра очередной водитель, озабоченный только тем, как вырулить, еще в каком-то месте повредит это почти бесполезное сооружение. Повредит – но не поправит потом. Это не его дело. Конечно, немного неудобно перед остальными жильцами – ну, да забор – не человек. Ущерб невелик. Вот если бы царапина от наезда возникла на его машине – вот тут он бы попереживал.

И Сиду пришло в голову, что все вокруг него здесь чужое, которое никогда ему близко не будет, а Аленка... Надежды, что ее найдут или она вернется, почти не осталось. По крайней мере, у него. Он тоже понемногу начинал понимать, что все эти совпадения – не больше, чем фантазии творческого человека, который воспринимает мир сначала через эмоции, а потом уже через разум.

Он поднялся на третий этаж, немного постоял перед дверью с аккуратной табличкой с номером «21» и нажал звонок. Ему открыла мать Алены. Она была тиха и печальна. Так выглядят женщины, когда в доме кто-то умер. И здесь, при виде матери невесты, все в нем почему-то взбунтовалось. Нет, не может бесследно исчезнуть молодая, красивая девушка, должно что-то произойти, наконец, что-то хорошее, доброе, то, что наконец-то порвет эту паутину горя, опутавшую этих, уже не чужих ему людей. И он, преувеличенно бодро поприветствовав родителей, сказал:

– Что бы там ни было, я уверен, она жива и скоро появится. Вы можете мне верить или не верить, но случилось что-то из

ряда вон выходящее. Я видел следы ее пребывания там, в том времени, хотя я точно не шизик, несмотря на то, что профессия у меня творческая. И воображения требует. Но все случившееся не игра моего воображения.

Родители Аленки безучастно слушали, но, скорее всего, не слышали, да и что здесь слушать, сказки?

Они еще немного посидели все вместе, и затем Сид распрощался, сказав на прощание:

– Позвоните, если что. Да и я буду позванивать. Ждать всегда тяжело. Но ничего другого нам не остается. Алена вернется – и все будет хорошо. Я в это верю. Поверьте и вы. У меня хорошие предчувствия.

Сид вышел из дома совсем в другом настроении. Что-то внутри него произошло, то ли это аутотренинг так на него подействовал, то ли у него действительно появилась уверенность, что вот-вот все закончится благополучно. А что будет дальше?

Он сел в машину, взглянул напоследок на дом своей пропавшей и заплутавшей где-то в переулках Времени невесты и подумал: «Вернусь ли я сюда? Не знаю, даже если девушка внезапно появится... Бог послал мне какое-то испытание, но я его, кажется, не выдержал. Уезжаю я отсюда с чувством облегчения. Ну, все, хватит самокопаний. В 21 веке это не модно. Да и бессмысленно». И он вспомнил поговорку, которую частенько проговаривал его отец в безнадежных ситуациях:

«И жизнь такова, какова она есть. И больше н и к а к о в á!»

Гениальная пословица, а ведь кто-то ее придумал. Явно, человек и умный, и с юмором.

Глава X

Сид, выехав в центр города, остановил свой «Форд» у обочины, еле втиснувшись между «Лексусом» и маленькой «Окой» – вот уж воистину между слоном и моськой.

«Окой, О'кей», – поиграл он словами, после того, как парковка закончилась.

Он расплатился за гостиничный номер, подмигнул Виоле, которая о чем-то разговаривала с девушкой на ресепшене и, заметив его, улыбнулась своей красивой, но, увы, не только ему предназначенной улыбкой, и пошел в последний раз прогуляться по городу. Просто так, без цели, хотя и бродила где-то в закоулках сознания мысль: может, случайно встречу ее?

На улице было холодно и сыро, мелкий осенний сеянец напоминал, что лета придется ждать долго, и этот промокший мир надо принимать таким, какой он есть, поскольку не создал Бог никакой ему альтернативы. И ничего не поделаешь, хотя человек, по идее, должен сопротивляться обстоятельствам.

Например, купить зонт от дождя, уехать из холодной осенней России в Аргентину на зиму и там пережить холода, если, конечно, есть деньги, включить музыку, если достали постоянные напоминания, что мы живем в эпоху кризиса и нас ждут еще более худшие времена. Сид шел по улице, главной улице, не торопясь, вглядываясь, уже как художник, в лица людей, стараясь поймать какое-то необычное выражение глаз, странный поворот головы, редкое сочетание цветов и оттенков. Он понемногу входил опять в творческий процесс, который и составлял смысл его жизни. Около двухэтажного особняка, выкрашенного в желтый и белый цвет, он невольно замедлил шаги, услышав забойный и почти забытый рок-н-ролл. И ему стало завидно. Там, наверное, отплясывают молодые парни и девушки этот забойный танец, влюбляются, флиртуют, пьют вино, треплются о разной чепухе, кому-то звонят по мобиле, забыв об экономии.

Поравнявшись с окном нижнего этажа, он невольно взглянул туда, чтобы убедиться в своей правоте. И внезапно увидел девичье лицо с приплюснутым носом, прижатым к стеклу. И

такая вселенская скука была на этом лице, скука, которую ничем не избыть. И Сид рассмеялся. А девчонка в окне, увидев его смеющееся лицо, показала ему язык. И ему стало еще веселее. Да и ей, кажется. Она тоже улыбнулась и проводила Сида глазами, пока он не скрылся из вида. Музыка в пустом доме – конечно, это грустно.

Грустно, когда некому под нее веселиться, петь песни, разговаривать, рассказывать веселые истории, обсуждать планы на будущее. Но, все-таки, пока музыка звучит, и ты ее слышишь – не все потеряно. Кто-то, да и услышит тебя. Может, и сама жизнь. Она иногда показывает тебе язык, как эта девчонка, но улыбаться она тоже умеет.

Сид дошел до фотоателье Гаврилова и увидел, как перед дверью разговаривают две молоденькие женщины. Им что-то там надо. Они тоже рассчитывают услышать музыку в этом доме, музыку какой-то иной жизни, и даже если это окончится обманом и иллюзией, то это будет прекрасный обман. Прекрасный обман, да вся наша жизнь – прекрасный обман. Мы рождаемся, живем с надеждой, что будем жить вечно, а это оказывается обманом. Самым большим обманом. Как и все остальное: куда-то уходит любовь, куда-то пропадают радость и счастье, и наваливается одиночество и остается музыка в пустом доме. Если, конечно, исправен музыкальный центр, и есть чем платить за электричество.

Сид, чуть постояв на углу, возле концертного зала, прочитав афиши и на ходу обменявшись репликами по поводу цен на билеты с каким-то человеком, которому хотелось послушать органный концерт Баха – самая оптимистическая музыка в эпоху кризиса, быстрым шагом вернулся назад. И уехал из этого города. Город ему понравился. И он, кажется, понравился городу. Но ему хотелось домой, в Питер. Где своя музыка. И свой пустой дом. А ему так хотелось, чтобы Аленка и наполнила его дом, и стала его музыкой. И все это могло быть. Или будет?

В половине восьмого он уже въезжал в родной город, по которому соскучился так, как можно соскучиться только по любимому человеку. Даже питерский дождь показался ему родным и ласковым, хотя он был таким же холодным, как в Волжске.

Уже когда он вернулся на Марата, у него в боковом кармане зазвучал мобильник. Он посмотрел на номер – это был домашний номер Алены.

– Привет, – неожиданно услышал он голос Аленки. – Это я. Я вернулась. Жаль, что ты уже уехал. Все в порядке, не беспокойся. Спасибо, что был здесь, поддержал моих.

– Господи, слава Богу, ты нашлась. Где ты пропадала?

– Потом расскажу. Но я звонила маме оттуда. У меня зарядка кончилась, а то бы я и тебе позвонила, – как бы оправдываясь, сказала она.

– Я завтра приеду, только чуть отдохну. А завтра...

– Нет, не стоит, Иван, – она впервые назвала его так. – Мне надо прийти в себя. И в свое время. В наше время. Ты меня понял? Мать мне рассказала, как ты меня искал здесь.

– Ну, ладно, я счастлив, что все это закончилось. Я за это время стал детективом.

– Спасибо. Ну, пока. Я позвоню. Я очень хочу тебя увидеть, но не сейчас.

– Конечно, я понимаю, – сказал Сид. Он оставил машину под окнами. Долго, как обычно, возился с замком, но, войдя, наконец, в квартиру, лег, не раздеваясь, на диван и заснул. Он устал за эти дни. И очень хотел спать. А все остальное было уже неважно. Тем более что все, кажется, закончилось.

ГлаваXI

– Ты куда, мам? – спросила Алена, увидев, что мать одевается, собираясь куда-то идти.

– В магазин, надо кое-что купить, а то днем – то стирка, то глажка, то обед готовила – некогда было сходить.

– Давай я сбегаю, – девушка встала из-за стола, где светил экраном ноутбук и лежало несколько книг да конспектов.

– Нет уж, сходила уже однажды. Хватит с нас.

– Да ну, что ты, – засмеялась дочь, – с тем случаем все понятно, все выяснилось, все уже со мной пообщались, и ученые, и ФСБ. Давай, я быстро – туда и обратно.

– Ну, ладно, аккуратней только, – с беспокойством произнесла мать, но останавливать дочь не стала.

А Аленка быстро оделась и выбежала на улицу.

Сделав покупки, она вышла с тяжелым пакетом из супермаркета и остановилась на том самом месте, где когда-то, три месяца назад, она прощалась с Олегом. И ей стало грустно и весело одновременно. В юности так бывает. Она посмотрела на свои старинные золотые часы с дарственной надписью, подаренные ей когда-то одним из самых могущественных людей прошлого. Они показывали без двух минут семь вечера.

И вновь дурацкая мысль пришла в ее хорошенькую светловолосую головку – не повернуть ли колечко? Интересно, произойдет на этот раз что-нибудь или нет?

Все-таки не зря о природных блондинках ходят разные легенды об их фантастических способностях совершать глупости. Нет, не зря. И она, закрыв глаза, повернула свое заветное колечко камушком вниз и в этот момент разразилась весенняя гроза, полил сильный дождь, загремел гром и ударила молния.

– Вот это да, понаделала я дел, – немного испугалась девушка, и повернула колечко назад. Но гроза не закончилась, только дождик усилился. А в остальном все оставалось по-прежнему.

– Ну, вот, надо было хотя бы зонтик прихватить, не догадалась. Не хватало еще простудиться да ангину заработать, – подумала Алена. – Пока до дому добегу – вся буду насквозь мокрая.

Она торопливо вернулась в супермаркет, чтобы переждать внезапно налетевшую весеннюю грозу.

– Ну, колечко, с тобой действительно шутки плохи, надо, пожалуй, тебя снять, и спрятать до лучших времен в ту же коробочку, где ты хранилось. Хотя, оно тут и не причем. Дождь уже накрапывал, когда я выходила из дома, – успокоила себя девушка, достала мобильный и позвонила матери, чтобы не волновалась. Мать после ее приключения начинала переживать, если Алена запаздывала даже на несколько минут.

Аленка спрятала телефон и начала терпеливо ждать, когда дождь чуть утихнет. В это время рядом с ней остановился молодой мужчина в черной куртке с капюшоном, тоже, видно, решивший переждать непогоду. Вместе с ним остановилась молодая женщина, которая стала торопливо доставать из сумочки зонтик.

– Давай, подождем минут пять, а то машину-то я оставил далековато. Не добежим – промокнем до нитки.

– Вечно ты паркуешься не пойми где, – укоризненно сказала женщина. – Возьми у меня пакет, в конце концов.

Мужчина молча взял у нее из рук пакет и больше не проронил ни слова. Женщина тоже молчала.

Алена скосила глаза на молчащую парочку – и, ну что поделаешь, сердце ее забилось чуть быстрее, чем до того. Да и как оно могло оставаться спокойным – ведь рядом стоял Андрей, ее первая любовь, с которым она расталась после знакомства с Сидоровым.

Андрей потом много раз ей звонил, встречал на улице, пытался что-то выяснить и все вернуть, но она тогда ничего не могла с собой поделать. Она даже перестала ходить на фехтование, чтобы больше не видеться с ним, хотя ее тренер прочил ей счастливое спортивное будущее. Но время шло и, кажется, оба понемногу успокоились. Андрей перестал звонить, перестал встречать ее по дороге в университет, а затем, как говорили, и вовсе куда-то уехал. И они потеряли друг друга.

Андрей тоже заметил Алену, да и как было не заметить, стояли они почти рядом и бежать им было некуда, да и незачем. Алена первая повернулась к бывшему своему парню и, улыбнувшись, спросила:

– Привет, как дела?

– Нормально, – ответил Андрей, взглянув на женщину, которая стояла рядом. – Познакомься, Ася, моя жена. А это – Алена, – сказал он жене, – вместе фехтованием занимались.

– Ну-ну, – сказала женщина и демонстративно отвернулась.

Аленка уже поняла, что разговора у них не получится, да и о чем говорить-то, все прошло, хотя где-то в глубине души она не думала, что парень так быстро ее забудет, да не просто забудет, а еще и женится. Хотя это уже не имело значения, тем более, что у нее самой скоро свадьба: Сид настоял, кстати, чтобы они сначала обвенчались, а затем уже зарегистрировали брак.

Еще две недели – и она станет замужней дамой... И уедет из этого города навсегда. И вряд ли они когда-нибудь еще увидятся.

Пока Аленка лихорадочно думала о чем бы еще спросить Андрея, чтобы заполнить томительную паузу, у Братченко зазвонил мобильник и он, извинившись, стал разговаривать. И Аленка, к своему удивлению и радости услышала, как парень в конце разговора сказал:

– Папа, да не беспокойся ты так. В субботу мы с Асей приедем на дачу и поможем. Я буду на машине – и тебя с матерью захвачу. Что, на своей доедешь? Ну, смотри, по здоровью, если что – звони. Кстати, отец, мне вчера капитана присвоили. Глядишь, и тебя догоню. Ну, пока, пап, все, мы тут домой движемся.

Он отключил мобильник и, обращаясь к девушке, пояснил: мой отец с матерью застряли на даче. Завтра надо вызволять.

– Так твой отец жив?! – вырвалось у Аленки. – Он остался жив в Афганистане?

– Конечно, – удивленно ответил Андрей. – Я же тебе рассказывал тогда, помнишь? Ему тогда повезло. Знакомый полковник предложил пересесть из БТРа в легковушку, но отец не стал бросать своих ребят, и поехал с ними. А легковушку раздолбали по дороге душманы. Вот так-то. А мог бы погибнуть.

– Ну, ты закончил свои воспоминания? Пойдем уже, да и девушка торопится, – жена взяла Андрея под руку, и они вышли на улицу, где дождь уже перестал. И гроза прошла.

И Алена, посмотрев вслед своей первой любви, уходившей навсегда, подумала: «А все-таки не зря я тогда крутанула колечко. Оно действительно доброе. Братченко остался в живых. Даже ради этого стоило провалиться в то время. Значит, Олег не забыл о моей просьбе. Хороший он парень, жаль, что мы разошлись во времени».

Алена вышла на мокрую улицу, сверкавшую разноцветными огнями рекламы, фонарей и автомобильных фар. Это был ее мир, ее время, которое она любила и в котором хотела прожить жизнь.

Прожить жизнь, полную света и добра, где всегда будет звучать музыка любви. Ведь музыка существует до тех пор, пока есть, кому ее слушать.

ГлаваXI

На саммит стран азиатско-тихоокеанского региона во Владивостоке госсекретарь США приехала заранее. По поручению Президента ей необходимо было встретиться с министром иностранных дел России и обсудить весьма важную тему, которая в последнее время волновала общественность, да и Правительства двух могущественных государств, от которых зависел мир на земле. В прямом смысле этого слова. Некоторое время назад в прессу просочилась информация об экспериментах, которые проводили США и Россия по открытию коридоров времени, что позволяло проникать в прошлое. Пока, правда, в ближнее. Рассказывалась даже история о какой-то русской девушке, правда без имени и указания города, которая случайно оказалась в прошлом в результате сбоя на американском спутнике, обеспечивающем этот временной коридор. Общественные организации, лидеры других государств были серьезно обеспокоены начавшимися экспериментами и теми неограниченными возможностями, которые открывались при этом.

Одни доказывали, что, проникая в прошлое, можно его улучшить, например, предотвратить вторую мировую войну. Известно, например, что Гитлер любил сидеть на одном из мостиков в предместье Вены. Есть даже его акварель на эту тему, где он изобразил самого себя. Так почему бы его не столкнуть с этого мостика и помешать выплыть?

Хомейни, духовному лидеру Ирана, не дать выехать из Франции и возглавить в своей стране исламскую революцию. И у власти осталась бы династия Шахиншаха Ирана Мухаммеда Роза Пехлеви, вполне лояльного парня. И никаких проблем с ядерным оружием в этой стране. Можно радикально улучшить мир с помощью спецгрупп, которые получат задания на устранение тех, кто в последующем проявил себя как тиран и деспот, убийца и агрессор. Можно просто не дать им родиться!

Но другие предостерегали: нельзя произвольно менять ход истории, той Истории, что уже состоялась. Последствия могут быть непредсказуемыми. То, что произошло, уже произошло. А что, если кто-то будет использовать эти возможности не в интере-

сах человечества, а в своих собственных? И устранять не исторических злодеев, а тех, кто просто не устраивает по политическим или экономическим причинам. Это может привести к мировой катастрофе. К Апокалипсису. Так, кстати, думали многие.

США и Россия пока две единственные страны, которые вплотную подошли к реализации этих возможностей. И встали перед пропастью. И заглянув туда – ужаснулись. Их разведки дали подробную информацию о готовности обеих стран, поскольку все это было связано с космосом, ближним космосом, а там сейчас, как в коммунальной квартире – и теснота, и сор везде валяется неубранный, и все слышат, что делается у соседей.

Оба министра встретились в новеньком конгресс-холле, построенном как раз к Саммиту. И оба рассчитывали, что в этом новеньком дворце они смогут проявить и новое мышление. Мышление 21 века, а не мышление века двадцатого. И выход здесь виделся только один: запретить все подобные эксперименты и прекратить все научные разработки под строгим обоюдным контролем.

Министры улыбались друг другу. Но это еще ничего не значило. Абсолютно ничего.

Послесловие

Аленка выскочила на улицу. Позвонил Сидоров, и ей не хотелось говорить о своих делах при людях. Они беседовали долго и весело, обсуждая, как проведут вместе лето, до которого оставалось и всего-то ничего, один, последний экзамен. И – свобода.

Сид сказал, что сразу после экзаменов приедет за ней и они вместе отправятся на Кипр. На две недели. Но сначала сыграют свадьбу. Очень скромную, только для своих.

Когда они закончили разговор, она еще некоторое время оставалась на улице, раздумывая, не зайти ли ей в кафе перекусить. После радостных новостей у нее всегда появлялся аппетит.

В это время ей навстречу шел пожилой хорошо одетый мужчина. Поравнявшись с ней, он просто сказал:

– Здравствуй, Алена.

– Здравствуйте, – недоуменно проговорила девушка. Мужчина был незнаком, хотя что-то неуловимо близкое было в его лице и в голосе, но что – она вспомнить не могла. Жизнь меняет нас. Изменила она и Олега. Алена его не узнала. А он прошел и не остановился. Он понимал, что его время прошло. А наступившее время – её. И им не суждено пересечься, что бы там не придумывали ученые корректировщики.

СОДЕРЖАНИЕ:

Часть первая. Кольцо с изумрудом 3

Часть вторая. Корректировка 121

Литературно-художественное произведение

Альфред Николаевич Симонов
МУЗЫКА В ПУСТОМ ДОМЕ
Роман

Произведение публикуется
в авторской редакции

Компьютерная верстка
М.Г. Китайнер

Корректор
М.Л. Ведерникова

Художник

Подписано в печать 29.04.2010.
Формат 60x84 1/16. Печать RIZO.
Бумага LUX-CREAM.
Гарнитура PetersburgC. Усл.п.л. 10,08.
Уч.-изд.л. 8,37. Тираж 300 экз.
Заказ № 270410

Издательско-полиграфический комплекс «Индиго»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Отпечатано на собственном полиграфическом оборудовании